

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

 Финно-угорский мир
Finno-Ugric World
Том 14, № 2. 2022

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77–70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 08.07.2022.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.).
Цена свободная. Заказ № 698

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Certificate ПИ № ФС77–70644
August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign
countries

Subscribe index: 42059,
Catalog "The Press of Russia"

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"National Research
Ogarev Mordovia
State University"
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on July 7, 2022.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 150 copies).
Free price. Order No. 698

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2022

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильнихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčinienė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyakhmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, Jewish University (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. Н. Баженова. Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова 136

Н. С. Братчикова. Звукопись в графическом романе и способы ее передачи с финского языка на русский (на материале комикса С. Макконена «Калевала») 147

А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова, М. З. Левина. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия 160

А. Н. Ракин. Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке 171

Н. Н. Тимерханова. Выражение кондициональности в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка (семантические и структурные особенности) 186

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. М. Мацук. Средние специальные учебные заведения сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. 196

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. А. Молчанова. «Древесная» символика в декоративном убранстве удмуртского костюма: истоки, бытование, смысл 207

А. А. Осьмушина. Человек и мир в мордовской сказке (в сравнении со сказками других этнокультур) 223

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

А. Г. Бурнаев. Онтогенез мордовского танца: фестиваль-конкурс “Ёндоля” в Саранске 241

В. Н. Максимов. Михаилу Ивановичу Ильину – 70 244

В. И. Рогачев, С. Н. Степин. Научно-педагогическая деятельность Г. И. Горбунова (финно-угорские проекции) 246

Е. Н. Мухина. Последняя любовь К. Г. Маннергейма 251

PHILOLOGY

O. N. Bazhenova. Lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov	136
N. S. Bratchikova. Onomatopoeias in a graphic novel and the ways of their rendering from Finnish into Russian (on the material of comics “Kalevala” by S. Makkonen)	147
A. Yu. Maslova, T. I. Mochalova, M. Z. Levina. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian and Mordovian dialects on the territory of the Republic of Mordovia	160
A. N. Rakin. Nomination of a hunting object in the Komi language	171
N. N. Timerkhanova. Expression of conditionality in compound sentences of the Udmurt language (semantic and structural features)	186

HISTORICAL STUDIES

A. M. Matsuk. Vocational education institutions of the sphere of education and culture in the European North of Russia in the 1950s – 1980s	196
---	-----

CULTURAL STUDIES

L. A. Molchanova. “Wood” symbolism in the decoration of the Udmurt costume: origins, existence, meaning	207
A. A. Osmushina. A person and the world in a Mordovian folk tale (in comparison with folktales of other ethnic cultures)	223

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

A. G. Burnaev. Ontogenesis of Mordovian dance: festival “Yondolnya” in Saransk	241
V. N. Maksimov. Mikhail Ivanovich Il'in – 70	244
V. I. Rogachev, S. N. Stepin. Research and teaching activities of G. I. Gorbunov (Finno-Ugric projections)	246
E. N. Mukhina. The last love of K. G. Mannerheim	251

Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова

Ольга Николаевна Баженова

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Работа посвящена описанию некоторых лексических средств выражения эмотивности и оценочности в прозе классика коми литературы Г. А. Юшкова.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты романов, повестей и рассказов Г. А. Юшкова. В работе использован метод компонентного анализа, обозначены такие компоненты коннотативного значения, как параметрический, эмоционально-оценочный, образный. При описании моделей индивидуально-авторских фразеологизмов применен структурный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Эмотивность и оценочность в прозе Г. А. Юшкова выражаются различными лексическими средствами. Неодобрение предмета речи передается общеупотребительными пейоративами и индивидуально-авторскими фразеологизмами, созданными по моделям узуальных словосочетаний в переносном значении, лексическими повторами в репликах персонажей. Негативная оценка и отрицательные эмоции говорящего выражаются также изобразительными глаголами, при этом компонент интенсивности в коннотативном значении слова становится предпосылкой развития компонента оценочности. Концептуально значимым для произведений Г. А. Юшкова является компонент одобрения в коннотативном значении этнонима *коми*. Положительно оцениваются такие качества коми человека, как доведение дела до конца, искренность, целеустремленность, упорство, умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу, скромность.

Заключение. Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: их источником послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Ключевые слова: эмотиология, эмотивность, оценочность, коми язык, стилистика коми языка, Г. А. Юшков

Для цитирования: Баженова О. Н. Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 136–146. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.136-146.

Введение

В контексте антропоцентричной направленности современной науки особую актуальность приобрело исследование выражения в языке таких функционально-семантических категорий, как эмотивность, экспрессивность, оценочность и образность. Для изучения данных категорий в лингвистике имеются различные направления: антропологическая лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, эмотиология (лингвистика эмоций). В коми языкознании эмотиология является новой областью исследований, которая включа-

ет в себя изучение пейоративной лексики и различных морфологических средств выражения эмотивности и оценочности. Перспективным направлением представляется изучение лексических средств, с помощью которых передаются эмотивность и оценочность в художественных текстах и для которых характерен целесобразный, эстетически мотивированный отбор.

Данная статья посвящена изучению способов лексической репрезентации категорий эмотивности и оценочности в коми языке на материале прозы Г. А. Юш-

кова (1932–2009), классика коми литературы, чьи произведения отличаются жанровым и тематическим разнообразием, обращением ко всем возможным источникам в целях обогащения литературного языка.

Как отмечает В. К. Харченко, «слово в художественном тексте, наряду с основным значением, часто имеет дополнительное содержание, сопутствующее основному, т. е. обладает коннотативными значениями, которые могут проявляться как оценочность, эмоциональность, образность, экспрессия» [18, 67]. Т. М. Крюкова, обращаясь к проблеме экспрессивности в современной лингвистике, образность понимает как «способность языковых единиц вызывать чувственно-образные представления и ассоциации», эмоциональность – «способность языковых единиц отражать переживания человека по поводу определенного явления действительности». Оценочность, по ее мнению, «заключается в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи», интенсивность «выражает степень проявления действия, признака». Исследователь предполагает, что экспрессивность служит родовым понятием для образности, эмоциональности, оценочности, интенсивности [8, 50]. Объектом нашего исследования послужили главным образом такие категории, как эмотивность и оценочность. Следует отметить, что оценка какого-либо явления часто сопровождается эмоциональной реакцией на него [12; 13]. Так, Г. Н. Ленько считает оценку «необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение значимости события или ситуации, а следовательно, и активизации эмоций, происходит через оценивание» [10, 89].

Обзор литературы

Репрезентация категорий эмотивности и оценочности в финно-угорских языках исследуется на материале различных лексических средств. К экспрессивным средствам, содержащим в своем значении компоненты образности и эмоционально-

сти, финно-угроведы относят изобразительную лексику [6], фразеологизмы [3; 4] и зооморфизмы [15]. Эмотивность изучается также на примере лексико-семантических групп существительных и глаголов, обозначающих определенные эмоции [5; 7; 16].

В коми языкознании среди основных работ по исследованию эмотивности и оценочности следует назвать статью Е. А. Цыпанова «Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы». В работе обоснована необходимость изучения материала коми языка в аспекте эмотиологии и впервые охарактеризованы две группы лексических единиц с мотивированными значениями: слова, обозначающие предметы традиционного быта коми-зырян, и слова-зооморфизмы (названия животных, птиц, насекомых, земноводных) [19]. Пейоративная лексика на коми-зырянском и коми-пермяцком языках представлена в словаре Е. А. Цыпанова «Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд» («Коми пейоративы: очень необычный словарь»), включающем более 1 900 заглавных слов¹.

Изучению прилагательных, выражающих субъективную оценку говорящего, посвящена статья В. М. Лудыковой «Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка». Качественные прилагательные распределены по тематическим группам, где они обозначают оценку вкуса и запаха, интеллектуальную, эстетическую, этическую, рационалистическую оценку [11, 33–35].

Как видим, на данный момент категории эмотивности и оценочности в коми языкознании изучаются на материале пейоративов и слов определенных лексико-семантических групп.

Относительно изучения стиля произведений Г. А. Юшкова важно подчеркнуть, что ему посвящены как литературоведческие, так и лингвистические работы. Литературовед В. Н. Демин рассматривает творчество писателя как проявление психолого-реалистического стиливого течения национального стиля коми литературы,

¹ См.: Цыпанов Е. А. Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Сыктывкар, 2021.

для которого характерны интерес к «переломным эпохам в жизни народа, широкое обращение к фольклорному и этнографическому материалу, социально-психологическое раскрытие личности, осмысление проблемы “человек и природа”, тяготение к символике, объективизация повествования» [2, 483]. И. И. Уляшев в статье «Повествование и стиль романов Г. Юшкова» обращает внимание на ритмизованную речь автора в пейзажных зарисовках, описывает многокомпонентные сложноподчиненные предложения, выражающие внутреннее состояние героев, их размышления. Отличительной чертой стиля Г. А. Юшкова исследователь называет слияние речи героев и повествователя, когда повествование от третьего лица перемежается с несобственно-прямой речью героев, что служит описанию психологии персонажей или воспроизведению технологии изготовления каких-либо предметов, трудового процесса, причем в последнем случае писатель выступает как автор-дидактик [17, 64–68]. В статье Т. Л. Кузнецовой «Проза Г. А. Юшкова: особенности художественного осмысления жизни» раскрыты основные темы его романов, повестей и рассказов. Исследователь полагает, что одним из главных стремлений писателя является попытка исследовать специфику национальной идентичности коми народа, а его стилю свойственны остроумные, ироничные, склонные к афористичности выражения [9, 67, 71].

Рассматривая лексико-стилистические особенности романа Г. А. Юшкова “Чугра”, Р. Коснырева и И. Костромина в работе “Чугра” романлӧн кыв” («Язык романа “Чугра”») обращают внимание на диалектизмы, внесенные писателем в текст, неологизмы, профессионализмы, дескриптивы, синонимы, контекстуальные антонимы, фразеологизмы, сравнения. Авторы приходят к выводу, что роман написан «красивым, образным языком», хотя и не лишен отдельных недостатков. Среди них – обилие вставок на русском языке, неточное употребление отдельных слов, грамматические ошибки)².

Неологизмы романа “Бива” описаны в статье А. Н. Ракина «Лексические новации в историческом романе Г. А. Юшкова “Бива”». В качестве новой лексики исследователь выделяет 129 слов, из которых 114 объяснены писателем в сносках на 48 страницах. Данные слова распределены по 15 тематическим группам [14, 221–225]. Источниками лексических неологизмов, по мнению А. Н. Ракина, послужили лексикографические издания XIX в. (словари Г. С. Лыткина, Ф. Видемана, Д. Фокош-Фукса, Ю. Вихманна), диалекты коми языка, соответствия в близкородственных языках [14, 226–227].

Таким образом, произведения Г. А. Юшкова были рассмотрены в контексте стилей коми литературы как выражение психолого-реалистического стилистического течения. Синтаксис прозы классика коми литературы изучен с точки зрения совмещения в тексте речи повествователя и персонажа, а также изменения соотношения данных голосов в зависимости от установок автора. Основные темы и идеи писателя, доминанты художественного осмысления действительности, поэтика прозы и индивидуально-авторские формы повествования исследованы на материале романов, повестей и рассказов. Выявлены некоторые лексические особенности романа “Чугра”, распределены по тематическим группам с указанием источников лексические новации романа “Бива”. Однако тексты Г. А. Юшкова еще не были изучены с точки зрения лексических средств выражения категорий эмотивности и оценочности.

Материалы и методы

Основным методом исследования является метод компонентного анализа коннотативного значения отдельных лексем. При анализе функций конкретных лексических единиц учтена классификация компонентов коннотативного значения, предложенная Т. В. Матвеевой: 1) параметрический компонент (интенсивность или чрезмерность признака, квалификативная сема); 2) эмоционально-оценочный ком-

² См.: Коснырева Р., Костромина И. “Чугра” романлӧн кыв // Войвыв кодзув. 1984. № 7. Лб. 49–51.

понент (эмоциональная оценка типизированного социального представления о положительном или отрицательном содержании отражаемого явления с точки зрения практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов); 3) образный компонент (образность как способность слова отражать обозначаемое конкретно-изобразительно, выполнять предметно-изобразительную функцию) [13, 19]. При описании моделей индивидуально-авторских фразеологических единиц был применен структурный метод.

Материалом исследования послужили тексты романов Г. А. Юшкова «Чугра» (1978), «Рөдвуж пас» («Родовой знак», 1984), «Бива» («Огниво», 1999); повестей «Вилядь сиктса ань» («Женщина из села Вилядь», 1964), «Пияна ош» («Медведица с медвежатами», 1969), «Кысь ме тэнö корся?» («Где я тебя найду?», 1981); рассказов «Аски лоö мича» («Завтра будет погожим», 1962), «Конö Семö» («Конэ Семэ», 1967), «Ошинь водзын бурöвöй» («Перед окном буровая», 1970), «Чöскыд вотöс – сьöлаоз» («Вкусная ягода – поленика», 1971), «Юрыд усьö» («Позор», 1980), «Карса» («Городская», 1986), «Лов пыкöс» («Опухоль души», 1989), «Часовня» (1989), «Му выв олысь» («Живущий на земле», 1989), «Мынтöдчöм» («Избавление», 1990), «Вир тшыкöдысь» («Вампир», 1990), «Кыдзи мортыд ылавлан» («Как может обмануться человек», 2002)³.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее распространенным лексическим средством выражения эмотивности и оценочности в языке являются пейоративы и мелиоративы [19, 112]. Как показывают данные различных словарей коми языка, зафиксированных мелиоративов в них значительно меньше, чем пейоративов [1, 12]. В прозаических текстах Г. А. Юшкова⁴ употребляются такие мелиоративы, как *рочакань* ‘куколка’, *шондйбан* ‘солнышко’: – *Босьтöй-босьтöй, рочаканьяс*, – *мелйа*

шуалйс батъыс (Т. 3, с. 201). «– Берите-берите, куколки, – ласково говорил отец»; *Август нельöд лунö ыстöма письмöсö, а аскомысьнас и усьöма шондйбан* (Т. 2, с. 424). «Четвертого августа послал письмо, а на послезавтра и погиб, солнышко».

Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: источником их послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

Для стиля Г. А. Юшкова характерны индивидуально-авторские фразеологизмы, выражающие одобрение. Обычно в таких оборотах используется причастие на *-ан(а)*: *Сидзкö тай, мыйкö морт на быдман, пызан сайö пуксьöдан...* (Т. 2, с. 90). «Значит, человеком все же вырастешь, тем, кого можно за стол посадить...»; *...а мортыс сйö, тыдалö, пыжö на босьтана* (Т. 3, с. 66). «...а человек он, видимо, такой, кого можно взять с собой в лодку».

В определенном контексте положительной коннотацией обладает и существительное *морт* ‘человек’: *Бытьö тэ и мортыс танй, мирыслы олан, а ми сöмын асьнымöс тöдам* (Т. 3, с. 92). «Будто ты один здесь человек, живешь для людей, а мы только о себе заботимся»; – *Мортöн колö лоны! – вочаалйс Доронин* (Т. 2, с. 591). «– Человеком надо быть! – возразил Доронин»; – *Абу жö кö морт вöлöмыд-а⁵*. «– А ты, оказывается, и не человек вовсе».

Отрицательная оценочность в романах и повестях Г. А. Юшкова выражается общеупотребительными пейоративами: *йöй* (Т. 2, с. 14) ‘дурак’, *бырган* (Т. 2, с. 88) ‘болтун’, *ёма* (Т. 2, с. 646) ‘ведьма’, *зывгун* (Т. 2, с. 98) ‘нытик’, *мутивöй* (Т. 3, с. 36) ‘бес’ и др. Наряду с одиночными пейоративами отрицательную оценочность передают также общеупотребительные

³ Перевод названий произведений и примеров с коми языка на русский осуществлен автором статьи.

⁴ Примеры, кроме особо оговоренных случаев, даются по изданию: Юшков Г. А. Нель небöгö öтүвтöм гижöд чукöр. Сыктывкар, 2001. Т. 1–3. В круглых скобках после примера указываются том и номер страницы.

⁵ Юшков Г. А. Чукöсты, Коми му, чукöсты: статьяяс, висьтыяс, пьесаяс, кывбурьяс. Сыктывкар, 2010. Лб. 26.

словосочетания в переносном значении: *кузь киа* (Т. 3, с. 39) ‘вор (букв.: длиннорукый)’, *вина гаг* (Т. 2, с. 11) ‘пьяница (букв.: винный жук)’, *сувтса синма* (Т. 2, с. 40) ‘бесстыжий (букв.: с вылупленными глазами)’ и др. Тексты Г. А. Юшкова содержат большое количество индивидуально-авторских фразеологизмов, созданных по моделям общеупотребительных, обладающих образностью и выражающих эмоциональную оценку:

прилагательное + существительное: *урӧс ёкмыль* ‘урод (букв.: паршивый кусок)’, *тыртӧм гыр* ‘бессердечный (букв.: пустая ступа)’, *йиа кӧзӧд* ‘бессердечный (букв.: ледник со льдом)’. Например: – *Кычипи на, а кок шегъяд нин и варскӧбтӧ! Шӧть, урӧс ёкмыль!* – и *тайкӧ вузвъсыяс* (Т. 2, с. 40). «– Сам еще щенок, а хватается зубами за щиколотку! Брысь, урод! – и будто вот-вот набросится»; – *А тэнсьыд он и аддзы [сьӧломтӧ], тыртӧм гырлысь!* – *зывӧктана кайтис Наталь да чеччыштис лымйӧ* (Т. 2, с. 141). «– А у тебя и не найдешь [сердца], пустая ступа! – брезгливо сказала Наталья и прыгнула в снег»; – *А кӧдзалам кӧ ӧта-мӧд динӧ?* – *Некытчӧ нин тэныд кӧдзавнысӧ, йиа кӧзӧдлы!* – *муртса эз горӧд Павел* (Т. 1, с. 421). «– А если охладеем друг к другу? – Некуда уж тебе охладевать, леднику со льдом! – чуть было не крикнул Павел»;

существительное в аккумулятиве + активное причастие настоящего времени: *пон сёйысь* ‘плохой человек (букв.: едящий собак)’, *пиньтӧ йирысь* ‘злой (букв.: грызущий зубы, скрежещущий зубами)’ – ср. *лун-вой сёйысь* ‘бездельник (букв.: едящий время)’. Например: – *Колӧкӧ, картйӧн асьсӧ ворссис?! – Эз. Сйӧ ветымынӧд кӧкъямысӧд серти пукалис. – Тэ тӧдан? Видзӧдлин делӧас?* – *А эз вӧв пон сёйысь!* – *дӧзмис Ожегов* (Т. 3, с. 119). «– Может, в карты проигрался?! – Нет. Он по пятьдесят восьмой сидел. – А ты откуда знаешь? Дело смотрел? – Не был он плохим человеком! – рассердился Ожегов»; *Но ӧд тэ абу пиньтӧ йирысь, кыдз мян сиктын шудӧны. Тэ эз бур морт, дерт, аслад руа* (Т. 3, с. 308). «Но ты ведь не злой, как в нашем селе говорят. Ты очень хороший человек, хотя и своенравный, конечно»;

существительное в номинативе (атрибутив) + существительное: *морт сьӧлӧм* ‘человечный (букв.: сердце человека)’, *шыр сьӧлӧм* ‘трусливый (букв.: сердце мыши)’ – ср. *кӧч сьӧлӧм* ‘трус (букв.: сердце зайца)’. Например: *Но вӧлӧма на и Леушинлӧн морт сьӧлӧм. Локтис сйӧ ӧтчӧд бурӧвӧй вылас да кыдзкӧ небыда... видзӧдлис Казариновлань* (Т. 3, с. 302). «Но, оказывается, у Леушина было сердце человека. Пришел он однажды на буровую и как-то мягко... посмотрел на Казаринова»; *Некод тэӧ оз дзуг, шыр сьӧлӧмс! – скӧрмис Павел* (Т. 1, с. 680). «Никто тебе не мешает, мышинному сердцу! – рассердился Павел»;

наречие + глагол: *ыджыда ытшыкыштны* ‘сильно преувеличить (букв.: сделать крупный взмах косою)’ – ср. *ыджыда сёрнитны* ‘поговорить всерьез (букв.: крупно поговорить)’. Например: – *Со эськӧ пыид, да мый на сыысь коркӧ петас-а?* – *Крестьяниныс век петас. – Ог тӧд!* – *нюркнитис мамыс. – Мыйла он тӧд?* – *Войт на абу вежӧрыс! Номъясыд пӧ лунвылад лӧбӧмаӧсь нин. Коктӧм Кӧсьта и ывсӧдлӧма вир йӧйӧс!* – *Ок ӧд, ыджыда век ытшыкыштӧ!* – *водзӧс ӧлӧдис батысьс. – Пызан судта детинаыслӧн, уна-ӧ на вежӧр сьлӧн?* (Т. 2, с. 14). «– Вот он сын, да кем он будет? – Крестьянином всяко будет. – Не знаю! – протянула мать. – Как не знаешь? – Разума нет ни капли! Комары, говорит, на юг уже улетели. Безногий Костя обманул дурака! – Ох ведь, опятьхватила! – одернул отец. – Парень еще под стол ходит, много ли ума у него?»

Лексическими средствами в прозе Г. А. Юшкова выражаются не только осуждение и гнев, но также снисхождение: *А Васька кивыль эз керлы налӧн ышмӧм вылӧ, тапсьӧдис мышкас нопйӧн да веськодясис: мед вӧчӧны, мый вӧчӧны, вежӧр вылӧ на вӧтӧмъясыс* (Т. 2, с. 96). «А Васька никак не отреагировал на их баловство, шагал с рюкзаком за спиной и делал вид, что ему все равно: пусть делают, что хотят, неразумные»; сожаление и ирония: *Но Часовня кыр йылын йӧйтавсис и сьлӧн, верстьӧд пуксьысьдлӧн!* (Т. 2, с. 96). «Но на холме у часовни все же сгруппил он, возомнивший себя взрослым!».

Интересный пример представляет собой слово *коньёр* ‘бедный, несчастный’, эмотивно-оценочная коннотация которого определяется контекстом. Данная лексема может употребляться с оттенком уничижения: *А вот кывсяс йёзыслы, ветлёма пö ботанасьны да лов абу шедöма коньёрйлы, и нэмтö сэсся казътыласны нин* (Т. 2, с. 95). «А вот узнают люди, что он ходил ловить рыбу ботальной сетью, и ни одна не попалась бедняге, всю жизнь припоминать будут»; раздражения: *А мый нö, кытi нин коньёрöс сэтшйомасö дзескöдiс?* (Т. 2, с. 23). «А что же, где бедняжку так прижало?»; сострадания: *Медся на бур, мамтö кö вежан. А то оз и эштыв коньёр пенсия вылас петавны* (Т. 2, с. 24). «Лучше всего, если мать сменишь. А то не может бедная на пенсию выйти»; осуждения (в составе фразеологизма *коньёрö уськöдчыны / коньёрö пуксьыны* ‘прикинуться бедным’): *...но пыралöмыс да юалöмыс öд мый дон на сувтö ас юрöн олысь мортыдлы, коньёрö лоö уськöдчыны, синтö лазгöдны да* (Т. 3, с. 89). «...но человеку, живущему самому по себе, неприлично зайти и спросить, ведь придется прикинуться бедным, еще и глаза потупить».

Одной из особенностей стиля Г. А. Юшкова является употребление изобразительных глаголов, в значении которых присутствует компонент негативной оценки. Неодобрение субъекта речи выражается, например, следующими глаголами: *летйысьны* ‘дергаться’ (ср. нейтральное *йöктыны* ‘танцевать’), *дiтшвидзны* ‘сидеть сложа руки’ (ср. *пукавны* ‘сидеть’), *уйкнитны* ‘улепетнуть’ (ср. *мунны* ‘уехать’), *бавъявны* ‘шататься’, *бротъявны* ‘шлендаты’ (ср. *ветлöдлыны* ‘ходить’), *ырсявны* ‘артачиться’ (ср. *асныравны* ‘упрямиться’), *жавксьыны* ‘лаяться’ (ср. *пинясьны* ‘ругаться’) и др.: *Найö [нывъяс] öдйö петалiсны летйысьны гыпкысь музыка улас* (Т. 3, с. 14). «Они [девушки] быстро выходили дергаться под грохочущую музыку»; *Но колiс öд кыскö корсьны вит-ö-квайт пöвсö... – Разя вот порсь гид вывсьыныд вевтсö! – Ланьт сёрнинад, – такöдiс чойыс. – Сюрö на кыскö. – Сюрас тадзитö дiтшвидзигад* (Т. 3, с. 89). «Но надо ведь было достать

где-нибудь пять-шесть досок... – Вот возьму и разберу крышу вашего хлева для свиней! – Замолчи, – успокоила его сестра. – Найдется как-нибудь. – Найдется, если сидеть сложа руки»; *Ачыд тай, армия бöрад эн жö гортö кольчы, вöрпунктö уйкнитiн* (Т. 3, с. 92). «Сам-то после армии не остался дома, в лесопункт улепетнул»; *Няръялö биыс гöгöрсъыныс пожöмсö, а налы теш, бавъялöны нильöдöм синмайсь* (Т. 3, с. 102). «Огонь пожирает сосны во круг, а им весело, шатаются, с помутненными глазами»; *Та вöсна и эз на лэдзны война помас, матö кум во на бротъялiс армияс* (Т. 3, с. 69). «Из-за этого и не отпустили после войны, еще года три шлендал в армии»; *Мый сэсся либö ырсяялан?* (Т. 2, с. 68). «А зачем тогда артачишься?»; *Дыр-ö бара тэ жавксян-а? – дöзмис да эльтышитiс Васька, кыдзи коркö батыыс* (Т. 2, с. 98). «Долго еще будешь лаяться? – рассердившись, пробурчал Васька, как делал когда-то его отец».

Эмотивно-оценочные глаголы могут также служить маркером голоса того осуждающего собеседника, с кем персонаж ведет мысленный диалог: *Сэсся Тамара... югдылiс, курзьöм ныр-вома, ме пö ас вылад ыштылi, а тэ пö Рогачев сайö менö тувъялiн* (Т. 3, с. 8). «Потом показала Тамара... с перекошенным лицом, мол, я на тебя позарилась, а ты меня Рогачеву сбыл (букв.: ‘пригвоздил’)»; *Тайö сейсмопартияс и веськалiс Латкин, кор помалiс Ухтаысь индустриальнöй институтсö. Кык во нин сэсянь колiс, коймöд вылö петiс. Шуны кö, уджыс ни йёзыс эз нин вöвны тöдтöмөн, ёна нин лои ‘чиганалöма’. Мамыс тадзи нимтiс Латкинлысь ветлöдлана уджсö...* (Т. 3, с. 9). «В эту сейсморпартию и попал Латкин после окончания Ухтинского индустриального института. Два года с тех пор прошло, третий начался. Так сказать, и работа, и люди уже были знакомы, много пришлось ‘цыганить’. Таким словом мама называла работу Латкина...». Примечательно, что в коннотативном значении данных слов наряду с компонентом негативной оценки содержится компонент образности, который характерен для коми глаголов, образованных от существительных и упо-

требляющихся в переносном значении, например: *пожнасьны* ‘пустословить’ < *пож* ‘решето’; *кѣмѣдны* ‘обмануть’ < *кѣм* ‘обувь’; *каньявны* ‘распутничать’ < *кань* ‘кот, кошка’; *поньясьны* ‘сквернословить’ < *пон* ‘пес, собака’ и др. [1, 9].

В коми языкознании эмотиология является новой областью исследований, которая включает в себя изучение пейоративной лексики и различных морфологических средств выражения эмотивности и оценочности. Перспективным направлением представляется изучение лексических средств, с помощью которых передаются эмотивность и оценочность в художественных текстах и для которых характерен целесообразный, эстетически мотивированный отбор.

Компонент интенсивности в коннотативном значении слова может стать предпосылкой развития компонента оценочности. Например, глаголы *дѣжнаны* ‘повторять’, *няръявны* ‘наяривать’ имеют в структуре значения компонент интенсивности, а в контексте приобретают также компонент негативной оценки: *Сѣ пѣв нин эськѣ, абу кѣ унджыкысь, ставсѣ сълѣн висьталѣма, яндзим нин колѣ тѣдны, да гылялѣ на кывыис ѳтиторсѣ дѣжнаны* (Т. 2, с. 464). «Уже раз сто, если не больше, рассказал он про одно и то же, уже стыдно должно быть, да все равно язык чешется об одном и том же твердить»; *Код тѣдас, дыр-ѳ на эськѣ Лыткин няръялис ѳддзѣмвевсьыс, но Поликарп сѣсся лѣптылис кисѣ, мед дугдылас* (Т. 2, с. 478). «Кто знает, долго ли бы еще с пылу Лыткин наяривал, но Поликарп поднял руку, чтобы тот перестал».

Эмотивность и оценочность выражаются не только изобразительными и производными от существительных глаголами, но и другими частями речи. Примечателен пример употребления в текстах Г. А. Юшкова этнонима *коми*, имеющего в своем значении компонент одобрения. Положи-

тельно оцениваются следующие качества коми человека:

а) доведение дела до конца: *И ковмис пѣрысь мортлы кынмысь вѣв моз тѣрѣдыштавны мышсѣ... Он ѳд ырс чеччы да педзышт, кор кыйѳдчыны локтѣма, гортад, муса паччѣрад, бѣр он чепѣсыйы ни. Некод эськѣ, колѣкѣ, оз тѣдлы, кынмыны пѣ кутѣма да асывсѣ абу и виччысьлѣма, но ѳд ачыд аслыд сѣк мустьѣм лоан коми мортыд* (Т. 2, с. 440). «И пришлось пожилому человеку, как мерзнувшей лошади, подрагивать спиной... Не встанешь ведь резко, не подвигаешься, если пришел караулить, и домой, на милую печь, не побежишь. Может, никто и не заметит, не скажет, мол, замерз и до утра не досидел, но ведь сам себя возненавидишь, если ты коми человек»;

б) искренность: *Колѣ тѣдны коми морттѣ: абу велалѣма гусьѳн мыйкѣ пѣжны, и кыткѣ дойдѣ кѣ сійѳс, вѣвлѣн моз жѣ пѣтѣ дойсѣ висьталѣмыс* (Т. 2, с. 571). «Надо знать коми человека: он не привык таиться, и если больно ему где-то, то, как лошадь, покажет, где у него болит»;

в) целеустремленность, упорство: *А комийѣд быдѣн кыйысь-виысь, ветлысь да вайысь. Мунѣ кѣ нин вѣрад, тѣдѣ: оз тыртѣг лок* (Т. 2, с. 555). «А все коми – добытчики, пойдут и принесут. Если пойдет в лес, знает: с пустыми руками не вернется»;

г) умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу: *Сѣстѣм, югыд да гулыд арся вѣрыд, выль мыськѣм керка кодъ... Кодлыкѣ мед тыртѣмѣн кажитчѣ, шушитѣм лѣнѣн, сѣмын оз коми мортлы* (Т. 2, с. 459). «Чист, светел и гулок осенний лес, похож на дом со свежавымытыми полами и стенами... Пусть кому-то он кажется пустым, страшно тихим, но только не коми человеку»; – *А оз нѣ пѣмды? Ылалан кытчѣкѣ да... – Коми морт, ылана?!* (Т. 2, с. 183). «– А не темнеет разве? Еще заблудишься где-нибудь... – Коми человек, и заблужусь?!»;

д) скромность: *Сѣтиѣми и эм коми мортыд, оз ыкшаась водзвѣвтѣ* (Т. 2, с. 178). «Такой он и есть коми человек: наперед не хвалит себя».

В противоположность позитивной оценке, закрепленной в сознании автора

за словом *коми*, негативную оценку содержит заимствованное слово *комьяк*, используемое для выражения презрения говорящего: – **Комьяк тэ!** *Понйыдкөд өти дозйысь сёйысь!* – *А мян понъясыс морт сямәсьджык тэ коддьомсьыс, мый оз позь, оз вөрөдны* (Т. 2, с. 600). «– Ты комьяк! Жрешь со своей собакой из одной миски! – А наши собаки больше похожи на человека, чем ты: не трогают того, что нельзя»; – **Комьяк тэ Бутиков!** *Киуд уджалө, а юрьд оз!* (Т. 2, с. 616). «– Комьяк ты, Бутиков! Руки работают, а голова – нет!».

Негативная оценка выражается дисфемизмами, когда эмоционально и стилистически нейтральное слово заменяется грубым: – *Өнтай нө, шампанскөйсө?* – *мудера дэльөдис Кузовкин. – Матере мен сийө вөв кудзыд!* (Т. 3, с. 47). «– А давеча, шампанское-то? – хитро подначивал Кузовкин. – На хрена мне эта лошадиная моча!»; – *А эн нө кырса в нывтө?* – **Кырса ли кө, ачым на быдти!** – *кучкис Ольга пызана* (Т. 3, с. 122). «– А разве ты не нагуляла дочку-то? – Если и нагуляла, то сама вырастила! – ударила Ольга по столу».

Характерной чертой стиля Г. А. Юшкова являются лексические повторы, через которые выражается неодобрение говорящим слов собеседника: – *Но и вайөда,* – *кайтыштас Олюксан. – Вайөда!* – *нерышитис батъыс. – Абу өд нөбөмтор, вөв ли мөс ли. Корасьомон татийомсө вөчлөны* (Т. 2, с. 642). «– Ну и приведу, – проговорил Элексан. – Приведу! – передразнил отец. – Это ведь не что-то купить, не лошадь и не корова. Свататься надо»; *Висьтасын кө, оз нин ков маитчыны нинөмысь. Чист лоан!* – **Лоан!** – *нерышитис Катерина* (Т. 3, с. 54). «Если исповедуешься, не надо будет уже маяться ни о чем. Чиста будешь! – Будешь! – передразнила Катерина».

Заключение

Как показывает проведенное исследование, эмотивность и оценочность в прозе Г. А. Юшкова выражаются различными лексическими средствами:

негативная эмоциональная оценочность передается общеупотребительными пейоративами и индивидуально-ав-

торскими фразеологизмами, созданными по моделям узуальных словосочетаний в переносном значении (*урөс ёкмыль* ‘урод (букв.: паршивый кусок)’, *тыртөм гыр* ‘бессердечный (букв.: пустая ступа)’, *йиа көзөд* ‘бессердечный (букв.: ледник со льдом)’, *шыр сьөлөм* ‘трус (букв.: мышинное сердце)’);

характерной чертой стиля Г. А. Юшкова является выражение одобрения через причастные обороты: *пызан сайө пуксьөдан* ‘тот, кого можно за стол посадить’, *пыжө босьтана* ‘тот, кого можно взять с собой в лодку’;

негативная оценка выражается изобразительными глаголами (*летйысьны* ‘дергаться’, *дйишвидзны* ‘сидеть сложа руки’, *бавъявны* ‘шататься’ и др.). При этом компонент интенсивности в коннотативном значении слова может стать предпосылкой развития компонента оценочности (*дөжнавны* ‘повторять’, *няръявны* ‘наяривать’). Также эмотивно-оценочные глаголы могут служить маркером голоса того осуждающего собеседника, с кем персонаж ведет мысленный диалог;

концептуально значимым для произведений Г. А. Юшкова является компонент одобрения в коннотативном значении этнонима *коми*, при этом положительно оцениваются такие качества коми человека, как доведение дела до конца, искренность, целеустремленность, упорство, умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу, скромность;

неодобрение говорящим слов собеседника выражается через лексические повторы в репликах персонажей;

конкретное эмотивно-оценочное значение слова проявляется в контексте (прилагательное *коньөр* ‘бедный’ может служить для выражения уничижения, раздражения, сострадания, осуждения; существительное *морт* ‘человек’ может иметь коннотацию одобрения).

Таким образом, лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: источником их послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова О. Н. Применение компонентного анализа лексического значения слова при определении стилистических функций синонимов в коми языке // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 3–18.
2. Демин В. Н. Национальный стиль и стиливые течения современной коми литературы // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 482–484.
3. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций 'радость', 'печаль' в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 19–30.
4. Душенкова Т. Р. Выражения с компонентом *вир* 'кровь' в презентации эмоций в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 2. С. 7–11.
5. Душенкова Т. Р. Лексические дефиниции эмоции гнева в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 39–45.
6. Иванов В. А. Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 174–192. DOI: 10.17223/18137083/57/16.
7. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. О глаголах со значением страха в хантыйском языке // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010). Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. P. 203–205.
8. Крючкова Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 48–51.
9. Кузнецова Т. Л. Проза Г. А. Юшкова: особенности художественного осмысления жизни // Наследие. 2017. № 2. С. 64–78.
10. Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 1. С. 84–91.
11. Лудыкова В. М. Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 32–37. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 77).
12. Лукьянова Н. А. Функции экспрессивных лексических единиц // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст., посвящ. 30-летию юбилею каф. общ. языкознания и славянских языков Кемеров. гос. ун-та. Вып. 10. Концептуальные исследования. Кемерово, 2008. С. 59–66.
13. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.
14. Ракин А. Н. Лексические новации в историческом романе Г. А. Юшкова «Бива» // Ракин А. Н. Исследования по пермским языкам. Сыктывкар, 2009. С. 221–228.
15. Рябов И. Н., Рябова Г. В. Использование зооморфизмов в презентации эмоций (на материале эрзянского языка) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 58–67. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067.
16. Сердобольская Н. В. Глаголы с семантикой эмоций и наивная картина мира народа бесермян // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 75–84.
17. Уляшев И. И. Повествование и стиль романов Г. Юшкова // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Сыктывкар, 2004. С. 64–81. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 64).
18. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
19. Цыпанов Е. А. Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 110–119. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-110-119.

Поступила 18.01.2022; одобрена 20.02.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. Н. Баженова – старший лаборант-исследователь сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, bazhenova-olga2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>

Lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov

Olga N. Bazhenova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The paper deals the description of some lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov (1932–2009).

Materials and Methods. The article is based on the texts of the novels and short stories by G. A. Yushkov. The author employs the method of component analysis, it defines such components of connotative meaning as parametric, emotional-evaluative, and figurative. It applies a structural method when describing models of individual phraseological units of the author.

Results and Discussion. Emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov is expressed by various lexical means. Disapproval of the subject of speech is conveyed by commonly used pejoratives and individual phraseological units of the author, created according to the models of ordinary phrases in a figurative sense, lexical repetitions in the replicas of the characters. Negative evaluation and negative emotions of the speaker are also expressed by figurative verbs, while the intensity component in the connotative meaning of the word becomes a prerequisite for the development of the evaluation component. Conceptually significant for the works by G. A. Yushkov is the component of approval in the connotative meaning of the *Komi* ethnonym. Such qualities of a *Komi* person as bringing things to the end, sincerity, purposefulness, perseverance, the ability to feel nature and navigate in the forest, as well as modesty.

Conclusion. The lexical means of expressing emotiveness and evaluation in the prose by Gennady Yushkov are quite diverse. They are based on both the commonly used resources of the *Komi* folk language and the author's own linguistic creativity.

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

Keywords: emotiology, emotivity, evaluativeness, the *Komi* language, stylistics of the *Komi* language; Gennady Yushkov

For citation: Bazhenova ON. Lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:136–146. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.136-146.

REFERENCES

1. Bazhenova ON. Application of componential analysis in determining the stylistic functions of synonyms in the *Komi* language. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series. 2020;2:3–18. (In Russ.)
2. Demin VN. National style and stylistic currents of modern *Komi* literature. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* = Materials of the VI International Congress of Finno-Ugric Studies. Moscow; 1990;2:482–484. (In Russ.)
3. Dinislamova Olu. The linguistic representation of the basic emotions 'joy', 'sadness' in the Mansi language picture of the world (on the material of the somatic phraseological units). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;2:19–30. (In Russ.)
4. Dushenkova TR. Expressions with the component 'blood' in the presentation of emotions in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2014;2:7–11. (In Russ.)
5. Dushenkova TR. The lexical definitions of the emotion of anger in the Udmurt language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;2:39–45. (In Russ.)
6. Ivanov VA. Sound iconic words in small genres of folklore (by the material of Finno-Ugric languages). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of

- Philology. 2016;4:174–192. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/57/16.
7. Kaksin AD, Chertykova MD. About verbs with the meaning of fear in the Khanty language. *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010)*. Piliscsaba; 2011;4:203–205. (In Russ.)
 8. Kriuchkova TM. The problem of expressiveness in modern linguistics. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaiia kommunikatsiia* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2006;1:48–51. (In Russ.)
 9. Kuznetsova TL. Yushkov's prose: features of art judgment of life. *Nasledie* = Heritage. 2017;2:64–78. (In Russ.)
 10. Len'ko GN. Emotivity category and notions related to it. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. 2015;1:1:84–91. (In Russ.)
 11. Ludykova VM. Particularly evaluative adjectives in the utterances of the Komi language. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo iazykoznaniiia* = Topical issues of Komi and Permian linguistics. Syktyvkar; 2019;77:32–37. (In Russ.)
 12. Luk'ianova NA. Functions of expressive lexical units. *Trudy po kognitivnoi lingvistike: sb. nauch. st., posviashch. 30-letnemu iubileiu kaf. obshch. iazykoznaniiia i slavianskikh iazykov Kemerov. gos. un-ta. Vyp. 10. Kontseptual'nye issledovaniia* = Works on cognitive linguistics. Collection of scientific articles dedicated to the 30th anniversary of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of the Kemerovo State University. Kemerovo; 2008;10:59–66. (In Russ.)
 13. Matveeva TV. Expressiveness of the Russian word. Saarbruecken; 2013. (In Russ.)
 14. Rakin AN. Lexical innovations in the historical novel by G. A. Yushkov "Biva". *Issledovaniia po permskim iazykam* = Studies in Permian languages. Syktyvkar; 2009:221–228. (In Russ.)
 15. Riabov IN, Riabova GV. Using zoomorphisms for the presentation of emotions (a case study of the Erzya language). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;2:58–67. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067.
 16. Serdobol'skaia NV. Verbs of emotions and natural language metaphysics of the Besermen people. *Problemy filologii: iazyk i literatura* = Problems of philology: language and literature. 2010;2:75–84. (In Russ.)
 17. Uliashev II. Narration and style of novels by G. Yushkov. *Sovremennaiia komi literatura: problematika, geroi, stil'* = Modern Komi literature: problems, hero, style. Syktyvkar; 2004;64:64–81. (In Russ.)
 18. Kharchenko VK. Differentiation of evaluativeness, figurativeness, expression and emotionality in the semantics of the word. *Russkii iazyk v shkole* = Russian language at school. 1976;3:66–71. (In Russ.)
 19. Tsypanov EA. Emotiology in Komi linguistics: pejorative words – the names of household items and zoomorphisms. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;1:110–119. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-110-119.

Submitted 18.01.2022; reviewing 20.02.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. N. Bazhenova – Senior Laboratory Assistant, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, bazhenova-olga2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>

Звукопись в графическом романе и способы ее передачи с финского языка на русский (на материале комикса С. Макконена «Калевала»)

Надежда Станиславовна Братчикова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Введение. В статье рассматриваются особенности ониматопей и аллитерации в жанре графического романа на примере работы над переводом комикса «Калевала». Автор изучает фоностилистические приемы графического романа С. Макконена «Калевала», исследует потенциал звукоподражательных комплексов, анализирует эмоциональную составляющую ониматопей и их роль в создании перлокутивного эффекта комикса.

Материалы и методы. В блок материалов исследования вошли ониматопеи, которые автономно оформляют речевые акты персонажей комикса, а также аллитерации. В центре внимания находится прагматический потенциал ониматопей, который раскрывается в сочетании с вербальным компонентом и иллюстративным материалом. Анализ эмпирического материала проведен на базе методов лингвистического описания качественных, количественных и функционально-семантических характеристик фактического материала.

Результаты исследования и их обсуждение. В комиксах звукоподражания активно участвуют в формировании речевых актов. Самая многочисленная группа ониматопей в романе С. Макконена представлена звукоподражательными сочетаниями, передающими состояние природы, эмоции героев. Их выбор мотивирован целью автора описать подземный, враждебный человеку мир Похьёлы. Нечленораздельные звуки природы передаются средствами человеческого языка с определенной системой и традициями изобразительных средств. В ониматопейских словах присутствует отдаленная связь между звучанием и значением. Звуки семантизируются и получают смысл в конкретном контексте.

Заключение. В финском языке ониматопейские комплексы остаются относительно мало изученной темой, что указывает на перспективность и актуальность работ, посвященных фоносемантике и звукоподражательным словам.

Ключевые слова: комикс, графический роман, звукоподражание, ониматопея, финский язык, аллитерация, фоносемантика, перевод

Для цитирования: Братчикова Н. С. Звукопись в графическом романе и способы ее передачи с финского языка на русский (на материале комикса С. Макконена «Калевала») // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 147–159. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.147-159.

Введение

Графические романы, рассказы в картинках, рисованные истории для детей и взрослых давно стали знакомой продукцией, в том числе на российском книжном рынке. Комиксы позволяют быстро погрузиться в тему, без особых сложностей запомнить ее. Для детей это яркие увлекательные истории, которые рассказывают о фантастических существах и приключениях, о взлетах и падениях на пути к взрослой жизни, о сложном поиске своего предназначения, знакомят с тайна-

ми вселенной, различными профессиями, техническими изобретениями. Взрослым читателям предлагается захватывающая графическая подача сложных тем, раскрываются закрученные сюжеты, показываются глубокие истории и удивительные миры, от которых трудно оторваться.

Комиксы – не только приключенческие и детективные истории, но и графические биографии великих людей (например, художника П. Гогена, философа К. Маркса, психоаналитика З. Фрейда), познаватель-

ные сюжеты о достижениях науки, истории религии, о проблемах философии и экономики, хрупкости человеческих отношений, прощании и памяти. Иными словами, графическая продукция представляет собой литературу с занимательным содержанием, высокими идейными и художественными достоинствами.

Рынок заполняется переводными комикс-изданиями, что дает читателю возможность знакомиться с достижениями зарубежной литературы в этой области, увидеть векторы развития индустрии развлечений и досуга. Кроме того, переводчики получают прекрасный шанс попробовать свои силы в «девятом виде искусства». Перевод комикса требует глубокого знания родного языка, владения всеми регистрами речи, умения пользоваться звукописью. Комикс полон звуков окружающего мира. В нем имитируются звуки природы, города, человеческой деятельности и даже фантастических существ.

В 2019 г. в Финляндии была издана графическая адаптация карело-финского эпоса «Калевала»¹. Ее выполнил финский художник Сами Макконен, который получил широкую известность в США как оформитель компьютерных игр и победитель конкурсов на лучшего комиксмейкера. Графический роман исполнен в двух частях, одна из которых называется «Калевала», другая – «Сампо». Как известно, «Калевала» в редакции Э. Лённрота отражает дохристианские религиозные представления карело-финского народа, олицетворяет его национальный дух и национальные особенности. Роль «Калевалы» в истории формирования финского национального самосознания, в построении национальной культуры не знает равных в масштабе мировой цивилизации.

Самыми трагическими и волнующими читателя рунами лённротовской «Калевалы» являются сюжеты о самоубийстве Айно, отказавшейся выходить замуж за старого Ваянямёйнена, и о трагической любви Куллерво, совершившего по неведению инцест с сестрой. Приключения героев в поисках чудо-мельницы *сампо*, их

борьба с хозяйкой Севера старухой Лоухи за луну и солнце двигают вперед сюжетную линию эпоса. Наиболее лирическими признаются руны об игре на кантеле, которая очаровывает всех вокруг.

Языковое своеобразие калевальского текста заключается в его многоязычии и многодиалектности, выражающейся «в использовании лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и фразеологических особенностей восточнофинских, карельских и вепсских диалектов и говоров» [14, 15]. Многоязычие проявляется в параллелизмах: мысль, высказанная в первой части параллелизма на севернокарельском диалекте, повторяется во второй части на южнокарельском.

Читатели «Калевалы» первой трети XXI в., пожелавшие познакомиться с эпосом через комикс, увидят черно-белые рисунки, стремительные линии, динамичные мазки тушью, энергичные силуэты первогероев-гигантов (например, Антеро Випунена), таинственные очертания колдунов и впечатляющие изображения тотемных животных: лося, медведя и волка. От рисунков веет грубой первоизданной силой.

Произведение Макконена представляет собой больше графическую, чем вербальную адаптацию «Калевалы». В романе действуют те же персонажи, что и в эпосе, а именно: Ваянямёйнен, Йоукохайнен, Лемминкяйнен и другие легендарные герои, которые совершают те же поступки, в частности любят женщин, ненавидят противника, ищут личного счастья. Однако в интерпретации художника они жаждут кровопролития, отчаянно совершают грехопадения, безжалостно мстят врагам, грубо ломают им кости, кровожадно рубят головы, немилосердно насылают проклятия соседям, пускаются в авантурные приключения в поисках *сампо*. В комиксе хозяйке Севера Лоухи уделяется больше внимания, чем доблестным мужам Калевалы: она колдует, творит зло, произносит заговоры, как и другие колдуны, ведьмы и духи, которые также представлены на страницах романа.

¹ См.: Makkonen S. Kalevala. Helsinki; Otava, 2019.

Сложность прочтения комикса «Калевала» заключается в том, что эпизоды между собой часто не связаны, так что без предварительного знакомства с эпосом читателю будет трудно разобраться в событиях романа. С другой стороны, движение между кадрами в комиксе создается умственным процессом, называемым домысливанием. В этом плане комикс имеет сходство с кинематографом, в обоих видах искусства соучастие выступает могущественной силой, зрителю позволяется использовать свое воображение.

Объектом исследования являются ономатопеические комплексы и слова, а также приемы звукописи на материале финского языка. Предметом служат средства звукописи финского языка в графическом романе «Калевала» и способы их передачи на русский язык.

Материал исследования составляют примеры звукописи, встретившиеся автору статьи при переводе графического романа С. Макконена «Калевала» с финского языка на русский². В романе общее число случаев, относящихся к звукописи, составляет 190 ономатопеических комплексов и лексических сочетаний. Из них на аллитерации приходится 80 вариантов словоупотреблений, на ономатопеические комплексы – 110 звуко сочетаний.

Разнообразные звукоподражания появляются в кадрах комикса всякий раз, когда вокруг героев происходят шумные, энергичные события или когда приходят в движение силы природы. Ономатопеические комплексы позволяют передать реплики, произносимые нечистой силой. Аллитерация дает возможность описать настроение и создать новые звукообразы. Ономатопеи создают насыщенный эмоциональный фон.

Цель проводимого исследования заключается в изучении фоностилистических приемов, а именно аллитерации и звукоподражаний, в графическом романе С. Макконена «Калевала», и способов их передачи на русский язык.

Основным научным методом исследования следует считать системно-струк-

турный метод с привлечением функционально-семантического анализа. В работе также используются метод лингвистического описания, элементы дефиниционного и компонентного анализа, которые помогают наиболее полно представить структуру и внутреннее значение ониматопей. Контекстно-стилистический анализ позволяет выявить смысловые оттенки значений ониматопеических слов, аллитераций.

На первом этапе исследования мы систематизировали ониматопеические комплексы в соответствии с их функциональной направленностью. На втором определялась взаимосвязь вербального и иконического компонентов комикса и оценивалась значимость графического представления звукоподражаний в передаче паравербальных характеристик речи персонажей. На третьем определялась доля ониматопей в текстовых баллонах и в оформлении коммуникативного пространства графического романа. На четвертом этапе исследовались случаи аллитерации и их роль в формировании стилистики текста и эмоциональной настроенности.

Гипотеза: ониматопеические комплексы являются неотъемлемой частью реплик персонажей, всего коммуникативного пространства графического романа. С учетом лаконичности языка комикса фоностилистические приемы эпоса «Калевала» будут сохранены на уровне словосочетаний и простых предложений. Аллитерация как особенность карело-финского эпического произведения будет соблюдаться в комиксе для сохранения преемственности и литературной традиции.

Обзор литературы

Семантизации звуков в поэзии, анализу функции звуков, созданию звукообразов исследователями уделяется огромное внимание. Поэтический текст воспринимается как сопряжение уникального звучания и многоголосия. Стихи в большинстве случаев рассчитаны на аудиальное восприятие. Сила звука увеличивает впечат-

² Перевод на русский язык был выполнен по заказу издательского дома «Городец» в рамках международной проектной деятельности Общества финской литературы Н. Братчиковой, А. Винниченко, А. Воронковой, О. Мареевой.

ление, возникающее от семантики слова. Звук способен повлиять на смысл, иными словами, смысл оформляется под действием звука. Например, считается, что в русской культуре частое повторение звука *a* способствует возникновению ощущения пространства, вышины и глубины, многократное повторение гласных звуков *e*, *u*, *yo* способно вызвать ощущение нежности, чувство ласки и представление о чем-то маленьком. Через звук *y* в русском языке можно передать ощущение приятного, в то время как *o*, *u* и *yo* вызывают отрицательные чувства: ужас, страх, гнев, боль, одиночество и печаль [12, 185]. Добавим наблюдение Ш. Балли, который отметил, что при произнесении губных гласных губы выпячиваются; «выпячивание губ даже вне речевой деятельности выражает плохое настроение, насмешку, презрение» [1, 148]. Экспериментально было доказано, что согласные *c*, *ш*, *п* создают ощущение тишины, безмолвного одиночества³.

Теоретические основы фоносемантики, изучающей звукоподражательную и звуко-символическую систему языка, были описаны С. В. Ворониным. Он выделил ряд фоносемантических универсалий, классифицировал ономотопы [5].

Финские исследователи, в частности авторы Большой финской грамматики, относят ономотопеи к междометиям [18, 816]. Ономотопеями они считают звуковые комплексы, имитирующие звуки природы (например, свист *pfhiuu* ‘пфиуу’) [21, 31], голос или движение живого организма (пение птицы *tiu-tiu* ‘тиу-тиу’, клекот утки-казарки *prrok* ‘пррок’ [26]), звуковые сочетания, позволяющие передать слуховое восприятие чего-либо (быстрое переключение *kliik* ‘клик’; полонка *ram* ‘бам’,

‘хрясь’, глухое звучание чего-либо, обычно жидкости, *holi holi* ‘хлюп хлюп’, ‘буль буль’; резкий звук *humps* ‘бамс’). Подобные имитативы называются естественными, «дикими» [21, 29].

Ономотопеи служат источником для создания новых слов, например звукоподражательных существительных и глаголов. В трудах ученых указываются наиболее продуктивные модели образования ономотопеических комплексов, выделяются частотные аффиксы, используемые для создания ономотопеи. На материале финского языка среди существительных с корневой звукоизобразительной морфемой выделяются шесть смысловых групп⁴: слова со значением шумовых эффектов, производимых самим фактом существования объекта (*elämöinti* ‘шум, гвалт’); лексические единицы со значением столкновения объекта с чем-либо (*yhteenotto* ‘стычка’); слова, используемые при разговоре (*tyhjä puhe* ‘беспредметный разговор’); слова, используемые при потреблении напитков (*viinaryyppy* ‘выпивка’); слова, обозначающие жидкие вещества (*vetinen aine* ‘водянистая среда’); лексические единицы, обозначающие вращательные движения (*hyrrä* ‘вращение’)⁵ [22, 3].

Характер связи между звуком и значением рассматривается на примере случаев, когда в ходе языковой эволюции эта связь оказалась затемненной, ослабленной и даже утраченной. Подобное явление описывается термином «угасание ономотопеичности»⁶. Дефоносемантизация звукоизобразительности подтверждается проводимым этимологическим анализом слов. По материалам лингвистических исследований, мотивиро-

³ Один из основателей отечественной экспериментальной фоносемантики А. П. Журавлев предложил методику выявления фонетического значения, т. е. «содержательности языковой формы на фонетическом уровне» [11, 15–16].

⁴ В скобках указывается тематическое название группы, предложенное Дж. Кимом.

⁵ Примерами ономотопеических существительных являются *hulina* ‘суматоха, гомон’, *pirske* ‘брызги, плеск, шелк’, *jupakka* ‘стычка’, *jupina* ‘брюзжание’, *kahina* ‘шуршание, шелест’, *kapina* ‘бунт’, *loru* ‘вздор, чепуха, ерунда’, *huhu* ‘слух, сплетня’, *napsu* ‘шелчок’, *paukku* ‘хлопок, взрыв’, *tömäys* ‘стопарик, стопочка’, *litku* ‘жижа’, ‘непонятная жидкость’, *liru* ‘дудка’, *hyrrä* ‘волчок, юла’.

⁶ Свои рассуждения Дж. Ким подтверждает этимологическим анализом слова *gäme* ‘высыхающее болото, на котором растут чахлые сосны, полукустарники и мох сфагнум’. Лексикологи связывают слово *gäme* с однокоренным глаголом *rämistä*; *räm-* ‘дребезжать’, т. е. производить громкий, грохочущий звук (URL: <https://www.suomisanakirja.fi/r/%C3%A4mist%C3%A4>). Ни в одном лексикографическом источнике Дж. Ким не нашел объяснения данной словообразовательной связи [22, 2].

ванность звукоподражаний не является абсолютной, так как она обусловлена социальными факторами [22]⁷.

Большой фактический материал по финским звукоизображениям был собран исследователями карело-финских рун⁸, историками языка⁹. Теоретическое осмысление происхождения звукоподражаний и междометий представлено в трудах Х. Лескинена [23], Ю. Лескинена [24], Э. Миконе [25], Дж. Кима [22], У. Ванхатало [27], Л. Хейккила [19].

Э. Миконе анализирует финские описательные глаголы, в которых утрачена первичная связь со звукоизображением (например, глаголы движения *juosta pikatahtia* ‘стремительно бежать’) [25].

В работе отечественного лингвиста А. Е. Беликовой описывается лексико-семантическая группа глаголов издавания звука (глаголов звучания). Глаголы данной группы характеризуются яркой денотативно ориентированной семантикой; они тесно привязаны к материальному миру, производящему звуки, и акустическим параметрам – высоте звучания, громкости, регулярности звучания, времени (мгновенности и немгновенности звучания) [2]. Огромную роль в оформлении значения глаголов звучания играет концептуальная составляющая, поскольку способ членения мира звуков обуславливается еще и этноспецифичной картиной мира, которая воплощается в национальном языке¹⁰.

В подтверждение данного заключения напомним наблюдение А. В. Дыбо: принцип возникновения из «природы» еще не обеспечивает одинаковости слов¹¹, что вызвано различиями и традициями языко-

вых средств изображения [8]. Оформление ономастических в национальных языках носит условный характер и адаптирует запись с учетом возможностей звуковой системы.

Графический роман представляет собой сочетание иконического компонента с вербальным, причем доминирующей является иллюстрация. Комикс характеризуется лаконичностью стиля изложения, экспрессивностью и броскостью кадра. Авторы комиксов стремятся обращаться к живой разговорной речи, их персонажи говорят на ярком, эмоциональном языке. Они выражают гнев, отдают приказы, произносят угрозы и проклятия, мечтают и объясняются в любви. Ономастические комплексы участвуют в создании чувственного образа персонажа, в описании действий и явлений.

Звукоподражания могут быть воспроизведены в письменном тексте, в частности в комиксах, нарративах, с использованием специальных средств обозначения, таких как заглавные буквы, слитное написание букв, графические приемы (полужирный, крупный шрифт, специальные символы) [21, 3]. При письменном воспроизведении «диких» имитативов восклицательный знак указывает на внезапный и взрывной звук, многоточие между звукоподражаниями – на темп звучания. Разбивка записи звукового комплекса многоточием «ки... ки... ки...» сигнализирует об очень

⁷ С. В. Воронин указывал на существование большого количества образований, которые с учетом современного состояния этимологических исследований не могут быть охарактеризованы как мотивированные [5, 29].

⁸ Фонике рун, которая наряду с другими изобразительными средствами художественной формы играет огромную роль в развитии эстетического содержания повествования, посвящено исследование В. Я. Евсеева [9, 112–206].

⁹ Л. Хакулинен отмечал, что категория дескриптивных слов является одной из «характерных особенностей словарного состава финского языка» [16, 22]. Проблема изобразительной речи на материале финского языка интересовала советского ученого Д. В. Бубриха [3].

¹⁰ А. Е. Беликова обратила внимание, что голоса птиц у финнов ассоциируются с довольно неприятным звучанием, чаще скрипом, скрежетом, которые в мире неживой природы производят разные механизмы, например: *lokki kirskuu / jarrut kirskuvat* – ‘чайка скрежещет / тормоза скрежещут’, рус. ‘чайка кричит’ (URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-glagolov-zvuchaniya-v-finskom-yazyke>).

¹¹ А. В. Дыбо указывает на различия в написании имитативов, например кудахтанья курицы и кукареканья петуха [8].

медленном темпе звучания, отсутствие в записи многоточий «ки, ки, ки...» соответствует спокойному темпу, а слитное написание «кикики...» означает, что звук произносится очень быстро [26, 11].

Роль звукоподражательных комплексов в синтаксисе стала предметом исследования финских специалистов. Конструкт с онома-топеей может выполнять синтаксические функции предложения: *Siinä sivussa Petri vetäisi yhden kaljan että humps, kaikki tekstit katosivat että fiuu ja juu diagnoosit pamahti niin että kops vaan*. «Тем временем хлоп! – Петри опрокинул кружку пива; вжих! все тексты слетели; бабах! накрыл диагноз» [21, 2]. Конструкт со звукоподражательным словом (*humps* ‘хлоп’, *fiuu, juu* ‘вжих’, *kops* ‘бабах’) коррелирует с конструкцией, которую в финском синтаксисе можно описать следующим образом: описание действия (главное предложение) + подчинительный союз (*так что* + имитатив + *только*).

Конструкт с онома-топеей создает эффект преувеличения, утрирования результата действия, придает тексту больше динамики. В русской синтаксической конструкции описыванию свершившейся ситуации предшествует звукоподражательное слово (*бултых в воду*). В конструкте употребляются глагольные звукоподражания, которые служат в предложении сказуемым. При этом глагольные звукоподражания не имеют грамматических признаков глаголов (лица, наклонения, времени, числа). Они обозначают совершение резких, внезапных движений. Например, *en ajatellut muuta kuin häntä. Olin onnellinen. Kunnes pam! hän jätti minut*. «Я ни о ком не думала, кроме него. Я была счастлива. Вдруг бац! он бросил меня» [20]. Использование онома-топеи придает содержанию лаконичность, эмоциональность, живость. Этот прием распространен как в повседневном общении, так и в художественной литературе¹².

В последнее время в связи с расширением сегмента переводной комиксной литературы на российском книжном рынке появились исследования, посвященные проблемам передачи звукописи и онома-

топических комплексов с одного языка на другой, на материале французского [6], немецкого [10], норвежского [4], японского [15], английского [7; 13] и пермских языков [17]. Интерес к комиксам в России объясняется многими причинами. Комиксная литература всегда была представлена как литературный жанр, но степень ее популярности в стране была сравнительно невысокой. В эпоху глобальной информатизации, для которой характерными являются клиповое мышление, фрагментарное восприятие преимущественно визуальной информации, интерес к рисованным историям возрос. Текстовая лаконичность и изобразительная составляющая позволяют читателям познакомиться с историей, актуализируя процессы воображения и восприятия.

Результаты исследования и их обсуждение

Графический роман представляет собой сочетание иконического компонента с вербальным, причем доминирующей является иллюстрация. Комикс характеризуется лаконичностью стиля изложения, экспрессивностью и броскостью кадра. Авторы комиксов стремятся обращаться к живой разговорной речи, их персонажи говорят на ярком, эмоциональном языке. Они выражают гнев, отдают приказы, произносят угрозы и проклятия, мечтают и объясняются в любви. Онома-топические комплексы участвуют в создании чувственного образа персонажа, в описании действий и явлений.

Мы классифицировали онома-топеи, употребленные в графическом романе С. Макконена «Калевала», и условно сформировали пять групп, исходя из среды, в которой производится звук: 1) онома-топеи, описывающие природную среду; 2) онома-топеи, обозначающие столкновение с чем-либо; 3) онома-топеи, обозначающие волеизъявление; 4) онома-топеи, обозначающие отношение к окружающему миру; 5) онома-топеи, относящиеся к описанию колдовского мира.

К первой группе относятся описания звуков, производимых животными, пти-

¹² Онома-топеи практически не встречаются в научном и публицистическом стилях.

Таблица 1. Звуки, производимые живыми существами и силами природы*

Table 1. Sounds produced by living beings and forces of nature

Ономатопея на финском языке / Onomatopoeia in Finnish	Значение в контексте комикса «Калевала» / Meaning in the context of “Kalevala” comic	Ономатопея в переводе на русский язык / Onomatopoeia as translated into Russian
KRAK	раскалывание скалы / rock splitting	КРАК
KKRRAAAS	падение дерева / tree fall	РУУШТ
HHMMM	движение волны по морю / wave movement on the sea	ШРМММ
RRMMM	удар волны о каменистый берег / wave hitting rocky shore	БРММ
SSSHH	шипение воды / hissing water	ПШШШ
FFFOOOMMM	шум огня в горниле / the sound of fire in the furnace	ФУУХ
KAA KAA	крик чайки / seagull cry	КИАА КИАА
BARK BARK	лай сторожевой собаки / guard dog barking	РРГАВ
HHRROUR	рычание медведя / bear growl	РЫК
UHU, HUH, HU	вой ветра / howling wind	УГУ ГУГУ ГУ
KOF	кашель / cough	КХА
RAAHHRRHH	рвотный рефлекс / vomiting reflex	УАААРХ
KHOO	отхаркивание / expectoration	КХЭЭ

* Правописание ономатопей строчными буквами здесь и далее заимствовано из графического романа «Калевала» С. Макконена.

Таблица 2. Звуки, производимые при соприкосновении поверхностей

Table 2. Sounds produced when surfaces touch

Ономатопея на финском языке / Onomatopoeia in Finnish	Значение в контексте комикса «Калевала» / Meaning in the context of “Kalevala” comic	Ономатопея в переводе на русский язык / Onomatopoeia as translated into Russian
KLONK	звук от жесткой обуви при ходьбе по твердой земле / sound made by hard shoes when walking on hard ground	КЛАЦ
KRAKOOOOMMM	столкновение деревянных саней на скорости / collision of wooden sled at speed	КААБУУУМ
TWIP	звук стрелы, выпущенной из арбалета / the sound of an arrow fired from a crossbow	ТИУ
RAM	столкновение повозок / wagon collision	ДЫЩЬ
PT-HHOOOM	резкое столкновение / sharp collision	ТУДУММ
WHUM	звук летящего зажженного факела / the sound of a flying torch	ФВУМ
THUNK	звук стрелы, попадающей в тело лося / the sound of an arrow hitting the body of an elk	ЧПОК
NJIRN	звук повозки с тяжелым грузом по твердой земле / the sound of a wagon with a heavy load on solid ground	НЬИРНН
THOTHOOM	набрасывание лассо на лося / throwing a lasso on an elk	ВШШУУХ
RUMBLE	стук копыт табуна лошадей / the sound of a herd of horses	ГРОХ
CRUMBLE DOOM	взрыв в горниле / explosion in the furnace	КРА ДУУМ
ZTRAK	удар молота по наковальне / hammer on the anvil	ЦТРЯК
KRA-KOOM	развержение земли / rupture of the earth	КА-БУУМ
KLONK	удар щипцов / punch tongs	ДЗОМП
ZCHING	звук меча, вынимаемого из ножен / the sound of a sword being drawn from its scabbard	ВЖИХ

цами, деревьями, воздушной и водной стихиями, огнем, твердыми предметами, а также организмом человека (табл. 1).

Вторая группа состоит из ономатопей, обозначающих соприкосновение двух поверхностей (табл. 2).

Примерами звукоподражаний третьей группы являются звуки, обозначающие взвиздание коней, *ИЛАН!* ‘ИЙАА’, *PHFI-IUUU!* ‘ПФИУУУ!’; боевой клич *RRAAA!* ‘PPAA!’; команда стоять *SEIS* ‘СТОП’.

Читатели «Калевалы» первой трети XXI в., пожелавшие познакомиться с эпосом через комикс, увидят черно-белые рисунки, стремительные линии, динамичные мазки тушью, энергичные силуэты первогероев-гигантов (например, Антеро Випунена), таинственные очертания колдунов и впечатляющие изображения тотемных животных: лося, медведя и волка. От рисунков веет грубой первозданной силой.

Ономатопеи четвертой группы со знанием отношения к окружающему миру обнаруживают интернациональный характер, например обозначение скептического отношения к чему-либо *HMMM* ‘МДАА’, пренебрежения или презрения *PTHUT* ‘ТЬФУ’, проявление жалости *VOI* ‘ОЙ’.

Авторские, окказиональные, ономатопеи пятой группы описывают колдовской мир Похьёлы. Заклинание ведьм *KRA KOOOMMM* мы сочли возможным перевести знакомым нам набором слов из русских волшебных сказок ‘КОЛДЫ-БУЛДЫ-ЗАВОРОЖИ’. В тексте романа встречаются и другие заклинания: *BONGA BONGA GONGA GONGA*, *WWHHMMM* и *YOOAARRGGHH*. Переводческое решение было сохранить данные сочетания в оригинальном виде: ‘БОНГА БОНГА ГОНГА ГОНГА’, ‘ВУУУМ’ и ‘ОАААРРГХХХ’. Тяжелая поступь огромного сказочного существа описана ономатопеей *PT-HOOM* ‘ТУДУММ’. Морское чудовище передвигается с помощью присосок на щупальцах, отлипание от водной глади которых звучит как *ZK ZK ZK* ‘ТСК ТСК’. Вонзание когтей огромной птицы в голову морского чудовища передано в комиксе через сочетание *RHOOM* ‘ВЖУХ’. Всплеск воды при нырянии птицы за рыбой обо-

значен знакомым нам в ином коммуникативном контексте сочетанием *ZOOM* ‘ДЗУМ’, а треск костей рыбы в когтях птицы – *SSKKRAACCHH* ‘СКРПАК’. Чудовищный червь издает звук *MMR PFSRULL* ‘ММРУЛ’ или *PROPFSSH* ‘ПФФШШ’¹³.

При переводе комиксов со многих языков калькируются звукоподражания, обозначающие удар топора о ствол дерева *THUNK* ‘ТУК’, электрические разряды *SKRAK* ‘СКПАК’, хруст черепа под ударом меча *KRROGG* ‘КРРХХ’; удар мечей *ZLANG* ‘ЦЛАНГ’.

Вторая группа ономатопей – соприкосновение поверхностей – подтверждает наблюдения С. В. Воронина, что инстанты, т. е. сверхкраткие звуки, обозначаются закрытыми гласными, позволяющими передать более низкое звучание [5], например удар деревянной кружки о стол *KLONK* ‘СТУК’. Открытые гласные передают более громкие звучания: боевой клич воина *RRAA* ‘PPAA’. Важнейшей составной частью континуанта, обозначающего длительно, т. е. не мгновенное, звучание, является долгий гласный: звук столкновения всадников *BOOM* ‘БУДУУУМ’. Для передачи шумовых эффектов обязательно наличие хотя бы одного глухого фрикативного согласного, например сочетание *SSHH* ‘СШШШ’ позволяет описать шипение змеи. Фонема *r* помогает передать резкие неприятные вибрирующие звуки, например лай сторожевой собаки *BARK* ‘РГАВ’, рефлекторные движения при рвоте, рыгании и кашле *RAAHHRRHH* ‘УАААРХ’, дребезжащие звуки граблей по дну водоема *KRK* ‘ТРК’. Для обозначения напряжения, судорожных сокращений употребляются лабиальные фонемы: *JYTN* ‘ФТУУУМ’. Они также «озвучивают» медленную ходьбу утомленного человека. Звуки *G*, *R*, *K* и *P* передают ощущение трагизма происходящего, повтор глухих *F*, *H* нагнетает атмосферу страха; звуки *B*, *Z*, *ZT*, *Y*, *J* создают впечатление о необычных эффектах. Обращает на себя внимание доминирующий консонантизм звукосоответствий, модели которых выглядят следующим образом: *CCV*, *CCCVCC*, *CCVCCV*. Вокализм представлен в основ-

¹³ С. С. Шляхова описывает речевое поведение нечистой силы, обращаясь к репертуару звуковых средств из глухих и шипящих согласных [17, 13–14].

ном гласными заднего ряда (*A, O, U*), что позволяет передать громкость, интенсивность звука, его более низкое звучание.

В комиксах реализация значений ономапоических комплексов происходит через иллюстрацию, вербальный текст играет вспомогательную роль. В графическом романе «Калевала» наибольшее количество ономапоических единиц описывает звуки природы, шумовые эффекты, вызываемые столкновением субъектов действия. Это связано с сюжетом комикса, в котором персонажи постоянно находятся в противоборстве с природными силами или в боевых стычках с противником.

Финские читатели комиксов, познакомившиеся с графическим романом «Калевала», отмечают, что звуковые эффекты в нем выглядят несколько странно, так как они смешаны с английским языком. Например, в комиксе сочетание *KLONK KLONK* обозначает металлический звук, на английском этот звук фиксируется как *CLANK CLANK* или *CLUNK CLUNK*. В англоязычной культуре финская транскрипция звуко сочетания *KLONK* обозначает удары деревьев, стук по дереву или сигнальный крик пятнистого оленя. Подобное пренебрежение к существующей практике транскрибирования звуков вызывает насмешки читателей и определенное недоверие к тексту¹⁴.

Как известно, для калевальской поэзии характерно обращение к звукописи как яркому стилистическому приему усиления изобразительности текста. С. Макконен также обращается к такому приему – аллитерации. Аллитерация – организованное повторение согласных звуков – придает ритм речи, заметно усиливая его: *saaren suuri suku* ‘огромный род саари’; *pahasti teit, poika parka* ‘скверно сделал, сын-бедняжка’; *pimeä Pohjola* ‘мрачная Похьёла’; *Pimentolan pitkähhammas* ‘длиннозубая из Пиментолы’; *kylmän kylän neitsyt* ‘дева мрачной деревушки’; *tulit tänne, tuulen teitä* ‘ты пришел сюда дорогами ветров’; *synkkä Sariolan maa* ‘глухой край Сариолы’; *miksi jätit minut eloon?* ‘зачем меня в живых оставил?’.

В аллитерации чаще задействуются спиранты, зубные, глухие согласные и задне- и среднеязычные гласные *A, O, U, I*. Глухие звуки *H, K, P, T* используются для выражения чувства страха и содрогания перед звериным ревом, при изображении смерти, подстерегающей героя в пути: *Älä ihmeessä poika mene Pohjolan kyliin kun et tiedä loitsuja etkä osaa taikoja. Siellä noita laulaa ja lappalainen tunkee suusi tuhkaan*. «Не ходи, сынок, в Похьёлу – ты не знаешь заклинаний, не умеешь колдовать. Ведьма проклянет тебя, лапландец, рот заткнет пеплом». Фрикативный звук *R* и огубленный гласный *U* передают чувства презрения и неприязни, испытываемые Кюллики к Лемминкяйнуну: *Piru, kiertelet, ruikutat ja perässäni juoksentelet*. «Что ж ты, черт возьми, скулишь и гоняешься за мной?»

Благодаря аллитерации создается отчетливость восприятия и произношения, за гласными плавно следуют согласные. Благозвучность обеспечивается введением некоторого звукового однообразия, достигаемого путем повторения фонем. Аллитерация указывает на неисчислимые возможности использования звуковых средств для достижения благозвучия, выразительности в поэтическом языке рун.

В переводе приходится идти на фонетические потери ради сохранения смысла. Тем не менее переводчики искали варианты сохранить аллитерацию, исходя из возможностей русского языка. Например, в словосочетании *en himoitse hopeitasi* слово *hopea* ‘серебро’ было заменено на ‘золото’ для сохранения благозвучности: «не зарюсь на твоё золото».

Заключение

В завершение анализа звукописи в графическом романе С. Макконена «Калевала» можно сделать вывод, что комиксы, являясь синтезом визуального и вербального повествования, представляют собой платформу для озвучивания реплик персонажей через звукоподражательные комплексы. Особым подбором звукоподражательных комплексов автор романа умело создает ощущение ужаса и страха, царящих в Похьёле. Графи-

¹⁴ URL: <https://www.goodreads.com/book/show/42842958-kalevala>.

ческие средства указывают на интенсивность эмоции и характер ее выражения. Благодаря оноματοпоэтическим приемам коммуникативные акты в комиксе достигают максимального сходства с разговорной речью, иллюстрации словно «оживают».

Гипотеза, выдвинутая в начале исследования, подтвердилась: краткость языка комикса делает возможным широкое употребление оноματοпеических комплексов, фоностилистические приемы эпоса «Калевала» сохранены на уровне словосочетаний и простых предложений. Аллитерация как особенность карело-финского эпического произведения со-

блюдена в комиксе для сохранения предметности и литературной традиции. Автор романа искусно пользуется приемами звукописи и аллитерации, которые придают тексту оноματοпоэтический характер. Объемы значений оноματοпей в финском и русском языках часто обнаруживают совпадение, которое, однако, не бывает полным. Во многих случаях при переводе определенных звучаний с финского языка на русский используются сходные фонетические средства. Дальнейшая работа в плане изучения фоносемантики применительно к финскому языку представляется плодотворной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
2. Беликова А. Е. Лексико-семантическая группа финских глаголов звука: проблема комплексного описания // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 57–63.
3. Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи // Исторические и филологические науки: сб. ст. Петрозаводск, 1949. С. 85–94. (Учен. зап. Карело-Фин. гос. ун-та; т. 3, вып. 1).
4. Воробьева Е. В. Проблема передачи оноματοпей на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 34–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-onomatopey-na-primere-perevoda-komiksov-s-norvezhskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Изд. 2-е, стер. / предисл. О. И. Бродович. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
6. Грушецкая Е. Н., Демешко Н. В. О некоторых особенностях языка французских комиксов // Актуальные научные исследования в современном мире: XIII Междунар. науч. конф., 26–27 мая 2016 г., Переяслав-Хмельницкий: сб. науч. тр. Переяслав-Хмельницкий, 2016. Вып. 5, ч. 1. С. 74–75.
7. Гуков П. С. Описание языка комиксов и его специфики // Скиф. Вопросы студенческой науки: сб. науч. ст. 2017. № 16. С. 91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-yazyka-komiksov-i-ego-spetsifiki> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Дыбо А. В. К проблеме происхождения имитативных слов // Тюркская и смежная лексикология и лексикография: сб. к 70-летию Кенесбая Мусаева. М., 2004. С. 68–76. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/musaev/musaev_sb.php (дата обращения: 01.02.2022).
9. Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 2. 384 с.
10. Ейкалис Ю. А. Современный немецко-язычный комикс: вербальный и иконический компоненты. Самара: Инсома-Пресс, 2018. 159 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-03-004-eykalis-yu-a-sovremenny-nemetskoyazychnyy-komiks-verbalnyy-i-ikonicheskiy-komponenty-samara-insomapress-2018-159-s> (дата обращения: 02.02.2022).
11. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.

12. Маслова В. А. Аудиальная поэзия: фонека стиха // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 185–194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audialnaya-poeziya-fonika-stiha> (дата обращения: 30.01.2022).
13. Панина Н. В. Актуализация потенциала междометий в англоязычном креолизованном тексте (на материале собрания комиксов 'Disney Magic Kingdom Comics') // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 122–128.
14. Ракин Н. А. Языковое своеобразие «Калевалы» и ее коми перевода (диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе А. И. Туркина) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 15–28.
15. Свиридова В. В. Медиакоммуникационные особенности комикса в периодических изданиях для детей в России и Японии // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 1. С. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakommunikatsionnye-osobennosti-komiksa-v-periodicheskikh-izdaniyah-dlya-detei-v-rossii-i-yaponii> (дата обращения: 01.02.2022).
16. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. В 2 ч. Ч. 2. Лексикология и синтаксис / пер. с фин. Ю. С. Елисеева; ред., предисл. и прим. П. А. Аристэ. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 292 с.
17. Шляхова С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья третья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1. С. 9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zvukoizobrazitelnosti-v-permskikh-yazykah-problemy-i-perspektivy-statya-tretya> (дата обращения: 02.02.2022).
18. Hakulinen A., Vilku M., Korhonen R., Koivisto V. Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2004. 1 698 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 950).
19. Heikkilä L. Lontostoa, päkittä ja örnästä. Deskriptiiviset liikeverbit Pienessä Kainuun murteen verbisanastossa. Oulu, 2021. URL: <http://jultika.oulu.fi/files/nbnfioulu-202106168305.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
20. Jääskeläinen A. Äänten kuvia teksteissä // Kielikello. 2013. No. 4. S. 18–21. URL: <https://www.kielikello.fi/-/aanten-kuvia-teksteissa> (дата обращения: 01.02.2022).
21. Jääskeläinen A. Todisteena äänen kuva: Suomen kielen imitatiivikonstruktiot. Helsinki: Unigrafia Oy, 2013. 361 s.
22. Kim Je. Hulisemisesta hulinaksi: Onomatopoeettisuuden haalistuminen suomen fonesteemisten substantiivien valossa // Virittäjä. 2020. Vol. 124, no 1. S. 1–5. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/85926/50580> (дата обращения: 01.02.2022).
23. Leskinen H. Vieläkö nuoret nurisevat? – Huomioita onomatopoeettisten sanojen tutkimuksen tulkinnasta // Virittäjä. 1991. Vol. 95, no. 4. S. 355–371. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/38473/8911>.
24. Leskinen J. Miten vieraskielisiä imitatiiveja tunnustetaan? // Oekeeta asijoo: commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Helsinki, 1998. S. 310–315. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 228).
25. Mikone E. Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. Helsinki, 2002. 156 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 879).
26. Svensson L. Lintuopas: Euroopan ja Välimeren alueen linnut. Helsinki: Otava, 2010. 443 p.
27. Vanhatalo U. Ekspressiivisanaston kontrastiivisen tutkimuksen mahdollisuuksista // Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta: Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000. Symposio "On the Research of Finnic Expressive Vocabulary". Tartu, 2001. Vol. 42. S. 131–136.

Поступила 03.02.2022; одобрена 02.03.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. С. Братчикова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

Onomatopoeias in a graphic novel and the ways of their rendering from Finnish into Russian (on the material of comics “Kalevala” by S. Makkonen)

Nadezhda S. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Introduction. The article discusses the features of onomatopoeia and alliteration in the genre of graphic novel on the example of the work on the translation of the comics “Kalevala”. The author analyzes the phonostylistic techniques of the graphic novel “Kalevala” by S. Makkonen, studies the potential of onomatopoeic complexes, analyses the emotional components of onomatopoeia and their role in creating the perlocutionary effect of the comic.

Materials and Methods. Research material includes onomatopoeia, which autonomously formalize speech acts of comic book characters, as well as alliteration. The focus is on the pragmatic potential of onomatopoeia, which is revealed in combination with a verbal component and illustrative material. The analysis of empirical material is carried out based on the methods of linguistic description of qualitative, quantitative, and functional-semantic characteristics of the actual material.

Results and Discussion. Onomatopoeia in comics participates in the formation of speech acts. The most numerous groups of onomatopoeia in the novel by S. Makkonen are represented by onomatopoeic combinations that convey the state of nature and the emotions of the characters. Their choice is motivated by the of the author to describe the underground, hostile to man world of Pohjola. Inarticulate sounds of nature are transmitted by means of human language with a certain system and traditions of visual means. Studies have shown that in onomatopoeic words there is a distant connection between sound and meaning. Sounds are semanticized and given meaning in a specific context.

Conclusion. In the Finnish language, onomatopoeia complexes remain a relatively little-studied topic, which indicates the prospects and relevance of works devoted to phonosemantics and onomatopoeic words.

Keywords: comics, graphic novel, onomatopoeia, Finnish, alliteration, phonosemantics, translation

For citation: Bratchikova NS. Onomatopoeias in a graphic novel and the ways of their rendering from Finnish into Russian (on the material of comics “Kalevala” by S. Makkonen). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:147–159. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.147-159.

REFERENCES

1. Bally Ch. General linguistics and questions of the French language. 2nd edition, stereotypical. Moscow; 2001. (In Russ.)
2. Belikova AE. Lexico-semantic group of Finnish verbs of sound: the problem of complex description. *Bubrikhovskie chteniia: Problemy pribaltisko-finskoj filologii i kul'tury: sb. nauch. st.* = Bubrikh Readings: Problems of the Baltic-Finnish Philology and Culture. Collection of scientific articles. Petrozavodsk; 2002:57–63. (In Russ.)
3. Bubrikh DV. To the problem of pictorial speech. *Istoricheskie i filologicheskie nauki: sb. st.* = Historical and philological sciences. Collection of articles. Petrozavodsk; 1949;3;1:85–94. (In Russ.)
4. Vorob'eva EV. The problem of rendering onomatopoeias in translation of comics from Norwegian into Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitar-nye nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018;8:34–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-onomatopey-na-primere-perevoda-komiksov-s-norvezhskogo-yazyka-na-russkiy> (accessed 01.02.2022). (In Russ.)
5. Voronin SV. Fundamentals of phonosemantics. 2nd edition, stereotypical. Moscow; 2006. (In Russ.)
6. Grushetskaya EN, Demeshko NV. About some features of the language of French comics. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire: XIII Mezhdunar. nauch. konf., 26–27 maia 2016 g., Pereiaslav-Khmel'nitskii: sb. nauch. tr.* = Actual scientific research in the modern world. XIII International scientific conference, May 26–27, 2016, Pereiaslav-Khmel'nitsky. Collection of scientific papers. Pereiaslav-Khmel'nitsky; 2016;5;1:74–75. (In Russ.)

7. Gukov PS. Describing the language of comics and its features. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki: sb. nauch. st.* = Scythian. Issues of student science. Collection of scientific articles. 2017;16:91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-yazyka-komiksov-i-ego-spetsifiki> (accessed 01.02.2022). (In Russ.)
8. Dybo AV. On the problem of the origin of imitative words. *Tiurkskaia i smezhnaia leksikologiya i leksikografiia: sb. k 70-letiiu Kenesbaia Musae-va* = Turkic and related lexicology and lexicography. Collection for the 70th anniversary of Kenesbaev. Moscow; 2004:68–76. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/musae-va/musae-va_sb.php (accessed 01.02.2022). (In Russ.)
9. Evseev Vla. Historical foundations of the Karelian-Finnish epic. Moscow; Leningrad; 1960;2. (In Russ.)
10. Eikalis IuA. Modern German-language comics: verbal and iconic components. Samara: Insoma-Press, 2018. 159 p. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 6: Iazykoznanie. Referativnyi zhurnal* = Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. Abstract journal. 2019;3:30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-03-004-eykalis-yu-a-sovremennyy-nemetskoyazychnyy-komiks-verbalnyy-i-ikonicheskiy-komponenty-samara-insoma-press-2018-159-s> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
11. Zhuravlev AP. Phonetic meaning. Leningrad; 1974. (In Russ.)
12. Maslova VA. Audial poetry: phonics of a poem. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2011;13:185–194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audialnaya-poeziya-fonika-stiha> (accessed 30.01.2022). (In Russ.)
13. Panina NV. Actualization of interjections' potential in the English-language multimodal text (based on 'Disney Magic Kingdom Comics'). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2021;27;1:122–128. (In Russ.)
14. Rakin NA. Linguistic originality of "Kalevala" and its Komi translation (dialectisms, archaisms and neologisms in the translation of A. I. Turkin). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2013;2:15–28. (In Russ.)
15. Sviridova VV. Media communication features of comics in periodicals for children in Russia and Japan. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* = RSUH / RGGU bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies. 2018;1:86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakommunikatsionnye-osobennosti-komiksa-v-periodicheskikh-izdaniyakh-dlya-detey-v-rossii-i-yaponii> (accessed 01.02.2022). (In Russ.)
16. Hakulinen L. Development and structure of the Finnish language. Lexicology and syntax. Moscow; 1955. (In Russ.)
17. Shliakhova SS. Research of onomatopoeia in Permian languages: Problems and perspectives. Article third. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2012;1:9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zvukoizobrazitelnosti-v-permskikh-yazykah-problemy-i-perspektivy-statya-tretya> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
18. Hakulinen A, Vilkuna M, Korhonen R, Koivisto V. Iso suomen kieliooppi. Helsinki; 2004;950.
19. Heikkilä L. Lontostoa, päkittä ja örnästä. Deskriptiiviset liikeverbit Pienessä Kainuun murteen verbisanastossa. Oulu; 2021. URL: <http://jultika oulu.fi/files/nbnfioulu-202106168305.pdf> (accessed 01.02.2022).
20. Jääskeläinen A. Äänten kuvia teksteissä. *Kielikello*. 2013;4:18–21. URL: <https://www.kielikello.fi/-/aanten-kuvia-teksteissa> (accessed 01.02.2022).
21. Jääskeläinen A. Todisteena äänen kuva: Suomen kielen imitatiivikonstruktiot. Helsinki; 2013.
22. Kim Je. Hulisemisesta hulinaksi: Onomatopoeettisuuden haalistuminen suomen fonesteemisten substantiivien valossa. *Virittäjä*. 2020;124;1:1–5. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/85926/50580> (accessed 01.02.2022).
23. Leskinen H. Vieläkö nuoret *nurisevat?* – Huomioita onomatopoeettisten sanojen tutkimuksen tulkinnasta. *Virittäjä*. 1991;95;4:355–371. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/38473/8911>.
24. Leskinen J. Miten vieraskielisiä imitatiiveja tunnistetaan? *Oeokeeta asijoo: commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii*. Helsinki; 1998;228:310–315.
25. Mikone E. Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. Helsinki; 2002;879.
26. Svensson L. Lintuopas: Euroopan ja Välimeren alueen linnut. Helsinki; 2010.
27. Vanhatalo U. Ekspressiivisanaston kontrastiivisen tutkimuksen mahdollisuuksista. *Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta: Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000. Symposio "On the Research of Finnic Expressive Vocabulary"*. Tartu; 2001;42:131–136.

Submitted 03.02.2022; reviewing 02.03.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. S. Bratchikova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in Political Sciences, Moscow State Linguistic University, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия

**Алина Юрьевна Маслова
Татьяна Ивановна Мочалова
Мария Захаровна Левина**

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В работе в сопоставительном аспекте рассмотрены фразеологические единицы, передающие болезненное состояние человека в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия. Цель исследования – дать семантическую характеристику диалектных фразеологизмов, проанализировать их компонентный состав, выявить аксиологические и культурно-исторические представления диалектоносителей региона.

Материалы и методы. Для достижения цели применялись различные методы научного исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентного анализа, контекстного анализа, лингвокультурологической интерпретации. Исследование проведено на материале фразеологических словарей русских говоров Республики Мордовия, мордовских (мокшанского и эрзянского) языков.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования установлено, что в русских и мокшанских говорах Республики Мордовия активно употребляются известные с древнейших времен устойчивые сочетания, называющие недуги и их симптоматику, различные болезненные состояния человека. Выявлено, что в языках разных типов используются фразеологические единицы, включающие в свой состав соматизмы, названия различных животных, растений, предметов, что отражает особенности образного мышления человека, ассоциативного восприятия окружающей действительности. Всестороннее исследование фразеологических единиц, характеризующих болезненное состояние человека в языках разных типов на территории одного региона, способствует постижению народной ментальности, выявлению особенностей национальной языковой картины мира русского и мордовского народов, позволяет проследить общие и специфические черты каждой лингвокультурной общности.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в сопоставляемых говорах русского и мокшанского языков активно употребляются фразеологические единицы, обозначающие болезненное состояние человека и представляющие характерные черты образа болезни в различных культурах.

Ключевые слова: фразеология, фразеосемантическая группа, фразеологическая единица, значение, говоры, мокшанский язык, русский язык, сопоставление, болезнь, номинация

Для цитирования: Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., Левина М. З. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 160–170. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.

Введение

Диалектные фразеологизмы являются своеобразным способом отражения этнокультурного сознания народа, поскольку содержат во внутренней форме не только собственно языковую информацию, но и факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса. Особый интерес представляют фразеосочетания, употребляющиеся в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия, поскольку их образование и функционирование осуществляются в

поликультурном регионе в условиях контактирования русского и мордовского (мокшанского и эрзянского) народов, в процессе славянского и финно-угорского взаимодействия и взаимопроникновения.

Во фразеологическом фонде региона значительное место занимают фразеологические единицы (ФЕ), связанные с характеристикой болезненного состояния человека. Важно подчеркнуть, что в оценке и способах лечения болезни находят отражение рудименты архаических

явлений, восходящих к славянским и финно-угорским древностям, воссоздаются особенности, присущие только локальной традиции. Анализ фразеологии, репрезентирующей болезненные состояния человека в языках разных типов, способствует пополнению информации о специфических чертах местных ритуалов, распространенных на территории Мордовии.

Фразеосемантическая группа, номинирующая болезненное состояние человека в говорах русского и мордовских языков на территории Республики Мордовия, является многочисленной по составу и разнообразной в структурно-семантическом отношении. Как отмечает Л. С. Нечаева, «в разных национальных культурах болезни приписываются особые черты, на основании которых можно выявить интегральный образ болезни в традиционном народном сознании» [14, 12]. Цель данной работы – представить комплексный анализ фразеологических оборотов, репрезентирующих болезненное состояние человека в говорах русского и мокшанского языков. По мнению В. П. Гришуниной, Н. И. Ершовой, актуальность подобных исследований «еще более возрастает в связи с существующей сегодня угрозой исчезновения с карты Мордовии ряда как русских, так и мордовских (мокшанских, эрзянских) говоров, что может частично привести к исчезновению национальной культуры» [6, 224].

Обзор литературы

Изучение русской и мордовской диалектной фразеологии имеет давние традиции и осуществляется в разных направлениях. Лингвистическое изучение наименований болезней, способов их лечения осуществлялось на материале различных языков, в том числе в сопоставительном аспекте. Так, лексика народной медицины шугнанского языка охарактеризована в работе П. Ш. Абдулхамидовой¹. Е. В. Вельмезова, обратившись к рассмотрению семантики пространства лечебного заговора, на

примере восточнославянских, чешских и французских заговоров представила типологию формул отсылки болезни [4]. Народные названия болезней проанализированы лингвистами на материале русского [13], карельского [17] и других языков. Идиомы со значением «здоровье – нездоровье» в контексте русской фразеологии были охарактеризованы Е. И. Алещенко, Ю. Г. Фатеевой [1]. Вопросы традиционной медицины в народной культуре славян исследует С. М. Никончук [15].

Лексика народной медицины, представления человека о здоровье и болезни в речи жителей территориально замкнутого социума неоднократно становились предметом изучения языковедов, обращавшихся к разноаспектной характеристике говоров. Н. Г. Архипова в своих работах представляет осмысление концепта «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта [2], рассматривает лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия [3]. В исследовании Н. С. Ганцовской народная медицинская лексика анализируется на материале костромских говоров русского языка [5], в статье Д. Н. Лоскутовой – говоров Тамбовской области [9], в работе В. М. Баденковой – говоров украинского языка². Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края раскрывает Е. Н. Ильина [7]. На материале лексики русских говоров Пермского края Л. С. Нечаева анализирует образ болезни в традиционной культуре [14]. Т. А. Трафименкова обращается к комплексному изучению терминологии болезней как объекта ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического описания³, к характеристике семантического образования медицинских терминов [18]. Сравнительному исследованию лексики народной медицины в тункинском говоре бурятского языка, в частности семантической характеристике

¹ См.: Абдулхамидова П. Ш. Лексика народной медицины шугнанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2006.

² См.: Баденкова В. М. Лексика традиционной народной медицины в украинских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Запорожье, 1999.

³ См.: Трафименкова Т. А. Терминология болезней как объект ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.

медицинской и ветеринарной терминологии, посвящена работа В. Д. Патаевой [16].

Несмотря на большое количество работ в обозначенной области, можно отметить, что системное описание диалектной лексики и фразеологии еще требует серьезного научного осмысления и представляется весьма актуальным, поскольку лексические и фразеологические системы говоров обширны, находятся в сложном взаимодействии с соседними говорами, другими контактирующими языками, кодифицированным языком. Известны лишь отдельные работы, посвященные сравнительно-сопоставительному изучению фразеологических единиц в говорах русского и мокшанского языков. В частности, в статье В. П. Гришуниной, Н. И. Ершовой анализируются фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии, особенности их семантики и структуры, причины возникновения многочисленных синонимических рядов в диалектах [6]. Классификация диалектов мокшанского языка дается в исследовании М. З. Левиной [8]. В работах А. Ю. Масловой, Т. И. Мочаловой на материале русских говоров Республики Мордовия представлено комплексное описание лексики и фразеологии, репрезентирующих болезненное состояние человека, симптомы, особенности протекания различных недугов [10–12].

Фразеосемантическое поле «Болезнь человека» имеет разветвленную структуру и представляет собой важный фрагмент внеязыковой действительности. Об этом свидетельствует обилие материала для исследований, что подчеркивает значимость данной сферы для носителей диалекта, а следовательно, актуальность ее рассмотрения на материале русских и мокшанских говоров Республики Мордовия.

Материалы и методы

В соответствии с целью и задачами в исследовании использовались описательный метод для представления материала, извлеченного в результате сплошной

выборки из фразеологических словарей; сравнительно-сопоставительный метод в процессе семантического анализа устойчивых сочетаний в разных языках; компонентный анализ фразеологизмов при установлении их системных иерархических связей и выявлении парадигматических отношений между ними; контекстный анализ при характеристике плана содержания. Кроме того, в работе применялся метод лингвокультурологической интерпретации, основанный на анализе языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, социальной организации рассматриваемого сообщества. ФЕ классифицированы и охарактеризованы в зависимости от наличия в их смысловой структуре интегральных и дифференциальных компонентов.

Исследование проведено на материале Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия⁴, Фразеологического словаря мордовских (мокша и эрзя) языков⁵ и фразеологического словаря мокшанского языка “Мокшень кялень кевонзаф валсюрмонь валкс”⁶.

Результаты исследования и их обсуждение

Для сельских жителей физическое здоровье имеет особенно важное значение, поскольку здоровый, крепкий человек может работать, содержать семью, выполнять предписанные социальные функции. Значительное место в сознании носителей исследуемых диалектов занимает ментальная оппозиция «здоровый – больной».

Здоровый, сильный, крепкий человек в русских говорах часто представлен компаративными ФЕ: *козырём бёгать, как бык мирской, как телёпига* – ‘о здоровом, сильном, крепком человеке’ и др.; ассоциативно он может соотноситься с мощным животным, наделяться силой, быстротой передвижения. В мокшанском диалектном ареале чаще всего здорового человека сравнивают с сильным животным или многовековым деревом: с медведем, лошастью, быком; с дубом, осиной и т. д.: *кода айгор* – ‘о

⁴ См.: Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.

⁵ См.: Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков. Саранск, 1973.

⁶ См.: Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюрмонь валкс. Саранск, 2013.

сильном и выносливом человеке (букв.: как лошадь/жеребец)’, *о́фтонь вёрда антф* – ‘о сильном человеке (букв.: человек, накормленный медвежьей кровью)’, *пóтма вай* – ‘о здоровом человеке (букв.: человек с внутренним жиром)’ и др.

Наименования больного, хилого, болезненного человека в исследуемых диалектных системах содержат немногочисленные группы ФЕ. В русских говорах такое состояние человека ассоциируется в народном сознании с костями (*букёт костей*), сопровождается медлительностью, сонливостью, отсутствием способности быстро передвигаться (как *сонная грезá*); зафиксированы ФЕ и ее формальные варианты *на кречень* (*кричень, крычень, крjóчень, крест*) *сесть* со значением ‘обессилеть от болезни, старости и т. п.; стать нетрудоспособным’. Аналогично представление о больном человеке в говорах мокшанского языка, в которых он также вследствие болезни лишен сил, способности передвигаться: *эсь/ись урмáнь тáпаф* – ‘о человеке, болеющем эпилепсией (букв.: болезнью придавленный)’, *рýзы-пáлы (лóмань)* – ‘о больном лежащем человеке (букв.: чахнувший сгорающий)’, *мáшитомс вййда* – ‘ослабнуть’, ‘обессилеть (букв.: иссякнуть силами)’. Если в русских говорах болезненное состояние соотносится со сном (как *сонная грезá*), то в говорах мокшанского языка вербализуется отрешенное состояние человека, пограничное между жизнью и смертью: *аф эрек аф кýла* – ‘обессиленный от болезни (о человеке) (букв.: ни живой ни мертвый)’, *аф рóнга аф пóнда* – ‘о человеке, который отрешен от этого мира (букв.: ни костей, ни плоти)’, *аф шýжярь аф пéнгя, аф лéвож аф лéнгя* – ‘по отношению к человеку, у которого непонятное состояние или из-за болезни, или из-за др. (букв.: ни солома ни полено, ни тряпка ни лыко)’.

Тяжелое физическое и душевное состояние человека воспринимается как следствие разрушительного воздействия болезни: *кидáть в чёрную нёмочь (кого)* – в русских говорах; *аф пармóрсь сýвозе* – ‘букв.: плохая болезнь взяла (его/ее) / нечисть одолела (его/ее)’ – в говорах мокшанского языка.

В диалектной среде широко распространены номинации человека по болезни, при этом наиболее частотны обозначения умственных отклонений. В русских говорах часто для характеристики умственно ограниченного, глуповатого человека используются ФЕ *крéпкий/крéпок на óбух, тупóй как косы́рь, гляди́т рóтом* – ‘о болезни человека, обозначающей умственные отклонения’, при этом многие из них строятся по модели: существительное в творительном падеже с предлогом *с* – и отражают наличие чего-то нехарактерного для человека: *с глупцо́й, с редько́й де́сять, с ду́рцо́й, с булы́зиной, с ебулы́зинкой, с тау́синой*. Зафиксированы единичные наименования человека глухого (как *типéц, на ухо тяжё́лый*) или беззубого (*беззубая кандалá*).

В мокшанском языке также многочисленны ФЕ, характеризующие человека, имеющего умственные отклонения: *ба́тман пря / бэ́змень пря* – ‘о глуповатом человеке (букв.: пустая голова)’, *ма́траф пря* – ‘о заторможенном человеке (букв.: мятая голова)’, *ту́ма пря* – ‘о тупом бесптолковом человеке (букв.: дубовая голова)’, *ту́ла пря* – ‘о безумном человеке (букв.: голова-задвигка)’, *пéкшя пря* – ‘по отношению к человеку глупому, недалекому (букв.: голова-орешек)’, *ша́ва пря / ша́ва ёнь* – ‘букв.: пустая голова / пустая мысль’, *ша́ва кýскафса тáяфтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’, *ва́рма сýканянь кáнни* – ‘по отношению к глупому, ветреному человеку (букв.: носит ветреный кувшин (о голове человека))’. Как видим, в народном сознании представление о недалеком человеке связано с пустым предметом, ветром, дубом.

Общеизвестно, что в мордовских языках лексема *пря* ‘голова’ входит в большое количество именных ФЕ, так как является символом мышления, умственного труда, чего-либо самого главного. Она также может употребляться для выражения противоположного значения – отклонения в умственных способностях человека в вышеупомянутых ФЕ.

В отличие от русских говоров Мордовии в мокшанских диалектах оппо-

зиция «умный – глупый», выраженная ФЕ, прослеживается более четко: особое значение уделяется уму, ловкости, хитрости человека. Например, конструкции *аф вярма сяканя лэфтувонзон лангса* – ‘букв.: не ветренный кувшин на плечах носит’, *оржа ёнь* – ‘букв.: острый, как нож, ум’ используются по отношению к человеку неглупому, сообразительному, который все быстро схватывает. Ум служит основой для образного мышления, выражения различных чувств, эмоций, поэтому и активно функционирует в ФЕ мокшанских говоров.

Болезнь меняет физическое и психологическое состояние человека, что нашло отражение в диалектной фразеологии как русских говоров, так и говоров мокшанского языка. Например, при обозначении резкого изменения внешнего облика, вызванного сильным потрясением, болезнью и т. п., в тех и других говорах употребляются ФЕ, включающие в свой состав соматизм **лицо**: *лицá не видно (на ком)*, *лицá нет* – в русском языке; *шáма лйкоц аф шáрьхкодеви* – ‘букв.: нет лица’, *шáмац кóтфокс óлаф* – ‘букв.: лицо потускнело (побледнело), как полотно’, *идемэвозень шáма* – ‘о человеке, болеющем плохой болезнью (букв.: нет лица; лицо чёрта)’ – в мокшанском. В мокшанских говорах при характеристике болезненного состояния человека употребляются ФЕ *áньцек шóтоңц кáнни / áньцек шóтоңц лядсь* – ‘букв.: только мощи/скелет носит’, *вáномс áлаф вáнфса* – ‘букв.: смотреть потухшим взглядом’, *сэльмоведьс кáяф (лóмань)* – ‘по отношению к человеку, у которого всегда текут слезы (букв.: в слезы опрокинутый человек)’.

Общими проявлениями болезни являются слабость и недомогание, что также передается ФЕ. В русских говорах это состояние характеризуется посредством сравнения с грубым физическим воздействием: *как в мýльцы (мýлку) пропустили (кого)*, отсутствием духа: *дýху нет (у кого)*, в говорах мокшанского языка – с утратой человеком души: *вáймозе лиссь* – ‘букв.: душа вышла из тела’, *вáймозе лись пóтмосон* – ‘букв.: душа испеклась внутри’.

В градационных отношениях с данными фразеологизмами находятся ФЕ, фиксирующие состояние сильной боли или состояние при смерти. Например, в русских говорах это значение выражают ФЕ *каткóм (кáтом, кóтом) катáться, вмертвё лежáть, в одну дышку дышáть* – ‘страдать от сильной боли’. В говорах мокшанского языка для обозначения сильной боли или состояния при смерти фиксируются ФЕ, которые имеют различные стилистически окрашенные конструкции: *сэди куцýняс лáсьфти / мянь вáймось сýряди* – ‘до глубины души болит’, *кóнемс сэльмот* – ‘умереть (букв.: закрыть глаза от боли)’. Как показывает иллюстративный материал, такое состояние может соотноситься с перемещением в иной мир: *тумс мóда вáря пачк* – ‘букв.: уйти в подземный мир’, а поскольку земной путь человека окончен, утрачивается функциональное назначение ног, обуви: *вёнептемс пйлькт* – ‘умереть (букв.: протянуть ноги)’; *кёподемс вáри кáрьхнень* – ‘букв.: поднять лапти вверх’, *óрадомс кáрьхнень* – ‘букв.: развязать лапти’ и т. д.

В ряде ФЕ как в русском, так и в мокшанском языке отсутствует закрепление болезненных проявлений за какой-либо частью тела или одним органом. Например, в русских говорах: *знобь берёт (кого)* – ‘знобит’; в мокшанских говорах: *ись урмáсь кáлфты эсонза* – ‘эпилепсия мучает (его/ее)’; *урмáнь тáпаф (лóмань)* – ‘по отношению к парализованному человеку (букв.: болезнью придавленный)’. Отметим, что подобное отсутствие конкретизации в русских говорах чаще наблюдается во ФЕ, включающих в компонентный состав глаголы негативного физического воздействия **драть, резать, ломать, бить**: *драть дёркой, как ножóм (ножáми) рэзáть* – ‘о сильной боли’, *младёнческая ломáет* – ‘о приступе эпилепсии у детей’; *родймец бьёт (кого)* – ‘кто-либо начинает биться в судорогах’: *Весь день зуп дирёт дёркый* (Нижняя Вязера, Инсарский район); *Палиц дёркый дирёт, нърывает он* (Атемар, Лямбирский район). В мокшанском диалектном ареале ФЕ также включают в свой состав стилистически нейтральные

глаголы, обозначающие физическое воздействие на объект: *кёромс* – ‘резать’, *тапамс/юводомс* – ‘ломать’, *шулгодемс* – ‘ломить’ и т. д. Например: *бъта пийъл’съ кир’ий’т* – ‘о сильной невыносимой боли (букв.: как ножом режут)’ (Атюрьево, Атюрьевский район).

Нарушения нормальной жизнедеятельности организма, болезни различных органов, частей тела репрезентируют такие ФЕ, в которых отражаются конкретные симптомы болезненного состояния того или иного органа человека. Как показывает проведенное исследование, наиболее представительны группы фразеологизмов, фиксирующих проявление симптома болезни в голове и груди. Симптоматику сильной головной боли в русских говорах отражает синонимический ряд ФЕ с соматизмом *голова*: *голова́ разва́ливается*, *голова́ растеря́лась*, *голова́ ска́тывается* (у кого и без доп.) – ‘о сильной головной боли’; проявление головокружения выражено синонимическими ФЕ, одна из которых не является соматической: *голова́ пере́мётывается* (у кого) и *кры́ша трóнулась*. Очевидно, что перенос значения *голова* – *крыша* осуществляется по признаку места нахождения части объекта: верхняя часть тела человека – верхняя часть строения. Травма головы выражается посредством метонимического переноса *голова* – *мозги* в следующей ФЕ: *разб́ить мозги́* – ‘травмировать голову’.

В мокшанском языке не употребительны ФЕ, связанные с обозначением головной боли. Болезненное состояние головы носителями мокшанского языка соотносится с потерей рассудка, способности здраво мыслить, ср.: *пяс то́каф* – ‘по отношению к человеку, у которого проявляется болезнь головы (букв.: тронутый мозгами)’, *пяс па́лаф (ло́мань)* – ‘о человеке, который не от мира сего (букв.: в голову целованный)’, *пря́уйфто́ма ло́мань* – ‘по отношению к безумному человеку (букв.: человек без мозгов)’, *ша́ва кя́скафса та́яффтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’, *ёньда лисъф* – ‘по отношению к человеку со

странностями; сумасшедший (букв.: сошедший с ума)’, *ёждеда ма́штомс / ёньда ма́штомс* – ‘сойти с ума’ / ‘потерять сознание (букв.: потерять ум)’, *ли́семс ёньда* – ‘по отношению к человеку со странностями (букв.: сойти с ума)’ и др.

Проявление боли в груди представлено группой фразеологизмов, в которой лишь одна ФЕ содержит соматизм *грудь*: *грудь закла́ло*. Такое же значение имеют фразеологизмы-синонимы *дух захвати́ло* (у кого), *дыха́нье зава́ливает*. Последняя ФЕ другим своим значением – ‘об одышке’ – входит в семантическую подгруппу, акцентирующую сему затрудненного дыхания: *ды́ху нет*, *и́нда дых не ды́шит* – ‘трудно дышать’; *как ко́нь за́гнанный* – ‘тяжело, прерывисто (дышать)’. В мокшанском языке зафиксированы ФЕ *сэ́ди ку́цюня́зон ла́сьфти* – ‘до глубины души болит (букв.: довести до ложечки сердца)’, *ва́ймось по́тмозонза аф тя́льги* – ‘о человеке, у которого проявляются болезненные ощущения в груди (букв.: душа внутри тела не вмещается)’.

Конкретные симптомы болезненного состояния того или иного органа человека отражаются в соматических диалектных фразеологизмах. Так, утрату голоса вследствие простуды в русских говорах фиксирует ФЕ *гло́тку зава́лило*; начало насморка – *засмы́гать но́сом*; болезненное ощущение тяжести в носу передается ФЕ *нос закла́ло*, болезненное ощущение в ушах – *уша́м те́сно*; в руках – *ру́ки расхвата́ются*, т. е. ‘напрягаются, придут в болезненное состояние’; в ногах (руках) – *навиха́ть но́ги (ру́ки)*; ФЕ *ру́ки (но́ги) не вла́дают* передает симптом онемения – ‘руки (ноги) онемели, потеряли чувствительность от холода’. В русских говорах на территории Республики Мордовия выявляются ФЕ, в которых отражается: начало насморка – *засмы́гать но́сом*; болезненное ощущение тяжести в носу – *нос закла́ло*, на губах – *кумоха́ окида́ла* – ‘о появлении сыпи, гнойных ранок на губах в результате простуды’ и т. д.

В мокшанском языке ФЕ *ни́же ма́рь крга́парьс* – ‘букв.: незрелое яблоко в

плотку' служит для номинации человека, у которого проявляются как болезненные ощущения в горле, так и плохое душевное состояние. На болезненные ощущения в глазах указывают ФЕ *сáразонь сéлье* / *няэмс сáраз ла́ца* – 'о человеке, который плохо видит (букв.: глаза курицы / видеть, как курица)', *сóкор унжá* – 'о человеке, который плохо видит (букв.: слепой жук)'. В то же время глаза могут стать причиной болезни другого человека: *íнекуй сéлье* – 'о человеке, который может сглазить, навлечь болезнь (на кого-либо) (букв.: глаз гадюки)'. В смысловой структуре данных ФЕ отразились зооморфные представления человека, так как особенности какого-либо животного транспонируются на человека.

В говорах мокшанского языка выявляются конструкции со значением болевых ощущений в спине или шее: *ка́лафтомс казфт* – 'о человеке, у которого болевые ощущение в пояснице (букв.: сломать поясницу)'; *ка́лаффтф ка́зфса а́лаша* – 'о человеке, у которого болит поясница (букв.: со сломанной поясницей лошадь)'; *ка́лада ма́ци* – 'о человеке, у которого болит поясница (букв.: со сломанной поясницей гусь)'; *веля́ффтф ся́лдаз* – 'о человеке, у которого кособокая походка (букв.: сломанная шея)'. Для передачи болезненного ощущения в ушах употребляется ФЕ *ни́лефтома (ло́мань)* – 'о человеке, который совсем не слышит (букв.: человек без ушей)', в руках – *кя́ттне но́волихть* – 'когда руки после работы находятся в болезненном состоянии (букв.: руки ослабнут)', в ногах – *пра́мс ни́льге ла́нгста* – 'быть в лежачем состоянии (букв.: упасть с ног)', 'когда после тяжелой работы ноги придут в болезненное состояние', *ни́льгонза аф у́сксевичть* – 'о человеке, у которого еле ноги передвигаются (или из-за болезни, или после тяжелой работы) (букв.: ноги не волочатся)'. Распространены ФЕ с компонентом-соматизмом **язык**, употребляющиеся по отношению к человеку, который не может разговаривать, т. е. немому: *ко́ське кяль* – 'букв.: высохший язык', *юма́ф кяль* – 'букв.: потерянный язык', *су́скф кяль* – 'букв.: укушенный язык', *ни́лемс кяль* – 'букв.: про-

глотить язык'. Возникновение подобных ФЕ связано с необходимостью обозначить понятия, номинирующие человека с ограниченными возможностями.

Указание на расстройство желудка в русских говорах передает фразеологизм *живо́т завя́злся*; семантически с ним связан фразеологизм, не содержащий соматизма: *сло́нэнка (сло́нэночка) роди́ть* 'извергать (извергнуть) содержимое желудка, стоя на четвереньках'. В говорах мокшанского языка данное значение передается ФЕ *ка́лафтомс пе́ке/мо́рсиеңц* – 'о человеке, у которого наблюдается расстройство желудка, опущение желудка (букв.: разорвать живот / порвать селезенку)'.

ФЕ в говорах мокшанского языка чаще всего представлены двухкомпонентными конструкциями, где компоненты, как правило, выражены знаменательными словами. Также выявляются конструкции, осложненные послелогом. Модели образования ФЕ: 1) глагол + существительное в различных падежах (чаще аблатив, инессив, элатив, иллатив), например: *пра́мс ни́льге ла́нгста* – 'быть в лежачем состоянии (букв.: упасть с ног)', 'когда после тяжелой работы ноги придут в болезненное состояние', *ли́семс ё́ньда* – 'по отношению к человеку со странностями (букв.: сойти с ума)', *ма́штомс ви́йда* – 'ослабнуть, обессилеть (букв.: иссякнуть силами)' и т. д.; 2) существительное + существительное (абсолютная форма): *по́тма вай* 'о здоровом человеке (букв.: человек с внутренним жиром)', *ту́ма пря* 'о тупом бестолковом человеке (букв.: дубовая голова)', *ту́ла пря* 'о безумном человеке (букв.: голова-завдвижка)'; 3) существительное в абессиве + существительное в номинативе: *пряу́йфтома ло́мань* – 'по отношению к безумному человеку (букв.: человек без мозгов)', *ни́лефтома (ло́мань)* – 'о человеке, который совсем не слышит (букв.: человек без ушей)'; 4) существительное в различных падежах (чаще генитив, аблатив, инессив, элатив, иллатив) + причастие: *урма́нь та́паф* – 'по отношению к парализованному человеку (букв.: болезнью придавленный)'; *ё́ньда лисьф* – 'по отношению к человеку со странностями (букв.: сошедший с ума)',

пряс пáлаф (лóмань) – ‘о человеке, который не от мира сего (букв.: в голову целованный)’; 5) прилагательное или причастие + существительное в номинативе: *шáва пря / шáва ёнь* – ‘букв.: пустая голова / пустая мысль’, *мáтраф пря* – ‘о заторможенном человеке (букв.: мятая голова)’, *юмáф кяль* – ‘по отношению к человеку, который не может разговаривать (букв.: потерянный язык)’; 6) наречие + причастие: *пýлес пиф* ‘о глуповатом человеке (букв.: недоваренный)’.

Выявлены конструкции, состоящие из трех и более компонентов: *óфтонь вёрда антф* – ‘о сильном человеке (букв.: человек, накормленный медвежьей кровью)’; *аф вáрма сýканя лáфтувонзон лánгса* – ‘букв.: не ветреный кувшин на плечах носит’, *вáрма сýканянь кáнни* – ‘по отношению к глупому, ветреному человеку (букв.: носит ветреный кувшин (о голове человека))’, *эсь/ись урмáнь тáпаф* – ‘о человеке, болеющем эпилепсией (букв.: болезнью придавленный)’, *шáва кýскафса тáяффтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’. В некоторых случаях значение ФЕ в мокшанском языке представляется целыми пословицами или поговорками, ср.: *аф шýжярь аф*

пéнгя, аф лéвож аф лéнгя – ‘по отношению к человеку, у которого непонятное состояние или из-за болезни, или из-за др. (букв.: ни солома ни полено, ни тряпка ни лыко)’; *аф эрек аф кýла* – ‘обессиленный от болезни (о человеке) (букв.: ни живой ни мертвый)’ и т. д.

В русских и мокшанских говорах наблюдается сходство в компонентном составе – наличие соматизмов. Наиболее часто в сопоставляемых говорах представлены ФЕ с соматизмами *голова, лицо, руки, ноги*.

Заключение

Таким образом, сопоставительный анализ вышеуказанной репрезентативной фразеосемантической группы показывает, что любые изменения в состоянии здоровья человека фиксируются в народном сознании и находят отражение в диалектной фразеологической картине мира. Большую группу в исследуемых говорах составляют компаративные фразеологические единицы. В русских и мокшанских диалектах на территории Республики Мордовия в основу номинации здорового или больного, умного или глупого человека кладутся ассоциативные сопоставления с тем или иным представителем животного мира, растением, предметом быта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко Е. И., Фатеева Ю. Г. Идиомы со значением здоровья-нездоровья в контексте русской фразеологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 107–111.
2. Архипова Н. Г. Концепт «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 16. С. 78–81.
3. Архипова Н. Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. материалов Междунар. науч. конф. Благовещенск, 2001. Т. 1. С. 169–175.
4. Вельмезова Е. В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере

- восточнославянских, чешских и французских заговоров) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 50–60.
5. Ганцовская Н. С. Народно-медицинская лексика в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров, 1993: (Материалы и исслед.). СПб., 1994. С. 77–81.
 6. Гришунина В. П., Ершова Н. И. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 224–232. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
 7. Ильина Е. Н. Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. СПб., 2015. Вып. 14. С. 250–266.
 8. Левина М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка // Финно-угорский мир. 2015. № 3. С. 24–35.
 9. Лоскутова Д. Н. Этнолингвистический аспект изучения темы «Народная медицина» (на примере заболевания *сибирская язва* в тамбовских говорах) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 8. С. 210–214.
 10. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М., 2019. С. 40–41.
 11. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. М., 2018. С. 163–166.
 12. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Репрезентация семантического поля «болезнь человека» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 45–66. DOI: 10.17223/19986645/75/3.
 13. Меркулова В. А. Народные названия болезней, III (На материале русского языка) // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография: сб. науч. ст. М., 1980. С. 168–184.
 14. Нечаева Л. С. Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1. С. 12–20.
 15. Никончук С. М. Традиционная медицина в народной культуре славян // Русский вопрос: история и современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2007. С. 363–367.
 16. Патаева В. Д. Лексика народной медицины в тункинском говоре бурятского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 26–30.
 17. Пашкова Т. В. Названия некоторых мифологических заболеваний по данным карельского языка // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 47–54.
 18. Трафименкова Т. А. Семантический способ образования медицинских терминов, обозначающих названия болезней // Аспирант и соискатель. 2006. № 5. С. 45–46.

Поступила 14.03.2022; одобрена 21.03.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. Ю. Маслова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

Т. И. Мочалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

М. З. Левина – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, lev.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>

Representation of the morbid state of a person in the phraseology of the Russian and Moksha dialects on the territory of the Republic of Mordovia

Alina Yu. Maslova
Tatiana I. Mochalova
Mariia Z. Levina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The paper considers phraseological units that characterize the morbid state of a person in Russian and Moksha dialects on the territory of the Republic of Mordovia. The purpose of the study is to present the semantic characteristics of dialect phraseological units, analyze their component composition, and identify axiological and cultural-historical ideas of dialect speakers in the region.

Materials and Methods. Various techniques and research methods were used in the work: a descriptive method, a comparative method, a method of component analysis, a method of contextual analysis, a method of linguistic and cultural interpretation. The study was conducted on the material of phraseological dictionaries of Russian dialects of the Republic of Mordovia and the Mordovian (Moksha and Erzya) languages.

Results and Discussion. The study found that in the Russian and Moksha dialects of the Republic of Mordovia there are stable combinations known from ancient times, which name diseases and their symptoms, various painful conditions of a person. It was revealed that the languages of different types use phraseological units, which include somatisms, zoonyms, phytonyms, names of various objects, which reflects the features of a person's figurative thinking, associative perception of the surrounding reality. A comprehensive study of phraseological units that characterize the morbid state of a person in the languages of different types on the territory of one region contributes to the comprehension of folk mentality, revealing the specifics of the national linguistic picture of the world of the Russian and Mordovian peoples, and allows us to trace the general and specific features of the linguistic community.

Conclusion. The results of the study indicate that phraseological units are actively used in the compared dialects of the Russian and Moksha languages, denoting a person's morbid condition and representing the characteristic features of the image of the disease in different cultures.

Keywords: phraseology, phraseosemantic group, phraseological unit, meaning, dialects, Moksha language, Russian language, comparison, disease, nomination

For citation: Maslova AY, Mochalova TI, Levina MZ. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian and Mordovian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:160–170. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.

REFERENCES

1. Aleshchenko EI, Fateeva IuG. Idioms with meaning of “health – ill health” in Russian phraseology. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2018;2:107–111. (In Russ.)
2. Arkhipova NG. The concept of “Disease” in the naive picture of the world of a native speaker. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2002;16:78–81. (In Russ.)
3. Arkhipova NG. Lexical features of the names of ailments in the Russian dialects of the Amur region as a result of inter-dialect interaction. *Rossiiia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.* = Russia and China on the Far Eastern frontiers. Collection of materials of the International scientific conference. Blagoveshchensk; 2001;1:169–175. (In Russ.)
4. Vel'mezova EV. The semantics of the space of a healing spell: toward a typology of formulas for referring a disease (on the example of East Slavic, Czech and French spells). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* = Moscow University Philology Bulletin. 1999;4:50–60. (In Russ.)

5. Gantsovskaia NS. Folk medical vocabulary in Kostroma dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov*, 1993: (Materials and research). Saint-Petersburg; 1994:77–81. (In Russ.)
6. Grishunina VP, Yershova NI. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:224–232. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
7. Il'ina EN. The concepts of health and disease in the speech of inhabitants of the Vologda region. *Severnorrusskie govory* = Northern Russian dialects. Saint-Petersburg; 2015;14:250–266. (In Russ.)
8. Levina MZ. From the history of classifications of Moksha dialects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;3:24–35. (In Russ.)
9. Loskutova DN. Ethno-linguistic aspect of studying the folk medicine theme (based on the example of the *anthrax disease* in Tambov dialect). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities. 2009;8:210–214. (In Russ.)
10. Maslova AYU, Mochalova TI. Names of the morbid condition of a person in Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo iazyka: tr. i materialy* = Russian language: historical destinies and modernity: VI International Congress of Russian Language Researchers. Works and materials. Moscow; 2019:40–41. (In Russ.)
11. Maslova AIU, Mochalova TI. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian dialects of the Republic of Mordovia. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: materialy Mezhdunar. konf.* = Actual problems of Russian dialectology. Proceedings of the International conference. Moscow; 2018:163–166. (In Russ.)
12. Maslova AYU, Mochalova TI. Representation of the semantic field “human disease” in the Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology. 2022;75:45–66. (In Russ.). DOI: 10.17223/19986645/75/3.
13. Merkulova VA. Popular names of diseases, III (Based on the Russian language). *Drevnerusskii iazyk. Leksikologiya i leksikografiya: sb. nauch. st.* = Old Russian language. Lexicology and lexicography. Collection of scientific articles. Moscow; 1980:168–184. (In Russ.)
14. Nechaeva LS. The concept “disease” in traditional culture (on the lexics of Perm region spoken dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2010;1:12–20. (In Russ.)
15. Nikonchuk SM. Traditional medicine in the folk culture of the Slavs. *Russkii vopros: istoriya i sovremennost': materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Russian question: history and modernity. Materials of the VI International scientific and practical conference. Omsk; 2007:363–367. (In Russ.)
16. Pataeva VD. Traditional medicine vocabulary in Tunka dialect of Buryat language. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. 2009;10:26–30. (In Russ.)
17. Pashkova TV. The names of some mythological diseases according to the Karelian language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3:47–54. (In Russ.)
18. Trafimenkova TA. A semantic way of forming medical terms denoting the names of diseases. *Aspirant i soiskatel'* = PhD student and applicant. 2006;5:45–46. (In Russ.)

Submitted 14.03.2022; reviewing 21.03.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. Yu. Maslova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, National Research Mordovia State University, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

T. I. Mochalova – Cand. Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Russian Language, National Research Mordovia State University, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

M. Z. Levina – Cand. Sc. {Philology}, Associate Professor, Mordovian Languages Department, National Research Mordovia State University, lev.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>

Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке

Анатолий Николаевич Ракин

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Работа посвящена двум компонентам лексики охотничьего промысла в коми языке – обозначениям крупных диких животных и названиям лесных обитателей среднего размера. В каждом компоненте выделяются номинативные единицы, относящиеся к хищникам и растительноядным животным. В первой части исследования приводятся краткая характеристика соответствующих представителей местной промысловой фауны на территории Коми края и их обозначения в коми языке. Во второй части дается диахроническая иерархия анализируемой исконной лексики, составленная на основе классификации праязыковых реконструкций.

Материалы и методы. Анализируемый фактический материал относится преимущественно к коми литературному языку. Рассматриваются названия как исконного, так и иноязычного происхождения. При разработке темы исследования автор оперирует такими методами, как описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный и статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье впервые проведен лингвистический анализ с применением биологической классификации самостоятельной микросистемы лексики охотничьего промысла в коми языке. Установлено, что предмет исследования имеет древние истоки и в его основе лежат обозначения исконного происхождения. В составе данной разновидности охотничьей лексики представлены прафинно-угорский, прафинно-пермский, прапермский и пракоми компоненты древнего фонда. Группа поздних образований, не имеющих генетических соответствий в других родственных языках, возникла в период самостоятельного существования коми-зырянского языка. Иноязычный компонент складывается из ранних и поздних заимствований. Технология разработки данной темы, созданная автором статьи, может быть использована на материале других родственных и неродственных языков.

Заключение. Формирование лексики коми языка, относящейся к крупным промысловым животным и к представителям диких зверей среднего размера, происходило в течение многих тысячелетий, начиная с прафинно-угорской эпохи. Большинство названий анализируемой микросистемы принадлежит исконному фонду словарного состава коми языка. В ее пополнении принял участие иноязычный компонент, сформировавшийся в результате проникновения заимствований из пяти внешних источников.

Ключевые слова: коми язык, лексика, обозначения объекта охотничьего промысла, исконный словарный фонд, заимствования

Для цитирования: Ракин А. Н. Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 171–185. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.

Введение

Лексика охотничьего промысла коми языка неоднородна. Она состоит из 21 компонента, которые отличаются друг от друга предметно-понятийным содержанием, структурной организацией, происхождением и количественными показателями.

Выделяемая нами в отдельную микросистему группа названий объекта охотничьего промысла состоит из 140 лексических единиц, относящихся к 75 представителям промысловой фауны. Под термином «объект охотничьего промысла» в статье понимается не отдельный вид добываемых

охотником таежных или тундровых животных, а вся совокупность промысловой фауны на конкретной территории, взятая для проведения исследования. Исходя из экстралингвистических признаков обозначения данной категории можно сгруппировать следующим образом: названия водоплавающей дичи (38 номинативных единиц), крупных промысловых животных (25), мелких пушных зверей (24), боровой дичи (22), промысловых зверей средних размеров (13), болотно-луговой дичи (13).

Указанная в заглавии статьи тема исследуется на материале двух подгрупп: первую составляют обозначения крупных промысловых зверей и животных, вторую – названия лесных обитателей среднего размера. Для удобства проведения анализа в составе каждой из них выделяются и отдельно рассматриваются наименования хищных промысловых зверей и названия растительноядных животных.

В первой части исследования определяется состав и дается краткая характеристика соответствующих представителей местной промысловой фауны на территории Коми края, приводятся их названия, употребляющиеся в коми языке. Во второй части рассматривается диахроническая иерархия анализируемой исконной лексики, составленная на основе классификации праязыковых реконструкций. Анализ не исконной лексики производится с целью установления количественных показателей и источников проникновения заимствований.

Обзор литературы

В отечественном финно-угроведении лексика охотничьего промысла относится к малоизученным темам. Интерес к ней исследователи стали проявлять только в последние годы. К настоящему времени по данной проблеме опубликованы лишь две статьи. В одной из них анализируются названия охотничьих ловушек в марийском языке [5], другая посвящена обозначениям субъекта охотничьего промысла в коми языке [11].

Материалы и методы

Главным источником фактического материала послужила соответствующая часть основного словарного фонда коми языка, содержащаяся в лексикографических изданиях (КРК; РКС; ПНК¹). Сопоставительные примеры приводятся из коми-пермяцкого и удмуртского языков (КПРС; УРС). Биологические сведения о диких животных, обладающих промысловой ценностью той или иной степени, взяты из источников справочного

характера (ЖМК; РКЭ). Диахроническая классификация исконного компонента анализируемой лексики осуществляется с использованием реконструкций из этимологических источников (КЭСКЯ; Rédei, 1988; Uotila, 1938; Wichmann, 1923–1924). Группа названий иноязычного происхождения, их количество и источники устанавливаются с помощью исходных слов, содержащихся как в отечественной (СРЯ, 1982; СРЯ, 1983; СРНГ, 1981; СРНГ, 1987; СРНГ, 1999), так и в зарубежной [16] литературе. Учитывается не только лингвистический, но и этнографический материал, имеющийся в различных публикациях, относящихся к охотничьему промыслу [1; 2].

Исследование проводится по технологии, разработанной автором статьи для анализа лексики рыболовства [10], метеорологической [12] и ландшафтной лексики [6–9]. К конкретным методам лингвистического исследования, использованным в данной работе, относятся описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный и статистический, а также приемы семантического и структурно-словообразовательного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Состав объектов номинации в системе обозначений крупных и средних промысловых зверей и животных

1. Номинация крупных промысловых животных. Данная группа лексики охотничьего промысла коми языка состоит из 25 названий. Их классификация осуществляется с разграничением двух категорий обозначаемых объектов: хищные звери и растительноядные животные.

1.1. Крупные промысловые хищники и их обозначения. В коми языке имеются названия для четырех крупных хищных зверей. Одной из особенностей этой категории лесных обитателей является то, что для них основным средством питания служат другие животные.

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на словари и справочники в соответствии со списком условных сокращений.

Медведь. Этот хищник повсеместно называется *ош*. Из семейства медвежьих в Коми крае обитает лишь один вид – бурый медведь, который обозначается двумя названиями: *бурой ош* (КРК, с. 68) (*бурой* ‘бурый’) и *сьодовгöрд ош* (РКС, с. 421) (*сьодовгöрд* ‘бурый’).

Бурый медведь – самый крупный хищник региона и распространен по всей его территории. Длина тела зверя достигает 2 м, масса – 480 кг. Это всеядное животное питается ягодами, зелеными частями растений, мелкими грызунами; заходя в реку, вылавливает рыбу. Разрушая муравейники, занимается поисками муравьиных яиц. Нападает на диких и домашних животных, иногда (очень редко) на людей. В естественных условиях живет до 30 лет. Является важным объектом промысловой и спортивной охоты. Медвежья шкура используется в основном для ковров, мясо съедобно. Считается, что жир и желчь медведя обладают лечебными свойствами. Для добычи хищника требуется получение лицензии.

Коми-пермяцкое название *ош* ‘медведь’ (КПРС, с. 301) полностью совпадает с коми-зырянским. В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует. Для обозначения медведя там употребляется слово *гондыр* (УРС, с. 164), которое с коми названиями этимологически не связано. Для коми примеров, возникших, видимо, еще до пракоми периода, реконструируется общепермская праформа (КЭСЯ, с. 209).

Кроме рассмотренных выше названий в современном коми языке имеется также ряд номинативных единиц, указывающих на особенности обозначаемого объекта: *вир выв ош* ‘плотоядный медведь’ (КРК, с. 462), (*вир выв* ‘кровавый, на крови’), *йй выв ош* ‘плотоядный медведь’ (ПНК, с. 210) (*йй выв* ‘мясной’), *кодзувкот ош* ‘медведь-муравьед’ (ПНК, с. 128) (*кодзувкот* ‘муравей’), *турун ош* ‘растительноядный медведь’ (ПНК, с. 128) (*турун* ‘травя’).

Для обозначения медведя в коми языке используется также слово, являющееся русским заимствованием: *лоншак* ‘годовалый медведь’ (КРК, с. 358).

Белые медведи в таежной фауне отсутствуют, их места обитания находятся в Арктической зоне – на льдинах и побережье

Северного Ледовитого океана. Однако они известны носителям коми языка и обозначаются ими *еджыд ош* (КРК, с. 462; РКС, с. 421) (*еджыд* ‘белый’), что соответствует русскому названию животного.

Волк. Название этого представителя семейства собачьих *кöин*, имеющее соответствия в коми-пермяцком (*кöин*) и удмуртском (*кион*) языках, относится к словарному фонду общепермского происхождения. Данные обозначения, употребляющиеся во всех трех современных пермских языках, не являются исконными. Допускается, что заимствование могло произойти в прапермскую эпоху из какого-то древнеиранского источника (КЭСЯ, с. 139).

Волк – довольно крупный зверь: хотя по размерам он значительно уступает медведю, но превосходит любую собаку. Длина тела самцов – более 1,5 м, масса – до 96 кг. Средняя продолжительность жизни волка составляет 15 лет. По окраске волосяного покрова преобладают особи серого цвета, в связи с этим для обозначения волка употребляется также словосочетание *руд кöин* (КРК, с. 570) (*руд* ‘серый’).

На территории Республики Коми обитают два подвида волков – лесной и тундровый. Из-за густого и пушистого меха тундровый выглядит крупнее лесного. Они оба называются одним и тем же словом *кöин*, но при необходимости различения для второго используется номинативная единица *тундраса кöин* (букв.: ‘тундровый волк’).

Волк – выносливый и быстрый зверь. Максимальная скорость, которую он может развить, достигает 50–60 км в час. При погоне легко догоняет зайца. Приносит большой вред лесной фауне, истребляя других ценных промысловых животных: лосей, зайцев, птиц. Убивает домашних животных: овец, лошадей, коров, собак. Особенно большой ущерб причиняют тундровые волки оленеводческим хозяйствам, нападая на стада домашних оленей. Добывать волков, в том числе их выводки, разрешается в любое время и любыми средствами. На них применяется охота из-под ружья, с собаками, флажками, капканами. Мясо волков в пищу не употребляется, используется только шкура в качестве напольного или настенного ковра.

Росомаха. Относится к семейству ку-
нхих. Для обозначения животного суще-
ствуют четыре названия: *латишӧг* (КРК,
с. 346), *сан, сана, санка* (КРК, с. 577). Из
перечисленных слов только первое отно-
сится к лексике древнего происхождения
и имеет соответствие в коми-пермяцком
языке: *лачег* ‘росомаха’ (КПРС, с. 219).
Данный факт свидетельствует о том, что
оба слова унаследованы из пракоми язы-
косновы. Что касается более древней фор-
мы **lāšeg* с первоначальной семантикой
‘вор, хищник’, которая реконструируется
при отсутствии генетического соответ-
ствия в удмуртском языке (КЭСКОЯ, с. 414),
в прапермскую эпоху она, видимо, к лекси-
ке охотничьего промысла не относилась.
Удмуртские названия хищника *лакиша* ‘ро-
сомаха’ (УРС, с. 387) и *лусьтыросёр* ‘ро-
сомаха’ (УРС, с. 405) с коми словами эти-
мологически не связаны.

Названия *сан, сана, санка* ‘росомаха’, яв-
ляющиеся однокоренными словами, за пре-
делами территории проживания носителей
коми языка не употребляются. *Сана* пред-
ставляет собой фонетический вариант пер-
вого примера, а *санка* имеет в своем составе
кроме корневой морфемы отыменный сло-
вообразовательный суффикс *-ка* [13, 145].

Согласно сведениям, содержащимся в
различных лексикографических изданиях и
справочных источниках (РКЭ, с. 557; ЖМК,
с. 49), росомаха является довольно круп-
ным млекопитающим. Длина тела дости-
гает 70–105 см, масса – 32 кг. мех густой,
длинный с грубой шерстью. Окраска воло-
сяного покрова коричнево-бурая. Туловище
массивное, приземистое на коротких ногах,
с крупными когтями. В природе росомахи
живут не более 10 лет.

Питается росомаха любыми животны-
ми продуктами, от насекомых и червей
до лося. Отнимает добычу у более слабых
хищников (например, у лисицы), доедает
остатки пищи медведя и волка, ворует запасы
из охотничьих избушек, вытаскивает из
ловушек приманку и попавших туда зверей
и птиц. Истребляет зайцев, боровую дичь –
рябчиков, глухарей, нападает на оленей, те-
лят лосей. Особого хозяйственного значения
росомаха не имеет. Ее мясо обладает неприят-
ным запахом, но шкура, использующаяся

для пошива верхней одежды, воротников и
шапок, ценится довольно высоко. Охота на
этого хитрого зверя считается очень слож-
ной задачей, поскольку он почти никогда не
попадает в ловушки и капканы. Для добы-
чи применяются такие способы, как огне-
стрельное оружие, собаки, засада.

Росомаха хотя и распространена по всей
территории Республики Коми, но малочис-
ленна. Встречается в глухих лесах, лесо-
тундре и тундре.

Рысь. В коми языке для обозначения
этого представителя семейства кошачьих
употребляются два названия: *вӧрканы*
(КРК, с. 122) и *рысь* (КРК, с. 537). Первая
номинативная единица является исконным
названием и имеет соответствие в коми-
пермяцком языке, которое отличается от
коми-зырянского только правописанием:
вӧр каны ‘рысь’ (КПРС, с. 83). Оба примера
состоят из двух компонентов (*вӧр* ‘лес, лес-
ной’ + *каны* ‘кошка’) и буквально означают
‘лесная кошка’. Второе название представ-
ляет собой заимствование из русского язы-
ка. Удмуртские названия данного хищника:
белян (УРС, с. 58), *кыркочыш* (УРС, с. 378)
(букв.: ‘дикая кошка’), *тэлькочыш* (УРС,
с. 667) (букв.: ‘лесная кошка’). Слово *белян*
заимствовано удмуртами из тюркских язы-
ков (ЭСУЯ, с. 152), а два других примера
являются исконными удмуртскими образо-
ваниями, которые с коми словами этимоло-
гически не связаны.

Рысь населяет всю лесную зону Респу-
блики Коми, но предпочитает глухие и от-
даленные от человеческого жилья места.
Обладает густым пушистым мехом рыже-
вато-бурого цвета. На спине и лапах име-
ется пятнистость. Длина тела животного –
82–107 см, высота в плечах – 57–65 см,
масса – 8–17 кг, у крупных самцов – до
32 кг. Ноги высокие с широкими лапами и
острыми втяжными когтями. Хвост корот-
кий, как бы обрубленный. В тайге рысь в
среднем живет от 15 до 20 лет.

Питается хищник преимущественно
зайцами, а также мышевидными грызу-
нами, боровой дичью – рябчиками и тете-
ревами. Нападает на телят оленей, иногда
и на взрослых животных. Рысь имеет не-
большую промысловую ценность, на нее
охотятся только из-за меха.

1.2. Обозначения крупных копытных промысловых животных. Представители данной группы отличаются от рассмотренных выше тем, что являются не хищниками, а растительноядными дикими животными. Промысловую фауну Республики Коми характеризуют три вида крупных копытных животных: лось, северный олень и кабан, для которых в словарном составе коми языка имеются соответствующие названия.

Лось. Это парнокопытное млекопитающее семейства оленьих – самое крупное жвачное животное, обитающее в лесах республики. Длина тела взрослых особей достигает 3 м, высота – 2 м, масса – 570 кг. Характерной чертой самцов являются огромные лопатообразные рога на голове шириной до 1,5 м и массой до 20 кг. С наступлением зимы лоси освобождаются от тяжелых рогов, сбрасывая их на землю, и становятся такими же безрогими, как лосихи. Новые рога у таежных гигантов вырастают лишь после прихода весны в следующем году. мех имеет темно-бурую окраску. Лоси обитают преимущественно в лесных массивах, где имеются различные гидрообъекты: реки, ручьи и озера, а также болота. Летом питаются водными растениями и луговыми травами. Зимой поедают ветви ивы, березы, пихты и можжевельника, а также кору осины. Продолжительность жизни лосей – 20–25 лет.

В прошлые столетия на территории Коми края лоси были редкими животными, их широкое распространение и рост численности стали наблюдаться лишь с середины XX в. В Печоро-Илычском заповеднике, находящемся в междуречье верхней Печоры и ее правого притока Илыча, в конце 1940-х гг. начались работы по приручению лосей, была создана специальная ферма, где они выращивались и изучались. Одомашненные лоси использовались не только в научных целях, но и для получения мяса, шкуры и ценного лосиного молока, а также в качестве транспортных животных при перевозке различных грузов и людей.

В коми языке лось обозначается двумя словами: *йӧра* (КРК, с. 252) и *лола* (КРК, с. 356). Оба названия сопоставимы с коми-пермяцкими *йӧра* ‘лось’ (КПРС, с. 159) и *лола* ‘лось’ (КПРС, с. 226). Очевидно, эти

примеры являются словами общекоми происхождения, для которых можно реконструировать соответствующие праформы. Отсутствие генетических соответствий в удмуртском языке не позволяет считать их более древними, т. е. прапермскими, образованиями. Из числа удмуртских обозначений лося *былан* (УРС, с. 93), *койык* (УРС, с. 310) и *кыр скал* (УРС, с. 379) только последнее представляет собой исконное название, буквально означающее ‘дикая корова’ (*кыр* ‘дикий’, *скал* ‘корова’), *былан* заимствовано из татарского языка [14, 49], а *койык* – из чувашского [14, 63].

Олень. Для обозначения этого парнокопытного млекопитающего семейства оленьих существует коми слово *кӧр* ‘олень’. Оно употребляется по отношению как к диким, так и к домашним оленям, которые разводятся, содержатся и охраняются от хищников оленеводами, являющимися хозяевами животных. В случаях, когда следует указать, что речь идет не о домашних, а о диких оленях, используется составное название *вӧрса кӧр* ‘дикий олень’ (КРК, с. 122) (*вӧрса* ‘лесной, дикий’). Обе разновидности по телосложению, образу жизни и ряду иных признаков мало чем отличаются друг от друга.

Дикие олени, как и все другие представители природной фауны, существуют сами по себе, без какого-либо участия человека. По численности они значительно уступают представителям домашнего вида. По сравнению с лосем олень обладает меньшими размерами: длина туловища достигает 2 м, высота – 1,5 м, масса – 220 кг. Волосняной покров зимой густой и длинный, с плотным подшерстком, летом короткий и редкий, коричневатого или серовато-бурого цвета. Рога имеются не только у самцов, но и у самок. Продолжительность жизни не превышает 15 лет.

В справочных источниках отмечается, что дикие олени в Республике Коми встречаются в безлюдных местах почти повсюду, но в лесотундру и тундру они не заходят. Основными местами их обитания являются открытые пространства – болота и боры-белошники с редкими деревьями. Главной пищей животным служит ягель – белый мох. Олени поедают также различные травы и

листья деревьев. При недостатке растительной пищи выискивают и съедают мышевидных грызунов. Дикие олени считаются ценным промысловым видом, охотиться на них без лицензии не разрешается.

Слово *кõр* является общеупотребительным обозначением оленя. Оно распространено не только в литературном языке, но и во всех коми диалектах и на этом основании признается исконной лексической единицей. В качестве соответствия приводится коми-пермяцкое *кõр* 'олень' (КПРС, с. 192), а также некоторые названия с тем же значением из обско-угорских языков (КЭСЯ, с. 141).

Кабан. Раньше это дикое парнокопытное животное семейства свиней в лесах Коми края не встречалось и представителем местной промысловой фауны не считалось, так как основные места его обитания находились южнее. В связи с изменениями климата в конце 1970-х гг. кабаны начали постепенно осваивать соседние, более северные области. В летние периоды они стали появляться в южных и центральных районах республики и некоторых других отдаленных местах, но с наступлением холодов из-за низких температур и высокого снежного покрова были вынуждены возвращаться к своим прежним местам проживания, где имеются возможности добывать пищу не только в летнее, но и в зимнее время.

Кабан обладает довольно крупным телом длиной до 2 м, высотой до 1 м и массой почти 300 кг. Туловище покрыто бурой щетиной, морда, хвост, нижняя часть ног и копыта черного цвета.

Основной пищей кабанам служат травянистые растения. Поедаются не только их наземные части, но и корни, корневища, клубни и луковицы, а также грибы и ягоды. В качестве дополнительного корма используются почвенные и мелкие животные – черви, моллюски, личинки насекомых, грызуны, лягушки, ящерицы, птичьи яйца, птенцы и падаль.

В природных условиях кабаны доживают до 14 лет. Главными врагами, прежде всего для молодых особей и поросят, являются волки и рыси. Промысловая значимость лесной свиньи обусловлена ее ценным мясом, шкурой и щетиной. Охота на

кабана признается довольно опасным мероприятием: раненые звери могут напасть на человека и нанести ему большой вред своими мощными клыками и копытами.

Для номинации лесной свиньи в коми языке употребляются два названия: исконное *вõрпорсь* (КРК, с. 122), состоящее из двух компонентов (*вõр* 'лес, лесной; дикий' + *порсь* 'свинья'), и заимствованное из русского языка *кабан* (КРК, с. 254). Аналогичные по структуре и смысловому содержанию коми-зырянскому названию обозначения имеются в удмуртском языке: *кырпарсь* 'кабан' (УРС, с. 378) (*кыр* 'дикий' + *парсь* 'свинья') и *лудпарсь* 'кабан' (УРС, с. 402) (*луд* 'дикий' + *парсь* 'свинья'). Эти удмуртские названия, как и коми-зырянское *вõрпорсь*, являются поздними образованиями, возникшими в каждом из языков самостоятельно. В словаре коми-пермяков исконное слово для кабана отсутствует, вместо него используется заимствованное *кабан* (КПРС, с. 161).

2. Номинация промысловых зверей среднего размера. Данная группа лексики охотничьего промысла коми языка состоит из 14 названий. Как и в предыдущем разделе, классификация фактического материала производится с разграничением двух категорий обозначаемых объектов: хищные звери и растительноядные животные.

2.1. Хищные звери среднего размера и их обозначения. На территории Республики Коми к данной подгруппе относятся лиса, песец, выдра.

Лиса. Этот пушной зверь, принадлежащий к семейству собачьих, распространен в крае довольно широко, обитает не только в таежной зоне, но и в лесотундре, часто встречается в лиственных и смешанных насаждениях, перемежающихся с полями и лугами, в долинах рек. Длина тела – от 60 до 90 см, высота – 35 см, пушистый хвост достигает в длину 60 см. В окраске волосяного покрова преобладает ярко-рыжий цвет. Для обозначения животного используется коми слово *руч*. Из-за своей окраски лиса получила второе название – *гõрд руч*, буквально означающее 'рыжая лиса' (*гõрд* 'красный, рыжий'). Хищник ведет сумеречный образ жизни. На охоту выходит ранним утром перед восходом солнца, вто-

рой раз – поздно вечером до наступления темноты. Питается в основном мышевидными грызунами, хватая сидящих на гнездах птиц. Зимой, когда мелкие грызуны находятся под толстым слоем снега, нападает на зайцев.

Для устройства гнезда и продолжения рода лиса выкапывает подземную нору с двумя входами-выходами, чтобы спастись в случае опасности. Место для норы выбирает в глухом лесу под корнями деревьев или на склоне оврага. Размножается один раз в год. Специалистами в области животного мира установлено, что продолжительность жизни лисиц в естественных условиях не превышает 6 лет. Смертельную опасность для них представляют волки, росомахи, рыси и крупные хищные птицы.

Мех лисицы имеет большую ценность. Кроме того, она приносит пользу природе, ежегодно уничтожая большое количество вредных мышевидных грызунов.

На обыкновенную лису очень похожа по размерам, образу жизни, повадкам, способу добычи пищи черно-бурая лисица, которая обладает не рыжим, а черным мехом. Данную особенность отражает ее коми название *сьôд руч* ‘черно-бурая лисица’ (КРК, с. 571), буквально означающее ‘черная лиса’ (*сьôд* ‘черный’). Черно-бурые лисицы в Коми крае не обитают и к местной фауне не принадлежат, несмотря на то что в прошлом веке попытки их акклиматизации предпринимались. В этих целях в 1930–1940 гг. несколько пар животных были привезены и выпущены в двух районах республики.

Слово *руч* ‘лиса’ унаследовано из финно-угорского праязыка, имеет генетические соответствия в коми-пермяцком (*руч* ‘лиса’), удмуртском (*žичы* ‘лиса’), а также в финском, эстонском, саамском, эрзя-мордовском, марийском и венгерском языках. Это древнее название лисы выводится из индоевропейского источника (КЭСЯ, с. 242; Rédei, 1988, с. 424).

Песец. Большую часть жизни этот представитель полярной фауны из семейства собачьих проводит в тундре. В лесотундру и лесную зону заходит в поисках пищи лишь в зимнее время. Имеет удлиненное туловище, короткие ноги, пушистый хвост, при стоячем положении касающийся зем-

ли. Длина тела – 50–75 см, масса – до 5 кг. Зимняя шерсть чисто-белая. Передвигается песец с небольшой скоростью, поэтому при преследовании собаки его догоняют. Для наблюдения за своей территорией обычно выбирает возвышенные места. Зная это, на такие холмы и бугры охотники ставят капканы и ловушки.

Хищник питается мелкими грызунами, главным образом тундровыми леммингами. Летом крупной добычей для него служат прилетающие в большом количестве с юга в тундру гуси, во время линьки утрачивающие способность летать. Нападает и на белых куропаток. Поедает также ягоды, различные злаковые травы и другие виды растений. Подобно лисице, гнездо устраивает под землей. В естественных условиях доживает до 10 лет. Добывается этот пушной зверь в основном из-за ценного меха.

Для обозначения песца в коми языке используются два названия: *кынь* (КРК, с. 334) и диал. *сеч* (КРК, с. 584). Слово *кынь* употребляется в литературном языке и в большинстве северных диалектов. К исконному словарному фонду оно не относится, считается заимствованием из хантыйского языка (КЭСЯ, с. 153). Коми-пермяцкое соответствие к активному словарному запасу не принадлежит, в лексикографических изданиях оно квалифицируется как устаревшее слово: *кынь* уст. ‘песец’ (КПРС, с. 212). Обозначение песца *сеч* зафиксировано лишь в одном говоре печорского диалекта коми-зырянского языка. Оно имеет русское происхождение.

Выдра. На территории Республики Коми этот представитель семейства куньих встречается почти повсюду, вплоть до зоны тундры. Длина тела животного достигает 90 см, масса – 10 кг. Ноги короткие, пальцы снабжены плавательными перепонками. Глаза большие, мех гладкий, блестящий, темно-бурого цвета. Выдра ведет полуводный образ жизни. Основные места ее обитания – лесные реки с быстрым течением, с омутами и заводями, с прозрачной водой. Зимнее время хищник проводит в водоемах с незамерзающими участками. По суше передвигается шагом или рысью, от преследователей уходит прыжками. Отлично плавает и ныряет. Питается рыбой, лягушками,

моллюсками и раками. Нападает на уток и куликов. Мелкую добычу съедает в воде, крупную выносит на берег. Нору с гнездом устраивает на крутом берегу водоема.

Выдра как пушной зверь оценивается очень высоко. Охотиться на нее можно осенью и зимой только по специальным разрешениям.

Для обозначения выдры в коми языке употребляются два названия: *вурд* (КРК, с. 128) и *чув* (КРК, с. 714). Слово *вурд* унаследовано из общепермского праязыка, генетические соответствия имеются в коми-пермяцком (*вурд* ‘выдра’) и удмуртском (*вудор* ‘выдра’) языках. Это древнее слово не относится к исконному словарному фонду коми языка, оно сопоставляется с осетинскими, авестийскими и санскритскими примерами и считается заимствованием из древнеиранских языков (КЭСЯ, с. 70). Второе название *чув* представляет собой позднее образование, видимо, появившееся в коми языке самостоятельно, поэтому генетические соответствия со значением ‘выдра’ в двух других пермских языках отсутствуют.

2.2. Обозначения растительноядных промысловых животных среднего размера. Данная подгруппа состоит из шести лексических единиц, используемых для номинации трех представителей лесной фауны: зайца, бобра и ондатры.

Заяц. На территории Республики Коми обитают два вида семейства зайцевых – заяц-беляк и заяц-русак. Первый вид распространен повсюду, как в тайге, так и в зоне тундры. Второй встречается только в ее центральной части, в основном в лиственных лесах и местах, представляющих собой открытые пространства, – на полях, лугах, опушках. Два вида различаются цветом меха. Если беляк к зиме летнюю бурую окраску волосяного покрова меняет на чисто-белую, то русак круглый год остается серым. Эту особенность отражают коми названия *еджыд кӧч* ‘заяц-беляк’ (*еджыд* ‘белый’, *кӧч* ‘заяц’) и *руд кӧч* ‘заяц-русак’ (*руд* ‘серый, бурый’). По другим признакам беляк и русак почти не отличаются.

Длина тела у таежного зайца составляет около 50 см, хвоста – 10 см, масса – 4–5 кг. Голова довольно большая, уши длинные.

Глаза находятся по бокам головы, далеко друг от друга, благодаря чему заяц хорошо видит по сторонам и сзади, в том числе врага-преследователя, без необходимости оборачиваться. Задние ноги длиннее передних. Передвигается короткими прыжками в спокойной обстановке и длинными при опасности со скоростью до 40 км в час. Предпочитает зарастающие гари, лесосеки, болота с редкими деревьями, ивняковые заросли в поймах рек. Летом питается травянистыми растениями, побегами кустарников, ягодами (земляникой и черникой), грибами. Зимой кормится ветками ивы и березы, корой осины. Ведет сумеречный образ жизни, днем прячется под кустами, в густой траве. Лежку каждый раз делает на новом месте, зимой выкапывая для этого в снегу небольшую ямку. Заяц-беляк предпочитает жить в одиночку. Зайцы размножаются два раза в год. В дикой природе продолжительность их жизни может достигать до 10 лет, но в большинстве случаев она не превышает 5 лет.

Заяц является важным объектом спортивной охоты и пушного промысла. Добывается он не только ради диетического мяса, но и из-за ценных шкурок, которые идут на изготовление шапок и шуб. Охотятся на зайца в одиночку или несколькими участниками, выслеживая его по следам или с помощью гончих собак.

Общевидовое слово *кӧч* ‘заяц’ унаследовано из прапермского языка-основы, соответствия имеются в двух других близкородственных языках: коми-пермяцком – *кӧч* ‘заяц’ (КПРС, с. 195) и удмуртском – *кеч* ‘заяц’ (УРС, с. 297). К исконному словарному фонду эти названия не относятся, а являются древнебулгарскими заимствованиями (КЭСЯ, с. 143).

Бобр. Этот представитель семейства бобровых является самым крупным полуводным животным в отряде грызунов. Масса приземистого тела достигает 30 кг, длина – 86 см. Окраска волосяного покрова светло-бурая. Пятипалые передние ноги короче задних, которые снабжены плавательной перепонкой. Округлая голова небольшая, глаза и уши маленькие. Шея толстая. Огромные дугообразно изогнутые резцы закрыты от ротовой полости особыми выростами губы. В анальной области

находятся парные железы с сильно пахнущим секретом – бобровой струей. Особенностью бобра является хвост: длиной до 35 см, около туловища круглый с густыми волосами, в остальной части плоский в виде лопатки и без волос, покрыт чешуей. Хвостом бобр пользуется в качестве весла при передвижении в воде, а на суше опирается на него, стоя на задних лапах, когда грызет дерево, чтобы свалить его.

Бобры хорошо плавают и ныряют. Активны ночью и в сумерках. Живут поодиночке и семьями, состоящими из 5–8 особей. Селиться стараются по берегам медленно текущих рек, стариц, ручьев и озер, где имеется древесно-кустарниковая растительность, произрастают прибрежные и водные растения. На зиму делают запасы древесины и корневищ водных растений, которые размещают под водой рядом с жилищем. В зимнее время бобры на поверхность земли не выходят, вся их жизнь проходит внутри норы и подо льдом водоема.

Живут бобры в норах или хатках. Вход в нору всегда располагается под водой, от него вверх идет коридор, который заканчивается жилой камерой. Иногда нора устраивается под комлем крупного дерева. При непостоянном уровне воды в водоеме, чтобы вход в жилище не оказался на виду, ниже по течению из земли, ила, ветвей и стволов деревьев бобры строят плотину до 30 м длиной, до 6 м шириной и до 2 м высотой.

В природе бобры доживают до 17 лет. Они добываются охотниками ради красивого и прочного меха. Помимо ценной пушнины животные дают бобровую струю, которая обладает приятным запахом и используется в медицине как возбуждающее и укрепляющее средство, а в парфюмерии как ароматический продукт. Мясо зверя съедобно.

Основные места обитания бобров в Республике Коми в настоящее время расположены в бассейнах почти всех крупных рек – Вычегды, Сысолы, Печоры и Лузы. Коми название бобра *мой* (КРК, с. 252) имеет древнее происхождение, оно сопоставимо с коми-пермяцким, удмуртским, финским, эстонским, саамским, эрзя-мордовским примерами.

Ондатра. Данный вид семейства хомякообразных не является коренным представителем промысловой фауны России. Его родина находится в Северной Америке. В Европу ондатру завезли в 1905 г. Через 23 года она была доставлена в Советский Союз. В Коми край грызуна с ценным мехом впервые завезли из Соловецких озер и выпустили на верхней Вычегде в 1931 г. После этого в различные годы прошлого столетия на территории Республики Коми было произведено 18 выпусков. В настоящее время ондатры обитают в большинстве районов республики.

По образу жизни, повадкам и внешним признакам ондатра похожа, с одной стороны, на бобра, а с другой – на обыкновенную крысу. Тело в длину достигает 26 см, длина хвоста почти такая же, средняя масса – 1,5 кг. Голова небольшая, глаза маленькие. Резцы, как и у бобра, находятся за пределами ротовой полости, сзади прикрыты губой. Конечности короткие, задние ноги снабжены плавательной перепонкой. Тело покрыто густой плотной водонепроницаемой шерстью. Окраска спины и конечностей от темно-коричневой до черной. Хвост, как бы сжатый в боках, служит опорой при ходьбе на суше и плавательным рулем в воде.

Большую часть жизни ондатра проводит в воде, она хорошо плавает и ныряет, обладает способностью находиться под водой на протяжении 17 мин. Места для своего обитания выбирает на берегах рек, озер, стариц, каналов, а также на сырых болотах с богатой окружающей растительностью, как с подводной, так и с прибрежной. Предпочитает мелководные, не промерзающие до дна водоемы. Весной ондатры кормятся молодыми стеблями и листьями растений, летом и осенью едят прикорневые части и корневища, зимой – только корневища. Моллюски, лягушки и рыба в их рационе занимают незначительное место. Для прожизивания ондатры готовят у водоемов такие же, как у бобров, норы и хатки. В отличие от бобров они не строят плотин. Максимальная продолжительность жизни в естественных условиях довольно короткая и не превышает 3 лет.

Основным врагом грызуна является норка, которая без особого труда может про-

никнуть через подводный вход в его жилище и расправиться с ним. На суше ондатры становятся легкой добычей для медведей, кабанов и волков. С воздуха на них нападают орлы, ястребы, луны и другие хищные пернатые, в воде – выдры и крупные щуки.

Ондатра считается важнейшим промысловым объектом. Ее мех используется для изготовления красивых воротников, шапок и шуб. Она обладает нежным и мягким мясом, которое по вкусу напоминает зайчатины, а ее жир имеет целебные свойства.

Добывают ондатру различными способами, в этих целях помимо ружейной охоты используются капканы и специальные оцинкованные сетки.

В коми языке отсутствует исконное обозначение ондатры. Называющие ее два слова имеют иноязычное происхождение. Одно из них заимствовано из русского литературного языка: *ондатра* ‘ондатра’ (КРК, с. 458). Второе, проникшее из русских народных говоров, употребляется в диалектной речи: *андрат* диал. ‘ондатра’ (КРК, с. 28).

Диахроническая классификация обозначений крупных и средних промысловых животных в коми языке

С точки зрения происхождения в составе анализируемой микросистемы можно выделить две части: исконную и заимствованную. Исконная часть представляет собой многоуровневую систему. В соответствии с хронологией происхождения в ней различаются допермские, прапермские, пракоми и собственно коми-зырянские образования.

Особенностью допермского фонда обозначений является то, что в нем отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до 4-го тыс. до н. э. [4, 409]. Остальные два компонента древней лексики (прафинно-угорские и прафинно-пермские) имеются.

К названиям прафинно-угорского периода – начало 4-го – конец 3-го тыс. до н. э. [4, 424] – относится обозначение лисы *руч* (КРК, с. 571), кп. *руч* ‘лиса’ (КПРС, с. 411), удм. *жичы* ‘лиса’ (УРС, с. 242) < общеп. **rǝč* ‘лиса’ (КЭСЯ, с. 246). Кроме близкородственных генетические соответствия имеются также в финском, эстонском, са-

амском, эрзя-мордовском, марийском и венгерском языках; < ф.-у. **repä* (~ -с’з) ‘лиса’. Данное слово, употребляющееся в большинстве современных финно-угорских языков, считается древним заимствованием и выводится из индоевропейского источника (Rédei, 1988, с. 424).

Существование финно-пермского праязыка приурочивается к периоду с конца 3-го до середины 2-го тыс. до н. э. [4, 433]. Из числа древних обозначений к данной группе, как и к предыдущей, принадлежит одно коми-зырянское слово: *мой* ‘бобр’ (КРК, с. 397), кп. *мой* ‘бобр’ (КПРС, с. 252), удм. *мый* ‘бобр’ (УРС, с. 448) < общеп. **moj* ‘бобр’ (КЭСЯ, с. 173). Пермские слова сопоставляются с соответствующими примерами в финском, эстонском, саамском, эрзя-мордовском языках; < ф.-п. **maja* ‘бобр’ (Rédei, 1988, с. 697).

Приводимые ниже названия унаследованы из прапермского языка, возникшего в результате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со 2-го тыс. до н. э. до VIII в. н. э. [15, 49]. Обозначения этой хронологической группы употребляются только в современных пермских языках и соответствий в других родственных языках не имеют. Для примеров данной хронологической группы реконструируются общепермские праформы, но они, за исключением слова *ош*, считаются не исконными:

ош ‘медведь’ (КРК, с. 462), кп. *ош* ‘медведь’ (КПРС, с. 301) < общеп. **ošk-* ‘медведь’ (КЭСЯ, с. 209). В удмуртском языке соответствие отсутствует;

кӧч ‘заяц’ (КРК, с. 308), кп. *кӧч* ‘заяц’ (КПРС, с. 195), удм. *кеч* ‘заяц’ (УРС, с. 290) < общеп. **kčč* ‘заяц’ (КЭСЯ, с. 143);

вурд ‘выдра’ (КРК, с. 128), кп. *вурд* ‘выдра’ (КПРС, с. 89), удм. *вудор* ‘выдра’ (УРС, с. 142) < общеп. **vurd-* ‘выдра’ (КЭСЯ, с. 70);

кӧин ‘волк’ (КРК, с. 302), кп. *кӧин* ‘волк’ (КПРС, с. 192), удм. *кион* ‘волк’ (УРС, с. 302) < общеп. **köin*, **kion* ‘волк’ (КЭСЯ, с. 139).

Группа древних названий, состоящая из лексических единиц пракоми происхождения, характеризуется тем, что ее

формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения общих предков коми с удмуртами, т. е. в период с IX по XI в. н. э. [3, 25]. Поэтому данный разряд номинативных единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках:

вөркань ‘рысь’ (КРК, с. 122), кп. *вөр кань* ‘рысь’ (КПРС, с. 83);

гөрд руч ‘рыжая лисица’ (КРК, с. 571), кп. *гөрд руч* ‘красная лиса’ (КПРС, с. 411);

йөра ‘лось’ (КРК, с. 252), кп. *йөра* ‘лось’ (КПРС, с. 159);

көр ‘олень’ (КРК, с. 304), кп. *көр* ‘олень’ (КПРС, с. 192);

латиөг ‘росомаха’ (КРК, с. 346), кп. *лачег* ‘росомаха’ (КПРС, с. 219);

лола ‘лось’ (КРК, с. 356), кп. *лола* ‘лось’ (КПРС, с. 222).

Самым многочисленным компонентом в диахронической иерархии анализируемой лексики охотничьего промысла являются обозначения, возникшие после отделения предков коми-зырян от коми-пермяков. Он состоит из 19 названий. Эти номинативные единицы употребляются только в речи носителей современного коми-зырянского языка. В составе собственно коми-зырянской лексики структурно различаются однословные обозначения, композиты и составные названия.

К однословному структурному типу относятся четыре названия. Два из них являются бессуффиксальными образованиями, состоящими лишь из одной корневой морфемы: *сан* ‘росомаха’ (КРК, с. 577), *чув* ‘выдра’ (КРК, с. 714). *Сана* ‘росомаха’ – фонетический вариант слова *сан* ‘росомаха’. Четвертый пример *санка* ‘росомаха’ (КРК, с. 577) представляет собой производное слово, имеющее в своем составе отыменный словообразовательный суффикс *-ка* [13, 145].

К числу композит принадлежит обозначение *вөрпорсь* ‘кабан’ (КРК, с. 122), состоящее из двух компонентов (*вөр* ‘лес, лесной; дикий’ + *порсь* ‘свинья’), которое в лексикографических изданиях и письменных текстах всегда передается через слитную орфографию.

Составные названия представляют собой двух- и трехчленные словосочетания.

К первому структурному типу относятся 12 примеров, образованных по двум структурным моделям:

«существительное + существительное» (2 примера): *кодзувкот ош* ‘медведь-муравьед’ (ПНК, с. 128) (*кодзувкот* ‘муравей’, *ош* ‘медведь’), *турун ош* ‘растительный медведь’ (ПНК, с. 128) (*турун* ‘трава’, *ош* ‘медведь’);

«прилагательное + существительное» (10 примеров): *вөрска көр* ‘дикий северный олень’ (КРК, с. 122) (*вөрска* ‘лесной, дикий’, *көр* ‘олень’), *еджыд көч* ‘заяц-беляк’ (ПНК, с. 60) (*еджыд* ‘белый’, *көч* ‘заяц’), *руд көин* ‘серый волк’ (КРК, с. 570) (*руд* ‘серый’, *көин* ‘волк’), *сьөдовгөрд ош* ‘бурый медведь’ (КРК, с. 421) (*сьөдовгөрд* ‘бурый’, *ош* ‘медведь’), *сьөд руч* ‘черно-бурая лисица’ (КРК, с. 571) (*сьөд* ‘черный’, *руч* ‘лиса’), *тундраса көин* ‘тундровый волк’ (ПНК, с. 85) (*тундраса* ‘тундровый’, *көин* ‘волк’) и т. д.

Составными названиями из трех слов являются два примера, образованных по одной и той же структурной модели: «существительное + послелог + существительное»: *вир выв ош* ‘плотоядный медведь’ (КРК, с. 462) (*вир* ‘кровь’, *выв* ‘на’, *ош* ‘медведь’ (букв.: ‘медведь на кровь; медведь, питающийся кровью’), *йй выв ош* ‘плотоядный медведь’ (ПНК, с. 128) (*йй* ‘мясо’, *выв* ‘на’, *ош* ‘медведь’, букв.: ‘медведь на мясе; медведь, питающийся мясом’).

Определенную роль в развитии и пополнении лексики охотничьего промысла коми языка сыграл иноязычный компонент. Данная группа обозначений в анализируемой микросистеме состоит из 12 названий. Четыре примера из этого количества составляют тип ранних или древних заимствований, проникших из трех внешних источников и сохранившихся не только в коми языке, но также в коми-пермяцком и удмуртском:

руч ‘лиса’ (КРК, с. 571) < общеп. **r8č* ‘лиса’ (КЭСЯ, с. 246) < ф.-у. **repā* (~ -с’з) ‘лиса’ (Rédei, 1988, с. 423) < индоевроп., ср. санскр. *lopās-ā-* ‘лиса, шакал’, авест. *urupi* ‘вид собаки’, пехл. *rābāh* ‘шакал’ (Rédei, 1988, с. 424);

көин ‘волк’ (КРК, с. 302) < общеп. **kōin*, **kion* ‘волк’ (КЭСЯ, с. 139) < индоевроп.,

ср. греч. *hyaína* ‘гиена’, лат. *hyaena* ‘гиена’ (КЭСЯ, с. 139);

вурд ‘выдра’ (КРК, с. 128) < общеп. **vurd-* ‘выдра’ < ир., ср. осет. *уырд* ‘выдра’, авест. *udra-* ‘выдра’, санскр. *udrá-s* ‘выдра’ (КЭСЯ, с. 70);

коч ‘заяц’ (КРК, с. 308) < общеп. **кзс’* ‘заяц’ < древнебулг., ср. чув. *кач* (мулкач) ‘заяц’ (КЭСЯ, с. 143).

Остальные два типа не исконных названий являются поздними заимствованиями. К первому типу относятся слова, проникшие из русского языка и русских народных говоров:

андрат диал. ‘ондатра’ (КРК, с. 28) < рус., ср. *ондарт* ‘животное отряда грызунов; ондатра’ (СРНГ, 1987, с. 214);

кабан ‘кабан’ (КРК, с. 254) < рус., ср. *кабан* ‘парнокопытное млекопитающее сем. свиней; дикая свинья’ (СРЯ, 1982, с. 10);

лониак ‘годовалый медведь’ (КРК, с. 358) < рус., ср. *лониак* ‘небольшой медведь’ (СРНГ, 1981, с. 129);

лось диал. ‘лось’ (КРК, с. 362) < рус., ср. *лось* ‘крупное жвачное млекопитающее сем. оленей, с широкими лопатообразными рогами у самцов’ (СРЯ, 1982, с. 201) [16, 78];

ондатра ‘ондатра’ (КРК, с. 458) < рус., ср. *ондатра* ‘грызун с ценным мехом бурого цвета, ведущий полуводный образ жизни’ (СРЯ, 1982, с. 618);

рысь ‘рысь’ (КРК, с. 537) < рус., ср. *рысь* ‘хищное животное сем. кошачьих, с густым, пушистым мехом рыжевато-бурого цвета’ (СРЯ, 1983, с. 746);

сеч диал. ‘песец’ [3, 584] < рус., ср. *псец* ‘песец’ (СРНГ, 1999, с. 98).

Второй тип заимствований представлен одним примером обско-угорского происхождения: *кынь* ‘песец’ (КРК, с. 334) < хант., ср. *kân*’ (КЭСЯ, с. 153).

Заключение

Таким образом, в работе рассмотрена часть основного словарного фонда коми языка, используемая для номинации крупных промысловых зверей, а также животных среднего размера. Эти две группы местной промысловой фауны, состоящие из 13 диких животных, обозначаются 39 названиями. Исследование показало, что из данного количества номинативных еди-

ниц 27, т. е. большинство, имеют исконное происхождение. Самые ранние исконные слова восходят к прафинно-угорской эпохе. Дальнейшее пополнение этой группы обозначений происходило на последующих стадиях развития коми языка – в прафинно-пермский, прапермский и пракоми периоды. Самый поздний слой составляют 19 лексических единиц, возникших в период самостоятельного развития коми-зырянского языка, после его отделения от коми-пермяцкого.

В составе не исконной лексики также различаются древние и поздние заимствования. Первая группа слов, проникших из трех источников (индоевропейского, древнеиранского и древнебулгарского) в прапермскую или, возможно, более раннюю эпоху, представлена единичными примерами, являющимися названиями лисы, волка, выдры и зайца, которые употребляются не только в современных пермских, но и в некоторых других финно-угорских языках. В составе второй группы не исконной лексики в результате проведенного исследования выявлены два типа заимствований – названия русского (6 слов) и хантыйского (1 слово) происхождения.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что технология разработки данной темы, созданная автором статьи, может быть использована на материале других родственных и неродственных языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>авест.</i> –	авестийский язык
<i>греч.</i> –	греческий язык
<i>диал.</i> –	диалектное слово
<i>древнебулг.</i> –	древнебулгарский язык
<i>индоевроп.</i> –	индоевропейские языки
<i>ир.</i> –	иранские языки
<i>кп.</i> –	коми-пермяцкий язык
<i>лат.</i> –	латинский язык
<i>общеп.</i> –	общепермский язык-основа
<i>осет.</i> –	осетинский язык
<i>пехл.</i> –	пехлевийский язык
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>санскр.</i> –	санскритский язык
<i>удм.</i> –	удмуртский язык
<i>уст.</i> –	устаревшее слово
<i>ф.-п.</i> –	финно-пермский праязык
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский праязык

- хант. – хантыйский язык
 чув. – чувашский язык
 ЖМК – Остроумов Н. А. Животный мир Коми АССР: Позвоночные. Сыктывкар, 1972.
 КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
 КРК – Коми-роч кывчукр. Сыктывкар, 2000.
 КЭСКО – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
 ПНК – Пемöс нимъяслöн кывкуд / сост. А. Н. Ракин. Сыктывкар, 2002.
 РКС – Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003.
 РКЭ – Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, 1997. Т. 1; 1999. Т. 2; 2000. Т. 3.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17; 1987. Вып. 23; СПб., 1999. Вып. 33.
 СРЯ – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1982. Т. 2; 1983. Т. 3.
 УРС – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.
 ЭСУЯ – Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988.
 Rédei, 1988 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988. Bd. 1–2.
 Uotila, 1938 – Uotila T. E. Syrjänsche Chrestomatie mit grammatischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.
 Wichmann, 1923–1924 – Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen // FUF XVI. Helsinki, 1923–1924. S. 185–212.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 393 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 45).
- Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промыслового населения таежной зоны европейского Северо-Востока. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / редкол.: В. И. Лыткин [и др.]. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Пекшеева Э. И. Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке // Финно-угроведение. 2019. № 60. С. 18–23.
- Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Севернорусские говоры. СПб., 2018. Вып. 17. С. 107–122.
- Ракин А. Н. Лексика лугового ландшафта в коми языке // Севернорусские говоры. СПб., 2020. Вып. 19. С. 357–373.
- Ракин А. Н. Лексика лугового ландшафта в удмуртском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2020. № 1. С. 84–90.
- Ракин А. Н. Обозначения лесного ландшафта в коми языке // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56, № 1. С. 45–52.
- Ракин А. Н. Обозначения рыболовных средств в удмуртском языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. тр. Сыктывкар, 2017. С. 243–250.
- Ракин А. Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения. 2021. № 2. С. 319–327. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
- Ракин А. Н. Формирование коми метеорологической лексики // Родные языки в условиях двуязычия: сб. материалов V Междуна. науч.-практ. конф., 25–26 окт. 2018 г. Сыктывкар, 2019. С. 315–321.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: (Теория и слов.). Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 1993. 171 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. Б. А. Серебренникова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänschen. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1910. 187 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29).

Поступила 23.12.2021; одобрена 23.01.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Ракин – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>

Nomination of a hunting object in the Komi language

Anatoly N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The paper deals with two components of the hunting vocabulary, namely large wild animals, and medium-sized forest dwellers. Each component sub-defines the nominative units related to predators and herbivores are distinguished and separately considered in the paper. In the first part of the study, the composition is determined and a brief description of the relevant representatives of the local commercial fauna in the Komi Territory is given. The second part presents a diachronic hierarchy of the analyzed primordial vocabulary, compiled on the basis of the classification of proto-linguistic reconstructions.

Materials and Methods. The analyzed material refers mainly to the Komi literary language. The paper considers the names of both native and foreign-language origin. The main methods used by the author in developing the research topic are descriptive, comparative-historical, synchronous-comparative and statistical.

Results and Discussion. For the first time the article presents a linguistic analysis using the biological classification of two lexical subgroups belonging to one of the microsystems of the hunting vocabulary in the Komi language. It was established that the object of the study has ancient origins and the designations of primordial origin make its basis. In the composition of this variety of hunting vocabulary it presents Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permian, Proto-Permian and Proto-Komi vocabulary. A group of late formations having no genetic correspondences in other related languages appeared in the period of independent existence of the Komi-Zyryan language, after its separation from the Komi-Permian language. The foreign language component belongs to early and late borrowings. The technology of developing this topic, created by the author of the paper, can be used in the material of other related and unrelated languages.

Conclusion. The formation and development of the Komi language vocabulary related to large commercially hunted animals and medium-sized wild animals has been going on for many millennia, since the Proto-Finno-Ugric epoch. Most of the names of the analyzed microsystem belong to the primordial vocabulary fund of the Komi language. A foreign-language component consisting of borrowings from 5 external sources took part in its replenishment.

Keywords: the Komi language, vocabulary, designations of the hunting object, primordial vocabulary fund, borrowings

For citation: Rakin AN. Nomination of a hunting object in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:171–185. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.

REFERENCES

1. Belitser VN. Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX – early XX centuries. Moscow; 1958;45. (In Russ.)
2. Konakov ND. Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century: Culture of the fishing population of the taiga zone of the European North-East. Moscow; 1983. (In Russ.)
3. Lytkin VI. Historical grammar of the Komi language. Syktyvkar; 1957. (In Russ.)
4. Lytkin VI. at al., eds. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages). Moscow; 1974. (In Russ.)
5. Peksheeva EI. Historical-genetic analysis of hunting traps naming in the Mari language. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies. 2019;60:18–23. (In Russ.)
6. Rakin AN. Hydrolandscape vocabulary of the Komi language. *Severnorusskie govory* = Northern Russian dialects. Saint-Petersburg; 2018;17:107–122. (In Russ.)
7. Rakin AN. Vocabulary of meadow landscape in the Komi language. *Severnorusskie govory* = Northern Russian dialects. Saint-Petersburg; 2020;19:357–373. (In Russ.)
8. Rakin AN. Vocabulary of the meadow landscape in the Udmurt language. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2020;1:84–90. (In Russ.)
9. Rakin AN. Komi vocabulary for forest landscapes. *Linguistica Uralica*. 2020;56;1:45–52. (In Russ.)
10. Rakin AN. Designations of fishing equipment in the Udmurt language. *Permisti-*

- ka-16: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: sb. nauch. tr.* = Permistika-16: Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages. Collection of scientific papers. Syktyvkar; 2017:243–250. (In Russ.)
11. Rakin AN. Designations of the subject of hunting in the Komi language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2021;2:319–327. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
 12. Rakin AN. Formation of Komi meteorological vocabulary. *Rodnye iazyki v usloviakh dvuiazychiia: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 25–26 okt. 2018 g.* = Native languages in the context of bilingualism. Collection of materials of the V International scientific and practical conference, October 25–26, 2018. Syktyvkar; 2019:315–321. (In Russ.)
 13. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
 14. Tarakanov IV. Udmurt-Turkic language relationships: (Theory and dictionary). Izhevsk; 1993. (In Russ.)
 15. Khaidu P. Uralic languages and peoples. Moscow; 1985. (In Russ.)
 16. Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors; 1910;29.

Submitted 23.12.2021; reviewing 23.01.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Rakin – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>

Выражение кондициональности в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка (семантические и структурные особенности)

Надежда Николаевна Тимерханова

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия*

Введение. В удмуртском языке сложноподчиненные предложения с придаточными условия являются довольно продуктивными. Средством связи в таких конструкциях служат союзы и союзные сочетания, в некоторых случаях корреляты. Одни и те же союзы помогают передавать различную семантику. Целью данного исследования стало выявление условных, условно-временных, условно-причинных смысловых отношений, выражаемых при помощи союзов, союзных сочетаний и других ресурсов языка, а также структурных особенностей таких конструкций на материале удмуртского языка.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили произведения удмуртской художественной литературы. Автором использовался комплекс исследовательских методов: описательный, частичной и сплошной выборки, контекстуального анализа, трансформации. Применение указанных методов позволило рассмотреть на конкретном языковом материале специфику изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье рассмотрены широко представленные в системе удмуртского языка сложноподчиненные предложения с условными, условно-временными и условно-причинными придаточными. Установлено, что предложения повторяющегося реального условия и следствия часто совмещают свойства условных и временных предложений; конструкции с единичным условием или следствием в форме настоящего времени – условных и причинных предложений, в форме будущего времени – условно-временных и условных; предложения в форме прошедшего времени имеют лишь семантику времени или причины, значение условия в них стирается. Тип конкретных смысловых взаимоотношений на уровне глубинной структуры предложения могут определять союз, маркер повторяемости, а также форма многократного вида глагола.

Заключение. В удмуртском языке условно-временное значение, как правило, выражается в сложноподчиненных предложениях повторяющегося реального условия при помощи союзов *ке*, *куке* ‘если (когда)’; условно-причинное – в предложениях единичного реального условия с союзами *бере*, *дыръя* ‘если (раз)’, в которых говорится о связи между двумя неповторяющимися явлениями. Семантика сложноподчиненных предложений может зависеть не только от используемого союза, но и от вида и времени глагола-сказуемого, семы однократности или повторяемости, дополнительных лексических маркеров однократности и многократности. Точное определение значения и контаминаций возможно лишь на уровне глубинной структуры предложения.

Ключевые слова: удмуртский язык, сложноподчиненное предложение, кондициональность, темпоральность, каузальность, синкретичная семантика, структура предложения

Для цитирования: Тимерханова Н. Н. Выражение кондициональности в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка (семантические и структурные особенности) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 186–195. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.186-195.

Введение

Современная лингвистика проявляет интерес к семантической стороне языковых фактов и структурному оформлению семантических отношений. Сложность разграничения разных смысловых отношений в удмуртском языке связана в первую очередь с тем, что одни и те же формальные показатели (союзы) могут

употребляться для выражения нескольких значений, одна и та же семантика способна репрезентироваться разными средствами. Так, временной союз *куке* ‘когда’ может использоваться и в СПП с чистой временной семантикой, и в СПП с условно-временными и условно-причинными придаточными, союз *ке* ‘если’ – и в СПП

с условными придаточными, и в СПП с условно-временными и условно-причинными придаточными, причем определить точную семантику возможно только на уровне глубинной структуры предложения. Целью данного исследования стало выявление условных, условно-временных, условно-причинных смысловых отношений, выражаемых при помощи союзов, союзных сочетаний и других ресурсов языка, а также структурных особенностей таких конструкций на материале удмуртского языка. Для достижения поставленной цели была изучена семантика кондициональности, темпоральности и каузативности в СПП удмуртского языка; определены модели предложений с рассматриваемой семантикой; проанализированы структурные и семантические особенности конструкций с эксплицитным и имплицитным выражением кондициональности и синкретичной семантики.

Для установления синтаксических особенностей – специфики семантики и структуры – подобных конструкций требуется описать их синтаксическую структуру, рассмотреть семантическую специфику каждого типа сложноподчиненного предложения и отличия разных типов на уровне глубинной структуры предложения.

В удмуртском языке можно выделить СПП с чисто условной и синкретичной семантикой. Они широко используются и в устной, и в письменной речи, так как занимают значительное место в отражении структуризации мира. Некоторые виды таких конструкций рассмотрены нами в диссертационном исследовании¹.

Условие как универсальный концепт в сознании человека имеет вербальную репрезентацию при помощи определенного набора языковых средств – для каждого языка характерен свой инвентарь маркеров, выражающих условную семантику, но часть из них является универсальной. Условная семантика может передаваться эксплицитно, при помощи союзов, союзных сочетаний, предлогов/послелогов,

наречий, а также имплицитно, без специальных маркеров, посредством конструкций, выражающих условные отношения на уровне глубинной структуры высказывания. В этом отношении удмуртский язык не составляет исключения: условная семантика высказывания так же может передаваться в нем различными способами. В нашей работе объектом исследования выступают лишь СПП с условной и синкретичной семантикой, простые предложения с полупредикативными оборотами и бессоюзные сложные предложения не затрагиваются.

Обзор литературы

СПП с условными придаточными в удмуртском языкознании изучены недостаточно полно. Они рассмотрены в связи с классификацией всех типов придаточных, например традиционной классификацией в работе П. П. Глезденева [3], формальной классификацией в книге К. М. Баушева [2], структурно-семантической классификацией, элементы которой отражены в «Грамматике современного удмуртского языка» [4]. Относительно полная структурно-семантическая классификация приводится в трудах автора статьи, посвященных СПП с временными, условными и синкретичными типами придаточных [8–11; 13; 15].

В работах финно-угроведов рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся СПП с придаточными времени и условия. Например, венгерский лингвист Ш. Чуч говорит о подчинительных союзах *ку*, *куке*, *бере*, *дыръя*, *ке* и о подчинительных предложениях с этими союзами [17, 65–66]. Финский ученый Ю. Вихманн элемент *бере* ошибочно причисляет к посессивным суффиксам², так как до сих пор разграничение омонимичных союзов, послелогов и частиц в удмуртском языке может вызывать затруднения (см. об этом наши предыдущие работы [12, 300–301; 14, 23–27]).

В связи с изучением условных конструкций в угорских, пермских волжских языках

¹ См.: Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

² См.: Wichmann J. *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*. Helsinki, 1954.

австрийский финно-угровед Т. Ризе ведет речь о русских и удмуртских условных предложениях и временных формах, используемых в них [21]. Вслед за Б. А. Серебренниковым [7, 376–381] он отмечает, что в пермских языках имеется древнейший союз *-ke*, *-kε* и что в подобных конструкциях употребляются различные формы времени (прошедшее/непрошедшее, завершённое/незавершённое). За основу классификации автор берет классификацию Н. Даниелсена, который утверждает, что выражение временных отношений в условных предложениях часто имеет двоякое значение и в отдельных языках можно увидеть это многообразие [18, 15, 42–43, 56].

В сопоставительном плане СПП и подчинительные союзы в отдельных финно-угорских языках рассматривают Ю. В. Андуганов [1], А. Ф. Шутов [22], Д. Р. Фокош-Фукс³.

В статье «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка» А. Ф. Шутов говорит об общности союза *-ke* в финно-угорских языках (подобные союзы имеются в коми – *kõ* и мансийском – *ke* языках). Как считает автор, *ke* возникает из частицы и употребляется внутри придаточной части; будучи союзом, образованным от частицы, он подчеркивает значение предшествующего слова. Из послелогов возникли союзы *бере* и *дыръя*. Возникновение придаточных с постпозитивными союзами обусловлено синтаксическим строем удмуртского языка, сохранившим древние черты порядка слов [16].

Удмуртским союзам в своих работах уделяют внимание Н. Д. Манова⁴ и К. Е. Майтинская [5, 85–113]. Чтобы сравнить изучаемые нами типы придаточных в других языках, мы также обратились к работам L. Keresztes [19], E. Rácz, E. Takács [20].

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили материалы из удмуртской художественной литературы и литературной устной речи. При этом использовался комплекс исследовательских методов: описательный, включающий описание и классификацию СПП с придаточными условия и синкретичными значениями; частичной и сплошной выборки – для иллюстрации теоретических положений; контекстуального анализа; метод трансформации, помогающий выявить временную, условную и причинную семантику на глубинном уровне. Применение указанных методов позволило рассмотреть на конкретном языковом материале специфику изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Условные придаточные содержат указание на условие, при наличии которого делается возможным или необходимым осуществление того, о чем говорится в главной части предложения. «В условных предложениях значение обусловленности конкретизировано как взаимная связь ситуаций предопределяющей (в придаточной части) и предопределенной, т. е. ситуации-следствия (в главной части). При отношениях обратной обусловленности (обратной мотивации), связанных со смысловым осложнением конструкции, обуславливающая ситуация может быть представлена в главной части» [6, 562–563].

В удмуртском языке условные придаточные отвечают на общий вопрос *ку* ‘при каком условии? когда?’⁵ и могут присоединяться к главной части при помощи союзов; основной, наиболее общий, стилистически нейтральный и самый частотный

³ См.: Fokos-Fuchs D. R. Rolle in der Frage nach Sprachverwandschaft: Mit besonderer Ruecksicht auf das Problem den ural-altaischen Sprachverwandschaft. Wiesbaden, 1962.

⁴ См.: Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке и историческом освещении (основные типы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. С. 5–7, 12–13.

⁵ В удмуртском языке самым частотным вопросом условных и временных придаточных является общий вопрос *ку?* ‘когда?’. Это показывает логическую взаимосвязь времени и условия, но для придаточных условия вопрос (и соответственно ответ – придаточное) подразумевает ответ на более частные вопросы *кы́че луонлык вань дыръя?* *кы́че луонлык луиз ке?* *кы́че луонлык кылдэм дыръя?* ‘при каком условии?’ (в форме настоящего, будущего или прошедшего времени), а для придаточного времени – предполагает ответ на вопросы *кы́че вакыт дыръя?* ‘в какое время?’, *кы́че дырысен?* ‘с какого времени?’, *кы́че дырозь?* ‘до каких пор?’, *кы́че дыр чожэ?* ‘на протяжении какого времени?’ и др. Условно-временные придаточные отвечают на вопрос, связанный и со временем, и с условием.

из них союз *ке* ‘если’ либо ‘если (когда)’, ‘если (раз)’ (в синкретичных придаточных)⁶. Могут использоваться также союзы *бере*, *дыръя* ‘если (раз)’, имеющие разговорный характер, *куке* в значении ‘если (раз)’ и заимствованный из русского языка союз *ежели*, например: *Умой учкид ке, со туи пöлысь сйныыс кадь векчиесь кисыриосты аджод* (Г. Красильников). «Если хорошо присмотришься, в этой бороде увидишь морщинки, тонкие, как нить»; *Мар мынам тодэм-валаме, куке со нокинлы уг юртты?* (К. Куликов) «Что мое знание-умение, если оно никому не помогает?»; *Самой матысь эше озьы шуэ бере, одно оскыны кулэ* (Г. Павлов). «Раз самый близкий друг так говорит, обязательно надо верить»; *Адыми висе дыръя, али ветлоно-а, öвöl-а?* (Г. Перевошиков). «Раз человек болеет, сейчас идти ли, нет ли?»

Имеются и сложные союзные конструкции типа *сыёе учыре куке* ‘в том случае если’, *...ке, сыёе учыре* ‘если... в этом случае’ – они имеют книжный оттенок, являются кальками из русского языка и в живой речи практически не используются. Подобные союзные конструкции могут распадаться на две части: *сыёе учыре, куке* ‘в том случае, если’, *сыёе учыре ...ке* ‘в том случае, если’; в таких сочетаниях первая часть отходит к корреляту, а вторая (*ке/куке*) – к союзу. Нередко встречаются конструкции с союзом и коррелятом *...ке, соку; куке... соку* ‘если... тогда’), например: *Марысь мар ке, соку ик астэ öтёмы* (Н. Самсонов). «Если что (в случае чего), в тот же миг (тогда же) самого позовем»; *Нош со тодйз ке... соку жечсэ эн возьма ни* (Н. Васильев). «Но если он (она) узнает... тогда уж ничего хорошего не жди»; *Сыёе учыре куке адыми шуэ-секытэ вуэ, профсоюзмы юрттыны тырше*. «В том случае если человек попадает в трудную ситуацию, (наш) профсоюз старается помочь»; *Сыёе учыре, куке та ужлэсь радзэ валась специалист шедиз, одно ик сое дорамы басьтоно*. «В том случае, если найдется специалист, знающий специфику этой работы, обязательно надо его взять к себе».

В разговорной речи удмуртский союз может использоваться в паре с русским союзом,

в итоге получается двойной союз *если... ке, ежели... ке, ежели... бере, раз... бере*: *Ежели озьы гирымь ке, кукурузаез Покров дорозь кизёно луоз* (М. Шолохов). «Если так будем пахать, до Покрова кукурузу придется сеять»; *Ежели озьы, ачиз сэрттэм-пертчем бере, атаез выжысь мыноз* (С. Самсонов). «Ежели так, раз сам распутал, пойдет по стопам отца»; *Раз тон нокытчы но уд мынйськы бере, коркаез коть окты-калты*. «Раз ты никуда не идешь, хоть в доме приберись».

К придаточным условия также относятся предложения, где вместо условного союза используется лексико-грамматический элемент, который в предложении служит синтаксическим средством связи. Таким элементом является форма, похожая на повелительное наклонение, которая употребляется в значении сослагательного наклонения. Часто в этом значении используется слово или сочетание *лу* ‘будь’, *лу вылэм* ‘был бы’, *эн лу вал* ‘не будь’, но могут быть и другие словоформы типа *лэзь вал* (*вылэм*) ‘позволь’, *вала вал* (*вылэм*) ‘пойми’: *Тон коть мунё кадь чебер лу но, кисыяд ке öз луы, кинлы тон мусо?* (Г. Красильников). «Будь ты хоть как кукла красива, если в кармане не будет, кому ты мила?»

Далее рассмотрим специфику семантики СПП, которая может зависеть не только от используемого союза, но и от вида и времени глагола, семы однократности или повторяемости, лексических маркеров однократности и многократности.

По характеру модально-временного плана придаточной части условные предложения делятся на предложения реального и ирреального условия.

В предложениях реального условия в придаточной части говорится об условии, которое реально существует, существовало или осуществится в будущем. Реальность условия может передаваться грамматическими формами глаголов-сказуемых в изъявительном наклонении в будущем, настоящем и прошедшем времени в 1, 2 и 3-м лице.

Предложения реального условия и синкретичные, в свою очередь, можно разделить на следующие виды:

⁶ Для обозначения синкретичной семантики введем следующее условное написание союза: *ке* ‘если (когда)’ – запись обозначает, что союз используется в двух значениях – по семантике придаточное условно-временное; *бере* ‘если (так как)’ – придаточное условно-причинное и т. п.

1) предложения повторяющегося условия и следствия:

а) *Дорады ке ветлісько, куреқтыны гинэ кутскисько* (Н. Самсонов). «Если (когда) у вас бываю, горевать только начинаю»; в структурную схему СПП входят: придаточное: ...ке + глагол ОВ с семой повторяемости действия; главная часть: глагол однократного вида – на глубинном уровне предложения возникает значение повторяемости «Если у вас бываю, каждый раз горевать начинаю»; линейная схема предложения: (...ке глаг.ОВ.повт.), [глаг.ОВ]; «*Кынтэм йёос, выретіськод ке, дингыр-р! вазыло*» (К. Ломагин). «Замёрзшие “сосульки”, если (когда) шевелишь, звучат динь-динь!»; линейная схема: (глаг.ОВ.повт. ке), [глаг.МВ]. Подобные отношения можно обнаружить и в конструкциях следующего типа: *Куке малпасько вуоно дырьёсме, потэ азыланьысь улонэз адژهме* (М. Покчи-Петров). «Если (когда) думаю о (своем) будущем, хочу увидеть предыдущую жизнь»; линейная схема: (Куке глаг.ОВ.повт.), [глаг.ОВ]; предложение имеет смысл «Каждый раз, когда (если) думаю о (своем) будущем, всегда хочу увидеть предыдущую жизнь»;

б) *Поръёс (мариос), пи нунызы ке вордйське, гогызэ, пис вылэ поныса, тйрен чогыса урето* (К. Герд). «Марийцы, если (когда) рождается младенец мужского пола, пуповину, положив на полено, отрубает топором»; в структурную схему СПП входят: придаточное: ...ке + глагол ОВ; главная часть: глагол ОВ, но на глубинном уровне предложения создается значение повторяемости за счет множественного числа субъекта (значение «каждый мариец»); линейная схема: [сущ., (сущ. ке глаг.ОВ.), глаг.ОВ];

в) *Нош соин көня ке пол пумиськылід ке, выльысь но выльысь адзиськем потэ* (Н. Самсонов). «Но если (когда) с ним несколько раз встретишься, снова и снова хочется увидеть»; линейная схема: (көня ке пол глаг.МВ ке), [выльысь но выльысь глаг.ОВ] – на глубинном уровне предложения возникает значение повторяемости условия и следствия за счет многократного глагола и маркера повторяемости көня ке пол «несколько раз» в придаточном и маркера по-

вторяемости *выльысь но выльысь* «снова и снова» в главной части. Предложения повторяющегося условия и следствия, в том числе приведенное в данном пункте, часто имеют синкретичную семантику: указывают и на кондициональные, и на темпоральные отношения, – таким образом, они являются **условно-временными** придаточными. Подобные конструкции, как правило, проецируются в план настоящего времени;

2) предложения повторяющегося условия и единичного длительного следствия: *Суд сярись поттыліськод ке, оло, юртьер пумысен но маке малпаськод ини?* (И. Гаврилов). «Если (раз) о суде поговариваешь, может, и насчет хозяйства что-то подумываешь уже»; в структурную схему СПП входят: придаточное: глагол МВ + ке; главная часть: глагол ОВ с семой процессуальности (мыслительный процесс) – на глубинном уровне предложения возникает значение повторяемости условия и длительности следствия; линейная схема: (глаг.МВ ке), [глаг.ОВ]? Данный тип предложения имеет значение кондициональности и каузативности, соответственно придаточное **условно-причинное**;

3) предложения единичного длительного условия и повторяющегося следствия: а) *Атаез куатьтон аресозь уліз ке, та сярись чем мадьыліз* (С. Самсонов). «Раз отец жил до шестидесяти лет, об этом часто рассказывал»; в структурную схему СПП входят: придаточное: глагол ОВ с семой длительного действия + ке; главная часть: глагол МВ; линейная схема: (сущ. глаг.ОВ ке), [глаг.МВ]. Данный тип предложений также имеет значение кондициональности и каузативности, соответственно придаточное **условно-причинное**;

4) предложения единичного условия и следствия:

а) *Снаряд вёзад ик пуштэ ке, туж кужмо ваземезлэсь но тёлыныз шукемлэсь солдат йырсазызьыштэ, пельтэм кадь луэ* (А. Евсеев). «Если (когда) рядом с тобой взрывается снаряд, от громкого звука и ударной волны солдата контузит»; в структурную схему СПП входят: придаточное: глагол ОВ + ке; главная часть: глагол ОВ, глагол ОВ; линейная схема: (сущ. глаг.ОВ ке), [сущ. глаг.ОВ, глаг.ОВ]. Предложение

единичного условия и следствия указывает и на кондициональные, и на темпоральные отношения и, таким образом, является СПП с **условно-временным** придаточным. Подобные конструкции, как правило, проецируются в план настоящего времени;

б) *Мар мынам етйз мугоры, баджым ку-жсьме, куке со никинлы уг юртты?* (К. Куликов). «Что мое здоровое тело, огромная сила, если (раз) она никому не помогает?»; в структурную схему СПП входят: главная часть: составное именное сказуемое без глагола-связки (*мар* ‘что’); придаточное: *куке* + глагол *ОВ*; линейная схема: [*мест. сущ., сущ.*], (*куке* *мест. глаг.ОВ*)? Предложение имеет синтаксическое настоящее время, является СПП с **условно-причинным** придаточным. Приведем еще один пример для выявления чисто **условного** значения в форме настоящего времени: *...Жаль ке потэ, кысыз понэ* «...Если становится жаль, в карман кладет»;

в) предложения, проецируемые в будущее время (форма глагола в придаточном может отличаться): *Нылмурт аслаз ку-зёсыз доры берытскиз ке, улон уз сётэ ни* (Е. Самсонов). «Если (когда) девушка вернется к своим хозяевам, житья уже не будет»; линейная схема: (*сущ. глаг.ОВ* *ке*), [*глаг.ОВ*] – данная конструкция является СПП с **условно-временным** придаточным; *Кин тодэ, шудмы ке вань, оло, бер-тоз но* (В. Садовников). «Кто знает, если (у нас) есть счастье, может, вернется еще»; линейная схема: (*сущ. ке глаг.ОВ*), [*глаг.ОВ*] – предложение указывает лишь на кондициональные отношения, соответственно имеет только **условную** семантику. Сопоставим с предложением *Чуказе тон вазьгес дыктйськод бере, мон бергес вуо*. «Раз ты завтра пораньше приходишь, я приду попозже»; линейная схема: (*мест. глаг.ОВ* *бере*), [*мест. глаг.ОВ*] – конструкция передает **условно-причинное** значение;

г) предложения, имеющие форму прошедшего времени: *...Нош куке Кучыран кияз зыр кутйз, соиз, пистолетсэ поттыса, урмем адымилэн пыдаз ыбиз* (В. Михайлов). «...А когда Кучыран взял в руки дубинку, тот, вытащив пистолет, выстрелил в ногу сумасшедшему человеку»; линейная схема: (*куке* *сущ. глаг.ОВ*), [*мест. глаг.ОВ*].

Предложение указывает лишь на темпоральные отношения, соответственно имеет только **временную** семантику. Применив метод трансформации, мы проверили сочетание форм прошедшего времени и в главном, и в придаточном предложении и обнаружили, что с союзом *ке* данное сочетание невозможно. Конструкции с союзом *бере* такие сочетательные возможности имеют, хотя в речевой практике встречаются нечасто: *Бере кылыса лыктйз бере, огназ ужез быдтоно луиз*. «Раз опоздал, пришлось ему одному работу доделывать». В подобных конструкциях значение кондициональности не проявляется, имеется лишь семантика каузативности, соответственно придаточное **причинное**. Отсутствие конструкций с **условным** значением, целиком проецированным в прошедшее время, логически объяснимо. Так как условие – это альтернатива, выбор из нескольких возможностей, а в прошедшем действии или процессе альтернативы уже нет, значение условия не проявляется.

Как видно из приведенных выше примеров, предложения реального условия нередко имеют переходный характер. Предложения повторяющегося реального условия и следствия часто совмещают свойства условных и временных предложений; конструкции с единичным условием или следствием в форме настоящего времени – условных и причинных предложений, в форме будущего времени – условно-временных и условных; в форме прошедшего времени значение условия стирается, остается лишь семантика времени или причины. Тип конкретных смысловых взаимоотношений на уровне глубинной структуры предложения определяется союзом (а также маркерами повторяемости при их наличии): *ке* ‘если’, *ке, куке, куке...* *ке* ‘если (когда)’; *ке, куке, бере, дыръя* ‘если (раз (так как))’; слова типа *көнә ке пол* ‘несколько раз’, *трос пол* ‘много раз’, *котьку* ‘всегда’, *одйг пол* ‘один раз’: а) *Соосыз тушмон пазьгиз ке, асьме войскоослэн на-ступленизы гуньдоз* (В. Михайлов). «Если (когда) их враг разгромит, наступление наших войск прекратится»; А *умой дунне вылын улыны, куке тонэ ярато* (Е. Самсонов). «А хорошо жить на свете, если (когда) тебя

любят»; *Куке, эше, дыктїд ке куное, умой õвõл, шуод, дыр, буш кыын* (А. Белоногов). «Когда (если), мой друг, придешь в гости, наверно, скажешь, нехорошо с пустыми руками» – во всех предложениях создается условно-временное значение; б) *Ачид ке виноват, вазьытэк, пе, умойгес* (П. Позде-ев). «Если (раз) сам виноват, лучше, мол, помолчать». ...*Котькõня сэтїськы но, сокем яратїз дырья, номыре уд берыкты, номыр уз воштїськы ни* (Г. Перовошиков). «...Хоть сколько переживай, но, если (раз) так полюбил, ничего уже не воротишь, ничего уже не изменится» – условно-причинное значение; в) *Ужась киостэк õд ёрмылэ бере, мынам кулэе õй вал ни кадь нõлада* (К. Емельянов). «Раз не нуждались в рабочих руках, кажется, у вас уже не было необходимости во мне» – причинное значение.

Другую большую группу СПП с придаточными условия образуют предложения ирреального условия. В таких конструкциях придаточное предложение сообщает об условии, которое не осуществилось и не может осуществиться. Данные предложения имеют модальное значение нереализованной возможности. В ирреально-условных предложениях может употребляться союз *ке* ‘если’ либо конструкции с синтаксическим средством связи типа *лу вал* ‘будь’.

Специализированной формой для выражения ирреальной модальности является форма сослагательного наклонения с суффиксом *-сал*. Удмуртский суффикс *-сал* выполняет ту же функцию, что и русская частица *бы*. Средством связи таких предложений может быть союз *ке* ‘если’: *Õй ке то-дысал, Кирила ачиз валэктысал, азыло-берло юалляськемез но õй ни потысал...* (Г. Красильников). «Если бы не знала, Кирилл бы сам объяснил, в следующий раз и спрашивать бы не захотела...» – СПП с придаточным условия.

В предложениях ирреального условия в качестве средства связи может использоваться, как было сказано выше, слово или сочетание типа *лу, лу вал* ‘будь’: *Лу монэн маке – мон вылэ но со озьы ик сьлзоз* (З. Чиркова). «Случись со мной что-нибудь – и на меня он так же плюнет». В подобных конструкциях придаточное также имеет только значение условия.

Специфическую разновидность ирреально-условных предложений составляют такие, в которых по смыслу утверждающая придаточная часть содержит отрицательную глагольную частицу типа *õй, õд, õз, эн* ‘не’. В них выражается не только условно-следственная связь между двумя ирреальными явлениями, но и причинно-следственная связь между двумя непосредственно не названными реальными явлениями: *Чигемдэ тупатьясь чаялак õй кемдысал ке, оло, китэм кылысал* (К. Емельянов). «Если бы не попался сразу костоправ, может, остался бы без руки» – на глубинном уровне предложения содержится информация «Так как нашелся костоправ, ты не остался без руки»; *Оло, õй шедьтысал ноку мон яратон эшме, õй луысал ке бен соку куинетїез эше* (Ф. Васильев). «Может, не встретил бы я никогда любимую подругу, если бы на самом деле не было со мной тогда третьего друга» – на глубинном уровне предложения передается информация «Поскольку на самом деле со мной тогда был третий друг, я встретил любимую подругу». В таких СПП создается значение условия.

Закключение

Таким образом, условно-временное значение, как правило, выражается в предложениях повторяющегося реального условия при помощи союзов *ке*, *куке* ‘если (когда)’; условно-причинное значение – в предложениях единичного реального условия, в которых говорится о связи между двумя неповторяющимися явлениями. Часто в СПП с условно-причинными придаточными употребляются союзы *бере*, *дырья* ‘если (раз)’. В подобных предложениях всегда указывается на реальный план прошедшего, настоящего или будущего. Необходимо также отметить, что условие предполагает альтернативу, выбор из двух возможностей, предложения же с союзами *бере*, *дырья* ‘раз’ характеризуются отсутствием значения альтернативности, что сближает эти союзы с причинными. Значение условия без дополнительных контаминаций могут иметь предложения ирреального условия с союзом *ке* + (*-сал*) ‘если бы’, а также реального условия с союзом *ке* ‘если’. Семантика сложноподчиненного предложения может

зависеть не только от используемого союза, но и от видо-временной формы глагола-сказуемого, семы однократности или повторяемости, дополнительных лексических маркеров однократности и многократности. Точное определение значения и контаминаций возможно лишь на уровне глубинной структуры предложения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>глагол.</i> —	глагол
<i>МВ</i> —	многократный вид
<i>мест.</i> —	местоимение
<i>ОВ</i> —	однократный вид
<i>повт.</i> —	значение повторяемости
<i>СПП</i> —	сложноподчиненное предложение
<i>сущ.</i> —	имя существительное

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андуганов Ю. В. Причины сохранения праруральского облика в синтаксисе удмуртского и марийского языков // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: сб. науч. тр. Ижевск, 1992. С. 87–94.
- Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.: Нар. ком. прос. РСФСР; Л.: Гос. изд-во, 1929. 48 с.
- Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Вятск. губ. отд. Госиздата, 1921. 55 с.
- Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / под ред. В. М. Вахрушева [и др.]. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.
- Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
- Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 2. 712 с.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 392 с.
- Тимерханова Н. Н. Выражение темпоральных отношений между действиями в сложноподчиненных предложениях в удмуртском языке: (придаточные времени и условно-временные) // Вордскем кыл = Родное слово. 2002. № 2. С. 35–39.
- Тимерханова Н. Н. Семантические особенности сложноподчиненных предложений с придаточными условия в русском и удмуртском языках // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 4 февр. 1999 г. Ижевск, 1999. С. 308–310.
- Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5. С. 24–37.
- Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия в русском и удмуртском языках // Исследования ученых Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики: сб. ст. Ижевск, 2010. Вып. 3. С. 125–134.
- Тимерханова Н. Н. Союзы в удмуртском языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Ижевск, 2015. С. 295–302.
- Тимерханова Н. Н. Структурные особенности сложноподчиненных предложений с придаточными условия в удмуртском языке // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы VI науч. конф. Ижевск, 20 апр. 2001 г. Ижевск, 2001. С. 166–167.
- Тимерханова Н. Н. Удмурт кылын пус пуктылон. Индылэтъёсын но семаосын: дышетскон-амалтодослыко юрттэт. Ижкар: Удм. ун-т, 2014. 69 с.
- Тимерханова Н. Н. Условно-временные сложноподчиненные предложения в удмуртском языке // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы IV науч. конф. Ижевск, 16 апр. 1999 г. Ижевск, 1999. С. 57–58.
- Шутов А. Ф. Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка // Пермистика: диалекты и история пермских языков: сб. ст. Сыктывкар, 1992. С. 169–173.
- Csúcs S. Chrestomathia votiacica. Budapest: Tankönyvkiado, 1990. 224 old.
- Danielsen N. Zum Wesen des Konditionalsatzes nicht zuletzt im Indoeuropäischen. Odense: Odense University Press, 1968. 76 S.
- Keresztes L. Gyakorlati magyar nyelvtan. Debrecen: Debreceni nyári egyetem, 1992. 142 old. (Hungarolingua).
- Rácz E., Takács E. Kis magyar nyelvtan. 8. Kiadás. Budapest: Gondolat, 1990. 332 old.
- Riese T. The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages. Wien: Verband der Wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1984. 263 p. (Studia Uralica; Bd. 3).
- Sutov A. F. Die Entwicklungswege der hypotaktischen Verhältnisse in den permischen Sprachen // Шестой международный конгресс финно-угроведов: тез. Сыктывкар, 1985. Т. 1. Языкознание. С. 133.

Поступила 16.02.2022; одобрена 10.03.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. Н. Тимерханова — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики Удмуртского государственного университета, timer-nadezhda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-9239>

Expression of conditionality in compound sentences of the Udmurt language (semantic and structural features)

Nadezhda N. Timerkhanova

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia

Introduction. In the Udmurt language, compound sentences with subordinate clauses are very productive. The means of communication in such syntactic constructions are conjunctions, allied combinations and, in some cases, correlates. The same conjunctions help convey different semantics. The purpose of this paper is to identify conditional, conditional-temporal, conditionally causal semantic relations expressed with the help of conjunctions, allied combinations, and other linguistic means, as well as the structural features of such syntactic constructions on the material of the Udmurt language.

Materials and Methods. The research was based on the examples borrowed from Udmurt fiction. The author employed a set of research methods, such as descriptive; partial and continuous sampling; contextual analysis; transformation. The use of these methods made it possible to consider the specifics of the units under consideration on specific linguistic material.

Results and Discussion. The article deals with the widely represented compound sentences with conditional, conditional-temporal and conditionally causal clauses in the Udmurt language. It has been established that sentences of a repeating real condition and consequence often combine the properties of conditional and temporary sentences; constructions with a single condition or consequence in the form of the present tense combine conditional and causal sentences, in the form of the future tense combine both conditional-temporal and conditional; in the form of the past tense combine sentences that have only the meaning of time or reason, the meaning of the condition is erased. The type of specific semantic relationships at the level of the deep structure of the sentence can be determined by the conjunction, the marker of recurrence, as well as the form of the multiple aspect of the verb.

Conclusion. In the Udmurt language, the conditional-temporal meaning, as a rule, is expressed in complex sentences of a repeating real condition with the help of conjunctions *ke*, *kuke* 'if (when)'; conditionally causal meaning is expressed in sentences of a single real condition with the conjunctions *bere*, *dyrja* 'if (as)', in which the connection between two non-repeating phenomena is expressed. The semantics of a compound sentence may depend not only on the conjunction used, but also on the type-time form of the verb-predicate, the semes of singleness or repeatability, additional lexical markers of singleness and multiplicity. The exact definition of meaning and contamination is possible only at the level of the deep structure of the sentence.

Keywords: Udmurt language, compound sentence, conditionality, temporality, causality, syncretic semantics, sentence structure

For citation: Timerkhanova NN. Expression of conditionality in compound sentences of the Udmurt language (semantic and structural features). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:186–195. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.186-195.

REFERENCES

1. Anduganov IuV. Reasons for the preservation of the Proto-Uralic appearance in the syntax of the Udmurt and Mari languages. *Voprosy dialektologii i istorii udmurtskogo iazyka: sb. nauch. tr.* = Questions of dialectology and history of the Udmurt language. Collection of scientific papers. Izhevsk; 1992:87–94. (In Russ.)
2. Baushev KM. The syntactic structure of Votsky speech and the genesis of particles of the allied order. Moscow; Leningrad; 1929. (In Russ.)
3. Glezdenev PP. Brief grammar of the language of the Udmurt people. Vyatka; 1921. (In Russ.)
4. Vakhrushev VM at al., eds. Grammar of the modern Udmurt language: Syntax of a complex sentence. Izhevsk; 1974. (In Russ.)
5. Maitinskaia KE. Service words in the Finno-Ugric languages. Moscow; 1982. (In Russ.)
6. Shvedova Nlu at al., eds. Russian grammar. Moscow; 1980;2. (In Russ.)
7. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
8. Timerkhanova NN. Expression of temporal relations between actions in complex sentences in the Udmurt language: (subordinate clauses and conditional-temporal). *Vord-*

- skem kyl = Rodnoe slovo = Native word.* 2002;2:35–39. (In Russ.)
9. Timerkhanova NN. Semantic features of complex sentences with subordinate clauses in Russian and Udmurt languages. *Sovremennye sotsial'no-politicheskie tekhnologii: sushchnost', mnogoobrazie form i vnedrenie: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf., 4 fevr. 1999 g.* = Modern socio-political technologies: essence, variety of forms and implementation. Materials of the V All-Russian scientific and practical conference, February 4, 1999. Izhevsk; 1999:308–310. (In Russ.)
 10. Timerkhanova NN. Complex sentences with clauses of time in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 1995;5:24–37. (In Russ.)
 11. Timerkhanova NN. Complex sentences with subordinate clauses in Russian and Udmurt. *Issledovaniia uchenykh Instituta povysheniia kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniia Udmurtskoi Respubliki: sb. st.* = Researches of scientists of the Institute for advanced training and retraining of educators of the Udmurt Republic. Collection of articles. Izhevsk; 2010;3:125–134. (In Russ.)
 12. Timerkhanova NN. Conjunctions in the Udmurt language. *Permistika 15: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: sb. st.* = Permistics 15: Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages. Collection of articles. Izhevsk; 2015:295–302. (In Russ.)
 13. Timerkhanova NN. Structural features of complex sentences with subordinate clauses in the Udmurt language. *Rossiiskoe gosudarstvo: proshloe, nastoiashchee, budushchee: materialy VI nauch. konf.* Izhevsk, 20 apr. 2001 g. = The Russian State: Past, Present, Future: Proceedings of the VI scientific conference. Izhevsk, April 20, 2001. Izhevsk; 2001:166–167. (In Russ.)
 14. Timerkhanova NN. Punctuation of the Udmurt language. With rules and patterns. Izhevsk; 2014. (In Udm.)
 15. Timerkhanova NN. Conditional-temporal complex sentences in the Udmurt language. *Rossiiskoe gosudarstvo: proshloe, nastoiashchee, budushchee: materialy IV nauch. konf.* Izhevsk, 16 apr. 1999 g. = The Russian State: Past, Present, Future: Proceedings of the IV scientific conference. Izhevsk, April 16, 1999. Izhevsk; 1999:57–58. (In Russ.)
 16. Shutov AF. Postpositive conjunctions in complex sentences of the Udmurt language. *Permistika: dialekty i istoriia permskikh iazykov: sb. st.* = Permistics: Dialects and History of the Permian Languages. Collection of articles. Syktyvkar; 1992:169–173. (In Russ.)
 17. Csúcs S. Chrestomathia votiacica. Budapest; 1990.
 18. Danielsen N. Zum Wesen des Konditional-satzes nicht zuletzt im Indoeuropäischen. Odense; 1968.
 19. Keresztes L. Gyakorlati magyar nyelvtan. Debrecen; 1992. (Hungarolingua).
 20. Rácz E, Takács E. Kis magyar nyelvtan. 8. Kiadás. Budapest; 1990.
 21. Riese T. The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages. Wien; 1984;3.
 22. Sutov AF. Die Entwicklungswege der hypotaktischen Verhältnisse in den permischen Sprachen. *Sixth International congress of Finno-Ugric studies. Abstracts.* Syktyvkar; 1985;1:133.

Submitted 16.02.2022; reviewing 10.03.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. N. Timerkhanova – Candidate Sc. {Philology}, Head of the Department of Linguistic Typology and Linguodidactics, Udmurt State University, timer-nadezhda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-9239>

Средние специальные учебные заведения сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг.

Александр Михайлович Мацук

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Советская система образования и культурного обслуживания населения нуждалась в большом количестве кадров, в число которых входили воспитатели детских дошкольных учреждений, учителя начальных классов, библиотекари и клубные работники. Данных специалистов среднего звена готовили в основном региональные училища и техникумы. В статье представлено исследование блока средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов для учреждений просвещения и культуры, как части общей системы среднего специального образования на территории Европейского Севера России.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах научной объективности, историзма и достоверности. При этом использовались методы статистического анализа, сопоставления и сравнения, необходимые при работе с архивными документами и статистическими материалами.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ анализируемых в исследовании статистических данных позволил составить реестры средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов для сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. На основе имеющейся в центральных и региональных статистических сборниках, а также в статистической отчетности учебных заведений информации удалось проследить динамику численности учащихся и выпускников техникумов и училищ сферы просвещения и культуры, выделить их долю в общем количестве учащихся и выпускников всех средних специальных учебных заведений по областям и республикам Европейского Севера РСФСР, в том числе двум финно-угорским республикам – Карельской и Коми АССР.

Заключение. Реформирование среднего специального образования в 1950-х гг. негативно сказалось на количестве подготовленных специалистов сферы просвещения и культуры. В дальнейшем это число значительно возросло, что указывает на поступательное развитие техникумов и училищ изучаемой сферы. Несмотря на положительную динамику численности учащихся и выпускников, их доля в общем количестве тех и других по всей системе среднего специального образования на Европейском Севере РСФСР оставалась на низком уровне. Тем не менее положительный вектор динамики показателя свидетельствует о востребованности специалистов данного профиля в народном хозяйстве изучаемых областей, а также финно-угорских республик, находящихся в границах территории Европейского Севера России.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН».

Ключевые слова: среднее специальное образование, просвещение и культура, Европейский Север РСФСР, динамика численности, 1950–1980-е гг.

Для цитирования: Мацук А. М. Средние специальные учебные заведения сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 196–206. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.196-206.

Введение

Организация советской системы образования и культурного обслуживания населения предполагала наличие большого количества подготовленных кадров. Воспитатели дошкольных учебных заведений, учителя начальной школы, клубные работники и библиотекари готовились в

основном средними специальными учебными заведениями в регионах своего проживания.

На территории Европейского Севера РСФСР в рамках изучаемого периода активно развивалась система общеобразовательных школ, число учащихся в них в

1989 г. возросло в 1,5 раза по сравнению с началом 1950-х гг., а общее число школ превысило 2,8 тыс.¹ В разрезе отдельных областей и республик развитие системы школьного образования выглядело следующим образом: в Архангельской области в 1950/51 учебном году в школах обучалось 174,4 тыс. чел., в 1989/90 учебном году – 230,0 тыс.; в Вологодской области соответствующие показатели составили 227,0 тыс. и 178,0 тыс.; в Мурманской – 45,1 тыс. и 180,0 тыс. соответственно; в Карельской АССР – 74,7 тыс. и 114,0 тыс.; в Коми АССР – 68,4 тыс. и 196,0 тыс.²

Наряду с развитием сети общеобразовательных школ на Европейском Севере РСФСР значительно расширилась сеть детских садов, в которой уже к концу 1950-х гг. функционировало более 2,3 тыс. учреждений, что в 33 раза больше, чем в середине 1920-х гг.³ Число детей, посещающих детские дошкольные учреждения, увеличилось в исследуемый период в Архангельской области с 16,7 тыс. в 1950 г. до 64,0 тыс. в 1961 г. и 147,0 тыс. в 1988 г.; в Вологодской – с 13,2 тыс. до 43,0 тыс. и 116,0 тыс. соответственно; в Мурманской – с 4,4 тыс. до 27,0 тыс. и 96,0 тыс.; в Карельской АССР – с 7,0 тыс. до 35,0 тыс. и 70,0 тыс.; в Коми АССР – с 7,7 тыс. до 48,0 тыс. и 121,0 тыс.⁴

В области культуры был налажен процесс подготовки кадров для работы в клубах, домах культуры, библиотеках. Удалось решить вопрос обеспечения клубами и домами культуры большей части населения Европейского Севера РСФСР. Если в начале 1940-х гг. в рассматриваемых регионах функционировало 2 756 клубов, то в 1988 г. их насчитывалось уже 3 321⁵. Число библиотек на изучаемой территории за тот же период увеличилось с 2 466 до 2 928⁶.

Развитие системы общеобразовательных учреждений, клубов и библиотек в областях и республиках Европейского Севера России, в свою очередь, оказывало влияние на развитие системы учебных заведений, где готовились специалисты среднего звена для учреждений этой сферы.

В представленной статье мы очертим круг действующих в 1950–1980-е гг. средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов для учреждений сферы просвещения и культуры областей и республик Европейского Севера России, а также проследим динамику численности учащихся и выпускников данных учебных заведений.

Обзор литературы

В отечественной историографии проблема развития системы среднего специального образования в целом, а также отдельных ее аспектов, относящихся к вопросам подготовки кадров для сферы образования и культуры, освещена в ряде научных работ [3; 5; 15; 16; 20; 21 и др.]. Однако вопрос развития системы средних специальных учебных заведений сферы образования и культуры на территории Европейского Севера России в изучаемый период представлен достаточно слабо. Отдельные факты о работе тех или иных учебных заведений рассматриваемой сферы и о числе выпущенных специалистов приведены в обобщающих трудах по истории областей и республик Европейского Севера РСФСР [6–9; 17; 18]. В научных работах по истории системы образования как в целом, так и в сфере подготовки педагогических кадров в Карельской (С. В. Бархатова) и Коми (Я. Н. Безносилов, О. В. Золотарев) АССР, Вологодской области (И. А. Петранцова) приведены данные по истории региональных педагогических и культурно-просветительных училищ за 1950–1960-е гг. [1; 2; 4; 19]. В

¹ Здесь и далее приводятся данные статистического ежегодника «Народное хозяйство РСФСР». См.: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. М., 1959. С. 443; Народное хозяйство РСФСР в 1989 году. М., 1990. С. 248.

² Там же.

³ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 497.

⁴ Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1983 году. М., 1984. С. 253; Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. М., 1989. С. 176.

⁵ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. М., 1981. С. 361; Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. С. 203.

⁶ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 466; Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. С. 196–197.

предыдущих наших работах были затронуты в числе прочих вопросы, связанные с изучаемой в данной статье проблемой [10; 13; 14].

Определенные факты по истории отдельных учебных заведений рассматриваемой сферы приведены в энциклопедических статьях⁷. Следует отметить наличие большого количества юбилейных изданий, посвященных некоторым учебным заведениям⁸. Однако в силу своей специфики они не содержат необходимого объема информации для комплексного анализа развития всей системы учебных заведений изучаемой сферы на Европейском Севере РСФСР за 1950–1980-е гг.

Начало данного исследования было показано нами ранее в статье «Развитие системы средних специальных учебных заведений социального блока на Европейском Севере СССР (1950–1980-е годы)» [11], но в ней учебные заведения, готовившие специалистов среднего звена для сферы просвещения и культуры, были представлены вместе с учебными заведениями сферы здравоохранения. Кроме того, имеющиеся лакуны в данных на период ее издания не позволяли проследить развитие системы учебных заведений рассматриваемой сферы в полной мере в ряде областей Европейского Севера России.

Материалы и методы

Исследование основано на принципах научной объективности, историзма и достоверности. Методы статистического анализа, сопоставления и сравнения были использованы в работе с архивными документами и статистическими материалами. Указанные методы применяются комплексно, полученные с их помощью результаты взаимно дополняют друг друга.

Источниковую базу исследования составили статистические материалы из статистических ежегодных сборников «Народное хозяйство РСФСР», региональных статистических сборников, а также из сводных отчетов средних специальных учебных заведений, находящихся в фонде Статистического управления Коми АССР (Национальный архив Республики Коми. Ф. р-140). Информация, полученная в результате исследования, скомпонована в сводные диаграммы, что позволяет более наглядно провести ее сопоставление и сравнение.

Результаты исследования и их обсуждение

Перечислим средние специальные учебные заведения, готовившие специалистов среднего звена для учреждений просвещения и культуры на Европейском Севере РСФСР в 1950–1980-е гг.

Архангельская область: 1) Архангельский индустриально-педагогический техникум (действовал с 1962 г.); 2) Архангельское педагогическое училище; 3) Вельское педагогическое училище (закрыто в начале 1950-х гг.); 4) Емецкое педагогическое училище (закрыто в начале 1950-х гг.); 5) Каргопольское педагогическое училище; 6) Котласское педагогическое училище (действовало с 1965 г.); 7) Нарьян-Марское педагогическое училище; 8) Сольвычегодское педагогическое училище (закрыто в начале 1950-х гг.); 9) Шенкурское педагогическое училище (закрыто в начале 1950-х гг.); 10) Ненецкая окружная культурно-просветительная школа (действовала до 1955 г.; в 1955 г. переведена в Архангельск и реорганизована в Архангельскую культурно-просветительную школу; с 1962 г. – Архангельское культурно-просветительное училище)⁹.

⁷ См.: Вологодская энциклопедия. Вологда, 2006. С. 61, 95–96, 140, 474, 445; Кольская энциклопедия. Т. 3: Л–О. Мурманск, 2013. С. 314; Поморская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. Культура Архангельского Севера. Архангельск, 2012. С. 58–59, 60, 224, 256; Республика Коми: Энцикл.: в 3 т. Т. 2. Сыктывкар, 1999. С. 112; Т. 3. Сыктывкар, 2000. С. 121, 125, 209.

⁸ См.: Вологодское педагогическое училище № 1: [крат. очерк]. Вологда, 1971; Карельское культурно-просветительное училище: [буклет]. Петрозаводск, 1980; Коми республиканское культурно-просветительное училище: [буклет]. Сыктывкар, 1981; Коми республиканское училище культуры им. В. Чисталова: [проспект]. Сыктывкар, 1991; Республиканское училище искусств – 60 лет: [буклет]. Сыктывкар, 2003 и др.

⁹ См.: ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. р-2506, р-4190; отдел документов социально-политической истории. Ф. 311, 384, 1149, 4927, 6298, 8221; Народное хозяйство Архангельской области: Стат. сб. Архангельск, 1957. С. 131–132; Народное хозяйство Архангельской области: Стат. сб. Вологда, 1962. С. 140, 144; Поморская энциклопедия. Т. 4. С. 58–59, 60, 224, 256.

Вологодская область: 1) Белозерское педагогическое училище (закрыто в 1956 г., вновь открыто в 1963 г.); 2) Великоустюгское педагогическое училище; 3) Вологодское музыкально-педагогическое училище (с 1968 г. – Вологодское педагогическое училище № 2; действовало до 1978 г.); 4) Вологодское областное педагогическое училище (с 1968 г. – Вологодское педагогическое училище № 1); 5) Вытегорское педагогическое училище (действовало до 1956 г.); 6) Грязовецкое педагогическое училище физического воспитания (действовало до 1956 г.); 7) Кирилловское дошкольное педагогическое училище (с 1968 г. – Сокольское дошкольное педагогическое училище; с 1988 г. – Сокольское педагогическое училище); 8) Никольское педагогическое училище (действовало до 1955 г.); 9) Тотемское педагогическое училище (действовало до 1957 г.); 10) Устюженское педагогическое училище (действовало до 1956 г.); 11) Великоустюгский библиотечный техникум (действовал до 1959 г.); 12) Вологодская областная культурно-просветительная школа (с 1961 г. – Вологодское областное культурно-просветительное училище)¹⁰.

Мурманская область: Мурманское педагогическое училище (с 1956 по 1963 г. – Мурманское дошкольное педагогическое училище)¹¹.

Карельская АССР: 1) Карельский дошкольный техникум (с 1968 г. – Петрозаводское педагогическое училище № 2); 2) Петрозаводское педагогическое училище № 1; 3) Пудожское педагогическое училище (действовало до 1956 г.); 4) Петрозаводский библиотечный техникум (в 1959 г. реорганизован в Петрозаводское культурно-просветительное училище)¹².

Коми АССР: 1) Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище (с 1956 по 1961 г. временно объединено с Сыктывкарским педагогическим училищем; с 1968 г. – Сыктывкарское педагогическое училище № 2); 2) Сыктывкарское педагогическое училище имени И. А. Куратова (с 1968 г. – Сыктывкарское педагогическое училище № 1 имени И. А. Куратова); 3) Усть-Вымское педагогическое училище (в 1954 г. объединено с Сыктывкарским педагогическим училищем, закрыто как отдельное педучилище); 4) Республиканская культурно-просветительская школа (действовала с 1956 г.; с 1961 г. – Коми республиканское культурно-просветительное училище; с 1989 г. – Коми республиканское училище культуры)¹³.

Всего в 1950–1980-х гг. специалистов рассматриваемой сферы на Европейском Севере России готовило 31 известное нам среднее специальное учебное заведение. Общее количество одновременно действующих учебных заведений данной

¹⁰ См.: Аникиева Г. М. Библиотечный техникум в Великом Устюге (страницы истории) // Великий Устюг: Краевед. альм. Вологда, 2007. Вып. 4. С. 212–227; Вологодская энциклопедия. С. 61, 95–96, 140, 474, 445; ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. П-1098, П-1746, П-1881, П-2170, П-2202, П-2298, П-4503, П-6540, П-7744, П-8264; ВУЦА (Великоустюгский центральный архив). Ф. Р-269, Р-392, Р-438; ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. Р-358, Р-1584, Р-2292, Р-2565, Р-4743, Р-5128; архивный отдел администрации Вытегорского муниципального района. Ф. 245; архивный отдел администрации Устюженского муниципального района. Ф. 25; Народное хозяйство Вологодской области: Стат. сб. Вологда, 1960. С. 118–119; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: Стат. сб. Вологда, 1971. С. 171–172; Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: Стат. сб. Вологда, 1967. С. 157–158; Педагогические колледжи и училища Вологодской области: (Информ. сб.). Вологда, 2003. С. 6–7, 36.

¹¹ См.: ГАМО (Государственный архив Мурманской области), архивохранилище документов новейшей политической истории. Ф. П-185; Ф. Р-694; Кольская энциклопедия. Т. 3. С. 314; Население, культура, здравоохранение и труд в 1980 году: Стат. сб. Мурманск, 1981. С. 60.

¹² См.: Карельская АССР за 50 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1967. С. 130; НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. Р-393, Р-1575, Р-3016; фонды бывшего ГУРК «Карельский государственный архив новейшей истории». Ф. П-110, П-346, П-1374, П-3046; Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. к 50-летию образования СССР. Петрозаводск, 1972. С. 120–121.

¹³ См.: Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар, 1973. С. 105, 150; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978. С. 436; История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980. С. 257; Коми АССР за 50 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1971. С. 151; НАРК (Национальный архив Республики Коми). Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4251; Д. 5209; Д. 9921; Оп. 4. Д. 492; Д. 8523; Ф. р-1363, р-1538, р-1540; архивохранилище № 2 (бывший Партийный архив Коми ОК КПСС). Ф. П-347, П-2037, П-3500; Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 144; Республика Коми. Т. 2. С. 112; Т. 3. С. 121, 125, 209.

сферы на изучаемой территории сократилось с 29 в 1950-х гг. до 19 в 1960–1970-х и до 18 в 1980-х гг.

На основе опубликованных и архивных источников проследим динамику численности учащихся и выпускников средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры, а также покажем их доли в общей численности учащихся и выпускников всех ссузов по областям и республикам Европейского Севера РСФСР (рис. 1–4). Основными источниками в исследовании выступили региональные и центральные статистические сборники. Отметим, что на рисунках представлены данные только за те годы, по которым в нашем распоряжении имеется информация, в связи с чем, например, на рис. 1 и 2 отсутствуют данные по Карельской АССР, на рис. 3 и 4 – по Вологодской области¹⁴.

По представленным на рис. 1 данным можно в целом проследить динамику численности учащихся обозначенных учебных заведений сферы просвещения и культуры по областям и республикам Европейского Севера за исследуемый период. Так, в Архангельской области анализируемый показатель уже в

1967/68 учебном году увеличился почти в 4 раза по сравнению с 1957/58 учебным годом, когда было зафиксировано его заметное снижение. Это было связано с процессами реформирования, в результате которых многие педагогические училища были закрыты [12]. По имеющимся данным, с середины 1950-х гг. до начала 1970-х гг. количество учащихся выросло в 2,4 раза. Общее число учащихся в учебных заведениях сферы просвещения и культуры в Архангельской области за 10 лет составило более 24 тыс. чел.

В Вологодской области численность учащихся рассматриваемых учебных заведений увеличилась в начале 1970-х гг. почти в 2 раза по сравнению с концом 1950-х гг. По данным за 6 лет, в училищах проходили обучение около 13 тыс. чел.

В Мурманской области число учащихся педагогического училища изменилось незначительно. Общее их число за 4 учебных года превысило 4,2 тыс. чел.

В Коми АССР количество учащихся педагогических и культурно-просветительного училища в конце 1980-х гг. увеличилось в 2,4 раза по сравнению с началом 1950-х гг. Заметное снижение данного показателя было зафиксировано в конце

¹⁴ Диаграммы сост. по: Архангельской области 60 лет: Крат. стат. справ. Архангельск, 1997. С. 31, 32; Архангельской области 65 лет: Стат. сб. Архангельск, 2002. С. 36, 37; Безносиков Я. Н. Указ. соч. С. 107; Карельская АССР в цифрах в 1976 году: Крат. стат. сб. Петрозаводск, 1977. С. 100, 101; Карельская АССР в цифрах в 1979 году: Крат. стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 112; Карельская АССР за 50 лет: С. 126, 130; Коми АССР 60 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1981. С. 95, 96; Коми АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Сыктывкар, 1976. С. 133, 134; Коми АССР за 50 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1971. С. 149, 150, 151; НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 12, 13, 72; Д. 5209. Л. 31, 32, 57; Д. 9921. Л. 133–135; Оп. 4. Д. 492. Л. 93–95, 116, 140; Д. 8523. Л. 97, 98; Народное хозяйство Архангельской области в двенадцатой пятилетке: Стат. сб. Архангельск, 1991. С. 87; Народное хозяйство Архангельской области в десятой пятилетке: Стат. сб. Архангельск, 1981. С. 200, 202, 205; Народное хозяйство Архангельской области в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Архангельск, 1986. С. 193, 195, 198; Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: Стат. сб. Архангельск, 1972. С. 187, 189, 190; Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: Стат. сб. Архангельск, 1976. С. 206, 208; Народное хозяйство Архангельской области. Архангельск, 1957. С. 130; Народное хозяйство Архангельской области. Вологда, 1962. С. 138, 140, 144; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. С. 170, 172; Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти. С. 156, 157–158; Народное хозяйство Вологодской области. С. 117, 118–119; Народное хозяйство Карельской АССР. Петрозаводск, 1972. С. 119, 120–121; Народное хозяйство Карельской АССР. Петрозаводск, 1985. С. 89; Народное хозяйство Коми АССР. С. 142, 144; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 460; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. М., 1960. С. 523; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. М., 1961. С. 496; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М., 1962. С. 530; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. М., 1965. С. 487; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М., 1965. С. 438; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. М., 1971. С. 435; Народное хозяйство РСФСР в 1971 году. М., 1972. С. 407; Народное хозяйство РСФСР в 1972 году. М., 1973. С. 455; Народное хозяйство РСФСР в 1973 году. М., 1974. С. 473; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. М., 1976. С. 456; Народное хозяйство РСФСР в 1977 году. М., 1978. С. 290; Народное хозяйство РСФСР в 1978 году. М., 1979. С. 290; Народное хозяйство РСФСР в 1979 году. М., 1980. С. 332–333; Народное хозяйство РСФСР в 1981 году. М., 1982. С. 299; Народное хозяйство РСФСР в 1983 году. С. 326, 327; Народное хозяйство РСФСР в 1984 году. М., 1985. С. 329, 330; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. М., 1986. С. 324, 325, 326; Население, культура, здравоохранение и труд в 1977 году: Стат. сб. Мурманск, 1978. С. 38–42; Население, культура, здравоохранение и труд в 1980 году. С. 54, 56, 59, 60.

Рис. 1. Численность учащихся средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры на Европейском Севере РСФСР, чел.

Fig. 1. The number of students in vocational colleges majoring in education and culture in the European North of Russia, number of people

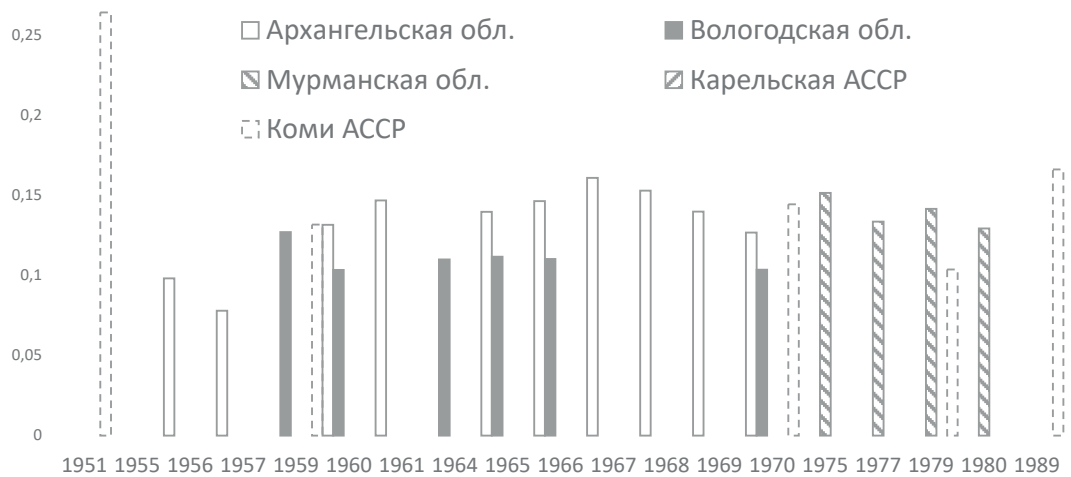

Рис. 2. Доля учащихся средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры в общем числе учащихся всех ссузов областей и республик Европейского Севера РСФСР, %

Fig. 2. The share of students vocational colleges majoring in education and culture to the total number of students in vocational colleges of regions and republics of the European North of Russia, %

1950-х гг. затем последовал его рост – к началу 1970-х гг. более чем в 4 раза. Общее число учащихся рассматриваемых учебных заведений в Коми АССР, по имеющимся данным за 5 лет, составило около 9 тыс. чел.

Доля учащихся средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры в общей численности учащихся всех средних специальных учебных заведений в отдельных областях и респуб-

ликах Европейского Севера РСФСР была невелика, что наглядно показывает рис. 2. Так, в Архангельской области она менялась в диапазоне от 7,79 до 16,08 %, в Вологодской – от 10,33 до 12,69, в Мурманской – от 12,92 до 15,13, в Коми АССР – от 10,36 до 26,39 %. В среднем по Европейскому Северу доля учащихся данной сферы составляла около 17 %, причем наибольший процент приходится на начало 1950-х гг.

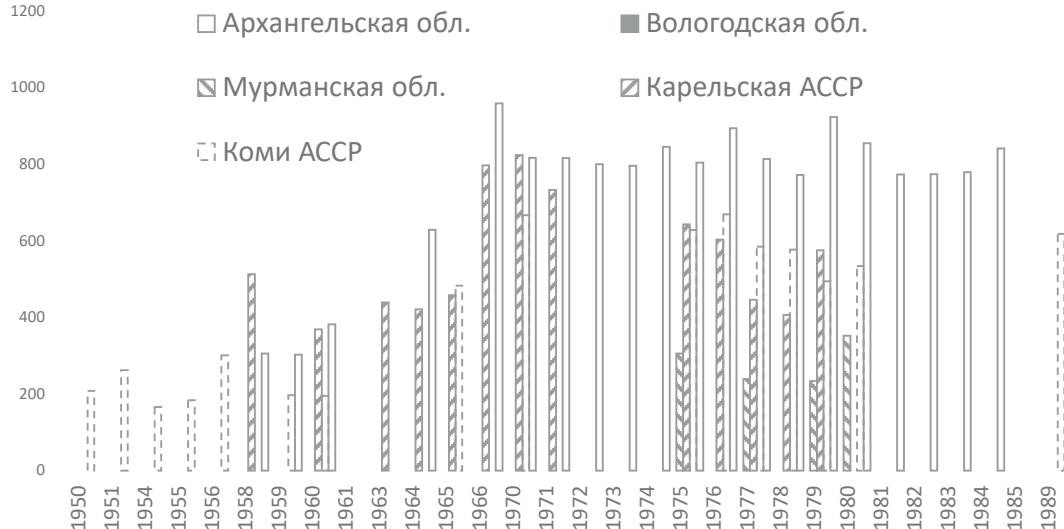

Рис. 3. Численность выпускников средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры на Европейском Севере РСФСР, чел.

Fig. 3. The number of graduates of vocational colleges majoring in education and culture in the European North of Russia, number of people

Рис. 4. Доля выпускников средних специальных учебных заведений сферы просвещения и культуры в общем числе выпускников всех ссузов областей и республик Европейского Севера РСФСР, %

Fig. 4. The share of graduates of vocational colleges majoring in education and culture to the total number of graduates of all secondary educational institutions of regions and republics of the European North of Russia, %

По информации, представленной на рис. 3, можно проследить динамику численности выпускников ссузов рассматриваемой сферы на Европейском Севере РСФСР, которая в целом повторяет вектор динамики количества учащихся.

Так, в Архангельской области данный показатель демонстрировал бурный рост с 306 чел. в 1959 г. до 959 чел. в 1970 г., после чего, с небольшими просадками, держался до конца исследуемого периода на уровне 770–920 чел. Численность выпуск-

ников рассматриваемых учебных заведений увеличилась к середине 1980-х гг. в 2,7 раза по сравнению с концом 1950-х гг. Наибольшее увеличение (в 3 с лишним раза) отмечено в начале 1970-х и в начале 1980-х гг. Количество подготовленных специалистов за 20 лет составило около 15 тыс. чел.

Мурманское педагогическое училище, по имеющимся данным за 4 года, выпустило от 230 до 350 чел. Общее число выпускников составило за это время более 1,1 тыс. чел.

Количество выпущенных специалистов сферы просвещения и культуры в Карельской АССР в начале 1970-х гг. возросло в 2,2 раза по сравнению с данными начала 1960-х гг., когда было зафиксировано их наименьшее значение в 369 чел. В целом же к концу 1970-х гг. число выпускников ненамного превышало показатель конца 1950-х гг. Значительное его снижение было зафиксировано в 1977/78 и 1978/79 учебных годах – до 446 и 406 чел. соответственно. Общее число выпускников в Карельской АССР, по данным за 13 лет, превысило 7 тыс. чел.

Численность выпускников учебных заведений рассматриваемой сферы в Коми АССР увеличилась в конце 1980-х гг. почти в 3 раза по сравнению с началом изучаемого периода, достигнув отметки 600 и более человек. Заметное снижение количества подготовленных специалистов отмечено в середине 1950-х и в конце 1950-х – начале 1960-х гг., что связано как с закрытием Усть-Вымского педагогического училища, так и с общими для Европейского Севера процессами реформирования системы образования. Тем не менее в середине 1960-х гг. анализируемый показатель продемонстрировал значительный рост – до 480 чел., а в начале 1970-х гг. он превысил 660 чел. Число выпускников педагогических и культурно-просветительного училищ, по данным за 16 лет, составило более 6,7 тыс. чел.

Доля выпускников учебных заведений сферы просвещения и культуры в общей численности выпускников всех средних специальных учебных заведений в отдельных областях и республиках Европейского

Севера РСФСР не была значительной, как и доля учащихся, и едва превышала 30 % в отдельные годы, в основном находясь на отметке 15–20 %, что видно на рис. 4. Так, в Архангельской области доля числа подготовленных специалистов в общей численности выпускников колебалась в диапазоне от 9,81 до 21,11 %, в Мурманской – от 14,62 до 22,35, в Карельской АССР – от 10,59 до 31,49, в Коми АССР – от 12,03 до 31,72 %.

Заключение

Как показало исследование, процессы реформирования системы среднего специального образования (в частности, сферы просвещения и культуры) в 1950-х гг. сказались на количестве подготовленных специалистов, число которых в это время заметно снизилось. В дальнейшем число учащихся и выпускников ссузов изучаемой сферы значительно возросло по сравнению как с началом изучаемого периода, так и с данными конца 1950-х – начала 1960-х гг., что указывает на поступательное развитие учебных заведений. Данные процессы прослеживаются как в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях, так и в финно-угорских республиках – Карельской и Коми АССР. Несмотря на рост анализируемого показателя, его доля в общем количестве учащихся и выпускников всех ссузов оставалась на достаточно низком уровне. Это свидетельствует о более масштабном развитии техникумов и училищ других сфер, на фоне которых доля числа учащихся и выпускников сферы просвещения и культуры не увеличивалась, несмотря на положительную динамику их численности. С другой стороны, положительный вектор динамики численности учащихся и выпускников рассматриваемой сферы свидетельствует о востребованности специалистов данного профиля в народном хозяйстве, поскольку набор и выпуск количества специалистов были в это время четко определены в планах развития как отдельных областей и республик, так и Европейского Севера и РСФСР в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархатова С. В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960): препр. докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит. и истории, 29 дек. 1988 г. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР, 1988. 39 с.
- Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 175 с.
- Дианов А. Г. Развитие сети вечерних и заочных отделений средних специальных учебных заведений в Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1958) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. С. 86–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28300497> (дата обращения: 17.05.2022).
- Золотарев О. В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы). Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2009. 133 с.
- Зусин А. Э. Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. Саранск: [Б. и.], 2006. 367 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
- История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. И. Б. Берхин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 560 с.
- История Коми с древнейших времен до современности: в 2 т. / под общ. ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 687 с.
- Киселев А. А. Родное Заполярье: очерки истории Мурман. обл. (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1974. 511 с.
- Мацук А. М. Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг. // Историческая демография. 2019. № 2. С. 63–66. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-63-66.
- Мацук А. М. Развитие системы средних специальных учебных заведений социального блока на Европейском Севере СССР (1950–1980-е годы) // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): сб. ст. Сыктывкар, 2016. С. 171–180.
- Мацук А. М. Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1. С. 101–109. URL: <http://www.hcpncr.com/journ4118/41-6.pdf> (дата обращения: 02.04.2022).
- Мацук А. М. Состояние системы среднего специального педагогического образования в Коми АССР перед реформой Н. С. Хрущева 1954–1964 гг. // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в Северном регионе: сб. ст. Сыктывкар, 2020. С. 104–110.
- Мацук А. М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н. С. Хрущева в СССР) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сер.: История и филология. 2021. № 4. С. 79–87. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-79-87.
- Обухова Н. И. Государственная политика в области высшего и среднего образования в 1946–1956 гг. (по материалам Удмуртской Республики) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: сб. материалов конф. Глазов, 2005. С. 172–173.
- Огневщиков В. В. Среднее специальное образование в Курской области в середине 1950-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2. С. 82–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19084859> (дата обращения: 17.05.2022).
- Очерки истории Архангельской организации КПСС / ред. кол.: Ф. В. Виноградов [и др.]. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970. 303 с.
- Очерки истории Вологодской организации КПСС / Н. В. Лебедев, В. А. Дмитриев, П. А. Зиновьев и др. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. 688 с.
- Петранцова И. А. Среднее педагогическое образование Вологодской области: история и современность // Источник. 2007. № 3. С. 4–7.
- Сойников А. А. Средняя специальная гуманитарная школа России в 1960–1991 гг.: основные тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2. С. 82–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14871009> (дата обращения: 17.05.2022).
- Сухарев А. И. Социальный облик советской Мордовии: состояние, тенденции развития. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 191 с.

Поступила 27.11.2021; одобрена 11.01.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. М. Мацук – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, almmatsuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>

Vocational education institutions of the sphere of education and culture in the European North of Russia in the 1950s – 1980s

Alexander M. Matsuk

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The Soviet system of education and cultural services for the population needed substantial number of personnel, which included preschool teachers, primary school teachers, librarians, and club workers. These mid-level specialists were trained mainly by regional colleges. The article presents a study of the vocational educational institutions that trained specialists for educational and cultural institutions, as part of the system of vocational education in the European North of Russia.

Materials and Methods. The research is based on the principles of research objectivity, historicism and reliability. The main research methods applied for the archival documents and statistical materials were statistical analysis and comparison.

Results and Discussion. The analysis of the statistical data used in the study made it possible to compile registers of vocational educational institutions that trained specialists for the field of education and culture in the European North of Russia in the 1950s – 1980s. Based on the information available in the central and regional statistical collections, as well as in the statistical reporting of the vocational educational institutions under consideration, it was possible to trace the dynamics of the number of students and graduates of technical schools and schools in the field of education and culture, to identify shares in the total number of students and graduates of all secondary specialized educational institutions by regions of the European North of Russia, including two Finno-Ugric republics, Karelian and Komi.

Conclusion. The reform of vocational education in the 1950s had a negative impact on the number of trained specialists in the field under study. In the future, their number increases significantly, which indicates the progressive development of colleges in the studied area. Despite the positive dynamics of the number of students and graduates, their share in the total number throughout the system of secondary specialized education in the European North of Russia remains at a low level. Nevertheless, the positive vector of the dynamics of their numbers indicates the demand for specialists of this profile in the national economy of the studied regions, as well as the Finno-Ugric republics located within the boundaries of the territory of the European North of Russia.

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the research topic of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center "Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences".

Keywords: secondary special education, education and culture, European North of the Russia, dynamics of the number, 1950s – 1980s

For citation: Matsuk AM. Vocational education institutions of the sphere of education and culture in the European North of Russia in the 1950s – 1980s. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:196–206. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.196-206.

REFERENCES

1. Barkhatova SV. Training and staff of specialists of higher and secondary qualifications in Karelia in the post-war years (1945–1960). Preprint of the report at the meeting of the Academic Council of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Petrozavodsk; 1988. (In Russ.)
2. Beznosikov IaN. Development of public education in the Komi ASSR. Syktyvkar; 1973. (In Russ.)
3. Dianov AG. Developing the network of evening and distant-learning departments of secondary special educational institutions in Western Siberia in the post-war period (1946–1958). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2017;2:86–90. URL: <https://elibrary.ru/item>.

- asp?id=28300497 (accessed 17.05.2022). (In Russ.)
4. Zolotarev OV. Public education in the Komi Republic (1941–2009). Syktyvkar; 2009. (In Russ.)
 5. Zusin AE. Sociocultural development of Mordovia. The second half of the 1960s – the middle of the 1980s. Saransk; 2006. (In Russ.)
 6. Korablev NA at al., eds. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk; 2001. (In Russ.)
 7. Berkhin IB, ed. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. Syktyvkar; 1978. (In Russ.)
 8. Žherebtsov IL, Popov AA, Smetanin AF, eds. The history of Komi from ancient times to the present. Syktyvkar; 2011;2. (In Russ.)
 9. Kiselev AA. Native Arctic. Essays on the history of the Murmansk region (1917–1972). Murmansk; 1974. (In Russ.)
 10. Matsuk AM. The dynamics of the number of students in secondary specialized institutions in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s. *Istoricheskaja demografiia* = Historical demographics. 2019;2:63–66. (In Russ.). DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-63-66.
 11. Matsuk AM. Development of the system of secondary specialized educational institutions of the social block in the European North of the USSR (1950s – 1980s). *Sotsiokul'turnaia dinamika rossiiskoi severnoi provintsii: istoriia i sovremennost' (na materialakh Respubliki Komi): sb. st.* = Socio-cultural dynamics of the Russian northern province: history and modernity (on the materials of the Komi Republic). Collection of articles. Syktyvkar; 2016:171–180. (In Russ.)
 12. Matsuk AM. Education reform of the second half of the 1950s and secondary specialized education in the European North of the RSFSR. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* = Historical and cultural problems of northern countries and regions. 2018;1:101–109. URL: <http://www.hcpncr.com/journ4118/41-6.pdf> (accessed 02.04.2022). (In Russ.)
 13. Matsuk AM. The state of the system of secondary specialized pedagogical education in the Komi ASSR before the reform N. S. Khrushchev in 1954–1964. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi, obshchestvenno-politicheskimi i sotsiokul'turnymi protsessami v Severnom regione: sb. st.* = Management of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes in the Northern region. Collection of articles. Syktyvkar; 2020:104–110. (In Russ.)
 14. Matsuk AM. Secondary special pedagogical education in the Komi ASSR in the mid-1950s – early 1960s (on the problem of the effectiveness of N. S. Khrushchev's education reform in the USSR). *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Ser.: Istorii i filologii* = Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series: History and Philology. 2021;4:79–87. (In Russ.). DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-79-87.
 15. Obukhova NI. State policy in the field of higher and secondary education in 1946–1956 (Based on materials from the Udmurt Republic). *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Urala i Povolzh'ia: istoriia i sovremennost': sb. materialov konf.* = Material and spiritual culture of the peoples of the Urals and the Volga region: history and modernity. Collection of conference materials. Glazov; 2005:172–173. (In Russ.)
 16. Ognevshchikov VV. Secondary specialized education in the Kursk region in the mid-1950s. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2013;2:82–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19084859> (accessed 17.05.2022). (In Russ.)
 17. Vinogradov FV at al., eds. Essays on the history of the Arkhangelsk organization of the CPSU. Arkhangelsk; 1970. (In Russ.)
 18. Lebedev NV at al. Essays on the history of the Vologda organization of the CPSU. Vologda; 1969. (In Russ.)
 19. Petrantsova IA. Secondary pedagogical education in the Vologda region: history and modernity. *Istochnik* = Source. 2007;3:4–7. (In Russ.)
 20. Soinikov AA. Secondary special humanitarian school of Russia in 1960–1991: main development trends. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2010;2:82–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14871009> (accessed 17.05.2022).
 21. Sukharev AI. Social appearance of Soviet Mordovia: state, development trends. Saransk; 1980. (In Russ.)

Submitted 27.11.2021; reviewing 11.01.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. M. Matsuk – Candidate Sc. {History}, Head of Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, almmatsuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>

«Древесная» символика в декоративном убранстве удмуртского костюма: истоки, бытование, смысл

Людмила Анатольевна Молчанова

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия

Введение. В статье анализируется семантика древовидных фигур традиционного женского костюма. Целью работы является определение истоков этого образа в удмуртской орнаментике.

Материалы и методы. В работе использован метод структурно-семиотического анализа, позволяющий рассматривать костюмный орнамент как знаково-символическую систему.

Результаты исследования и их обсуждение. Два первообраза, возникшие еще в период формирования человеческой ментальности, – женщина и тотемный зверь – легли в основу мифопоэтического символа мирового дерева. Комплекс удмуртского воршуда сконцентрировал в себе и сохранил отголоски древнейшего культа женщины-прародительницы, наделенной тотемным именем. Каждый удмуртский род имел свое воршудное имя. Это имя было связано с природным тотемом, принадлежало женщинам рода и передавалось из поколения в поколение по женской линии. Воршудным именем называлась и родовая территория, и ее сакральный центр – воршуд в святилище куа. Воршуд демонстрирует две ключевые идеи мирового дерева: связь, преемственность поколений и центр родовой территории.

Заключение. В ходе исследования выявлена связь «древесных» символов костюмного орнамента с культом удмуртского воршуда и символикой мирового дерева. Тем самым выявлены истоки и семантика «древесных» символов в удмуртском костюмном орнаменте.

Ключевые слова: костюмный орнамент, материнский тотем, воршуд, родовое дерево, мировое дерево

Для цитирования: Молчанова Л. А. «Древесная» символика в декоративном убранстве удмуртского костюма: истоки, бытование, смысл // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 207–222. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.207-222.

Введение

Объектом настоящего исследования стало декоративное оформление удмуртского традиционного костюма, в частности геометризованные изображения деревьев, обладающие несомненным «лидерством» в общей массе костюмных узоров. Цель работы – определить истоки образа дерева в удмуртской орнаментике, рассмотреть его «бытование» на орнаментированных вещах костюма в обрядовой практике, а также, что не менее важно, выявить и объяснить связь этого образа с воршудным комплексом удмуртов и символикой мирового дерева.

Актуальность изучения образов народного искусства и костюма как этнического маркера, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Особенно остро эта проблема стоит сегодня, когда наш мир так стре-

мительно меняется, когда традиционные ценности и моральные устои нивелируются, причем в глобальном масштабе. Усиливается разобщенность между людьми и целыми народами. Противоестественные отношения между полами становятся нормой. Обесцениваются понятия матери и отца, считавшиеся священными в любой этнической культуре.

Гармония, соразмерность, пропорциональность, целостность – эти принципы классической композиции, которые мы наблюдаем в народной одежде, сегодня в модном костюме встречаются крайне редко. Современная мода «всеядна», эклектична и парадоксальна – таков закон моды, она отражает время. Народной же одежде свойственны природосообразность, обращенность к человеку, начиная с выбо-

ра материала и заканчивая узорами. Поэтому так важно в наше непростое время «держаться корней», обращаться к опыту предков, к традиционным ценностям, имеющимся у каждого народа.

Об удмуртском традиционном костюме и орнаменте, а также о воршудном комплексе как уникальном явлении религиозной обрядности удмуртов писали многие исследователи начиная с середины XVIII в. Однако эти два понятия – *воршуд* и «*древесная*» символика костюмно-го орнамента – никогда не соотносились между собой, не рассматривались в таком именно ключе и не объединялись одной темой. Полагаем, однако, что священные понятия единства и межпоколенной связи членов рода-воршуда «записаны» в костюмных орнаментах в виде древесных фигур. Женщина-знаконосец (а именно женский костюм сохранил древнюю символику), создавая и демонстрируя в обрядах рукотворные узоры своей одежды, хранила и передавала эти священные родовые понятия новым поколениям.

В статье впервые поставлен вопрос о происхождении такого универсально-распространенного мифопоэтического символа, как мировое дерево. По мнению самого авторитетного исследователя этого образа В. Н. Топорова, мировое дерево – ведущая, а нередко единственная тема искусства до возникновения мировых религий [30, 212]. В качестве архетипа мировое дерево существовало в культуре всегда и до сих пор присутствует в умах современников. «Древесные» схемы сегодня широко применяются в науке (лингвистике, математике, кибернетике, химии, экономике, социологии и т. д.), т. е. там, где рассматриваются процессы «ветвления» из некоего единого «центра». Многие системы управления, подчинения, структуры власти, социальных отношений, используемые в настоящее время, восходят к схеме мирового дерева.

В многочисленных публикациях, посвященных образу мирового дерева, вопрос о его истоках, его глубинных корнях пока не ставился. В основном дерево связывается с культом растительности, с почитанием священных деревьев и священных рощ как языческих святилищ. «Докопаться»

до истины может помочь удмуртский воршуд, сохранивший черты глубокой архаики. Дело здесь не в «древесном» символе как таковом, здесь важны ключевые идеи, которые несет этот образ. Именно воршуд ярко демонстрирует в ритуалах и мифологии две ключевые идеи образа мирового дерева: идею преемственной связи поколений и идею священного центра.

Обзор литературы

Этнографическое изучение орнаментированной одежды удмуртов началось в XVIII в. Однако впервые орнамент традиционного костюма был выделен в качестве специального объекта исследования только в 50-е гг. XX в. В. Н. Белицер. Следующей этапной работой по проблеме орнамента и костюма удмуртов был альбом-монография Т. А. Крюковой «Удмуртское народное изобразительное искусство» (1973). Этот фундаментальный труд сконцентрировал в себе все, что было достигнуто в области исследования традиционного искусства удмуртов ко времени его издания. Результатом многолетних изысканий художника-этнографа С. Н. Виноградова явились его статьи и книга «Удмуртская народная одежда» (1974).

В 1980-х гг. изучением удмуртской вышивки и ткачества занимались Л. И. Савельева и Н. И. Королева. Л. А. Волкова исследовала состав и композицию украшений из монет в костюме южных удмуртов. Альбомы и статьи профессора К. М. Климова освещают проблему орнаментики удмуртской одежды с искусствоведческих позиций (1979; 1988). В 2001 г. профессор В. В. Напольских опубликовал удмуртские материалы немецкого ученого-путешественника XVIII в. Д. Г. Мессершмидта с подробным описанием предметов женского костюма и их названий. В 2006 г. издана книга Л. А. Молчановой «Удмуртский народный костюм (история и символика)».

В последнее время значительно расширила базу изучения народной одежды удмуртов историк-этнограф, научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики имени Кузеева Герда С. Х. Лебедева. В 2008 г. вышла в свет ее книга «Удмуртская народная одежда», а в 2009

издан богато иллюстрированный альбом «Удмуртская народная вышивка». В нем широко представлены орнаментированные изделия из фондов музея. М. Г. Атаманов, занимаясь проблемой происхождения удмуртского народа, в своих трудах значительное место отводит истории формирования костюмных комплексов удмуртов. И. А. Косарева на основе анализа кроя и декоративного оформления традиционного костюма решает проблемы расселения отдельных этнических групп удмуртов. В 2020 г. издан фундаментальный труд этого автора – альбом-монография «Искусство узорного ткачества удмуртского народа».

Описание обрядового использования деталей женской одежды можно встретить в работах этнографов XIX в. А. И. Емельянова, Г. Е. Верещагина, Н. Г. Первухина, И. В. Васильева, С. А. Багина. Отчасти эта проблема затрагивалась в трудах современных исследователей Л. С. Христороубовой, профессора В. Е. Владыкина, Г. А. Никитиной. В 2017 г. в Ежегоднике финно-угорских исследований (Т. 11, вып. 3) была опубликована статья доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН А. К. Салмина, посвященная орнаментации и использованию в обрядах свадебных платков народов Среднего Поволжья и Приуралья, находящихся в коллекции музея. В 2020 г. в том же издании (Т. 14, вып. 1) – статья Л. А. Молчановой «Удмуртская одежда в народных обрядах».

Тема мирового дерева в силу общечеловеческой универсальности этого образа начиная со второй половины XIX и на протяжении всего XX в. занимала умы многих исследователей фольклора, лингвистов, семиотиков, религиоведов, этнологов, искусствоведов, культурологов. Можно назвать имена таких крупных ученых, как А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин, Б. А. Латынин, В. Я. Пропп, В. А. Городцов, Б. А. Рыбаков, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. К. Байбурин и др. В настоящее время интерес к этой теме не ослабевает.

Н. А. Красс исследует концепт дерева на материале мифологии, фольклора и

поэзии. Она делает акцент на дереве как явлении природы, противопоставляя его миру культуры. По ее мнению, истоки сакрализации дерева связаны с растительным тотемизмом, возникшим в древности и закрепившимся в традиции [14].

Многочисленные исследователи отмечают огромную роль удмуртской женщины в культе воршуда, ее высокий статус в прошлом, активное участие в обрядовой жизни. Атрибуты женской одежды с «древесной» символикой становились неотъемлемой частью ритуальной практики и веками хранились в куале как святыни. Таким образом, удмуртская традиция в культе воршуда сохранила древнейшие представления человечества: почитание женщины-матери, имеющей природное имя.

Н. В. Рябов в статье «Образ мирового дерева как опора мироздания финно-угорского народа» подчеркивает значение леса как источника пропитания человека и всех его материальных благ. Он связывает языческий пантеон богов мордвы с образом мирового дерева, места их обитания, и этим объясняет поклонение деревьям как священным. Автор замечает, что благодаря культурной традиции космологическая модель мира сохраняется в общественном сознании, причем не только финно-угров, до сих пор. Она проявляется в разных областях социальной практики: языческой обрядности, в идеалах и принципах мировых религий, семантике изобразительного искусства, организации социального пространства, сюжетных мотивах массовой культуры [26].

О. К. Михельсон, Н. С. Поляков, К. П. Тимченко исследуют символику образа дерева в популярной культуре современности. Объектами исследования стали художественные фильмы, фантастические романы и ролевые компьютерные игры. Авторы подчеркивают, что высокий семиотический статус образа мирового дерева, закрепленный традици-

ей, сохраняется и при переносе его в пространство современной культуры [21].

Многие исследователи изучают символику мирового дерева на примере отдельных этносов. Так, Т. В. Волдина пишет о древе жизни в традиционной культуре обских угров [7]. Н. В. Мартынова исследует символично-мифологический образ мирового дерева в традиционной культуре народов Приамурья [19]. Ф. М. Таказов обращается к теме мирового дерева в осетинской мифологии [29]. И. М. Денисова, рассматривая семантику мирового дерева как ведущего образа русской народной вышивки, соотносит «древесный» символ с женским персонажем и называет этот образ фито-антропоморфным [9].

Список авторов, пишущих о мировом дереве в традиционном ключе, можно продолжить. В то же время некоторые ученые скептически относятся к общепризнанному и устоявшемуся в науке мнению о символике мирового дерева. В 2012 г. этой теме был посвящен специальный выпуск журнала «Этнографическое обозрение». В ряде статей авторы подвергают сомнению универсальность образа мирового дерева. Например, Ю. Э. Березкин считает, что в большинстве мифологий мирового дерева нет, а часто встречающиеся параллели в разных культурных традициях еще ничего не доказывают [3, 14]. В. В. Напольских, возражая против широкого понимания символа мирового дерева, не допускает и его вариантов, таких как ось мира, мировой столп, мировая гора, лестница и т. д. Автор пытается доказать, что на уральском языковом материале концепция мирового дерева не подтверждается, выделяет признаки, соответствующие, по его мнению, этой концепции, и на их основании решает, характерен образ мирового дерева для той или иной традиции или нет. В существовании данного образа он отказывает венграм, селькупам, прибалтийским финнам, саамам, а его присутствие объясняет историческими заимствованиями. Признавая существование образа мирового дерева в мордовском фольклоре, доказанное многочисленными исследователями до него, В. В. Напольских утверждает, что именно эти традиции испытали интенсивное и про-

должительное индоевропейское (арийское, иранское, балтийское и славянское, вплоть до позднейшего русского) влияние [22, 24].

Таким образом, существует точка зрения, не допускающая самостоятельное зарождение идеи мирового дерева в этнических традициях уральских народов. В настоящем исследовании на примере картины мира удмуртов, в частности уникального воршудного комплекса, мы попытаемся доказать обратное.

Об удмуртском воршуде написано достаточно много. Обряды, связанные с ним, всегда вызывали неподдельный интерес ученых как в XIX, так и в XX в. О культе воршуда писали Н. Г. Первухин, И. Н. Смирнов, М. Г. Худяков, Д. К. Зеленев, П. М. Сорокин, Н. П. Рычков, И. Г. Георги, П. Н. Луппов, Б. Г. Гаврилов, П. М. Богаевский, М. О. Косвен и др.

Самыми авторитетными из современных исследователей воршудного комплекса являются, на наш взгляд, М. Г. Атаманов и В. Е. Владыкин, которые на основе описаний ученых-этнографов XIX в. дали этому явлению исчерпывающую характеристику. Само слово *воршуд* они производят от глагола *вордыны* 'родить, растить, хранить, оберегать' + *шуд* 'счастье', что буквально означает 'хранитель счастья'. Воршудный комплекс сохранил в себе черты древнейших религиозных социальных систем человечества, по сути, пережитки культа женщины-прародительницы, наделенной тотемным именем. Каждый удмуртский род имел воршудное имя. Это имя было связано с природным тотемом (*Какся* – 'цапля', *Юсь* – 'лебедь', *Докья* – 'глухарь' и т. д.), принадлежало женщинам рода и передавалось из поколения в поколение по женской линии [1, 558].

Достаточно долго данная точка зрения считалась единственно верной. В настоящее время ее пытается опровергнуть старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН В. С. Чураков. В частности, он не приемлет подкрепленное огромным этнографическим материалом положение М. Г. Атаманова и В. Е. Владыкина о том, что основой культа воршуда являются тотемизм и матриархат.

Новую теорию матриархата предложил профессор С. Г. Фатыхов. В его понимании матриархат – это не абсолютная власть женщин, а социобиологическая дородовая система, основанная на приоритете женщины-матери. Первичный матриархат возник еще в первобытной орде. Тотемизм – древнейшая в истории система классификаций, позволяющая отличать один человеческий коллектив от другого. Каждый такой коллектив имел свое тотемное имя, и одновременно это было имя матери, которое сохранялось в поколениях и передавалось по женской линии. Именно мать, наделенная тотемным именем, являлась символом единства группы. С. Г. Фатыхов называет это имя материнским тотемом, помогавшим первобытным людям ориентироваться в системе родства [31]. Отголоски таких представлений сохранил удмуртский воршуд.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили коллекции одежды удмуртов из музеев республики, Российского этнографического музея, а также литературные источники по теме и их иллюстративный материал.

В работе за основу взят структурно-семиотический метод исследования. Традиционный костюм и его орнаментация здесь рассматриваются как знаково-символическая система, своеобразный текст, несущий информацию о носителе и требующий прочтения. Выбранный метод предполагает три аспекта исследования: синтактику, прагматику и семантику. Синтактика посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, структуры сочетаний знаков. Прагматика изучает отношения между знаковой системой и теми, кто ее воспринимает и использует. Семантика интерпретирует знаки и знакосочетания, выявляя их содержание, смысл. Таким образом, выбранный метод позволяет не только выделить основные структурные элементы и композиции костюмных орнаментов, но и рассмотреть использование орнаментированных деталей одежды в обрядах, что, в свою очередь, значительно облегчает их «прочтение». В работе также использован историко-гене-

тический подход, который предполагает изучение явления с самого начала в его историческом развитии. Чтобы познать суть процесса, необходимо обратиться к его истокам. По словам И. В. Гете, видеть, как возникает какое-либо явление, – лучший способ понять его.

Результаты исследования и их обсуждение

Мировое дерево как архетип

Мифопоэтическое сознание конструирует знаковые комплексы как средство освоения мира, как средство «космологизации» пространства и времени, как средство борьбы с энтропическими тенденциями «снашивания» мира. Эта «космологизация» проявляется в религиозно-обрядовой жизни традиционного коллектива, в символике жилых построек и культовых мест, в организации интерьера, в узорах и общей архитектонике костюма.

Одним из наиболее распространенных мировоззренческих комплексов является мировое дерево. Все его элементы и признаки архетипичны. Мировое дерево произрастает в сакральном центре мира, при членении его по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) зоны Вселенной. В ветвях обитают птицы, со средней частью дерева связаны копытные, в корнях помещаются чудовища хтонического типа. В горизонтальной схеме мирового дерева В. Н. Топоров реконструирует четырехчастную плоскость (квадрат, мандала), определяемую двумя координатами – слева направо и спереди кзади. В центре этой горизонтальной плоскости находится главное дерево, а по четырем углам – частные мировые деревья или мифологические персонажи, персонификации стран света. В отличие от трехчленной вертикали, выражающей динамический аспект, четырехчастная горизонтальная структура мирового дерева образует статическую целостность, идеально устойчивую структуру [30]. Кроме сакрализации пространства образ мирового дерева соотносится с общей моделью брачных отношений, с преемственной связью поколений, генеалогией рода.

Автор теории архетипов К. Г. Юнг характеризует архетип как концентрацию доисторического опыта человечества [34, 131]. Во всех мифологиях мира есть понятие мифического времени. Именно мифическое время (правремя), предшествующее историческому, – источник архетипических первообразов. Самые важные события, идеи, образы того времени, повторяясь миллиарды раз в поколениях, прочно «впечатались» в мозг человека в виде архетипов.

Священные понятия единства и межпоколенной связи членов рода-воршуда «записаны» в костюмных орнаментах в виде древесных фигур. Женщина-закононосец (а именно женский костюм сохранил древнюю символику), создавая и демонстрируя в обрядах рукотворные узоры своей одежды, хранила и передавала эти священные родовые понятия новым поколениям.

Чтобы выразить сущность архетипа, по выражению К. Г. Юнга, пригоден лишь язык символов. Мать рожающая и тотемный зверь – первые символы человечества как воплощение изначальных принципов выживания: питаться и плодиться. Они существовали сразу и первыми, когда еще не сформировались более сложные концепции, в том числе мирового дерева. Как пишет К. Г. Юнг, образ матери – доминанта коллективного опыта, чрезвычайно древнего (матриархат) и актуального (реальная мать) одновременно [35, 162]. Женщина рожающая изначально связана с тотемом. Материнский тотем, символ, общее имя совместно проживающих в группе людей, объединял их и в то же время отличал от подобных соседних. Это до сих пор остается одной из важных функций национального орнамента. Родной узор одновременно объединяет и отличает от других этносов.

Важно понять, каким же образом первобытный материнский тотем становится деревом жизни, универсальным мифопоэтическим комплексом. О культе женщины в

праистории писали многие исследователи [28; 31; 39]. Обратимся к наглядным примерам – наскальным рисункам и скульптурам каменного века как к неоспоримым историческим артефактам. Образы европейского палеоискусства недвусмысленно говорят нам о культе женщины-матери и тотемного зверя. Реалистические изображения зверей, многократно превосходящие изображения человека, нередко сопровождаются знаками женского пола. Женская плодовитость, по представлениям древних, распространялась и на промысловую дичь. Статуэтки женщин с подчеркнутыми половыми признаками археологи во множестве находят в культурных слоях палеолита.

Сюжеты с участием женщины и зверя обнаружены исследователями азиатских петроглифов. В частности, Э. А. Новгородова, проработав огромный материал по наскальным рисункам Центральной Азии и сравнив их с образами европейской палеолитической графики, пришла к выводу, что сходны не только сюжеты, но даже начертания символов и знаков [23, 28]. То есть речь идет о какой-то единой мировоззренческой основе первобытных человеческих коллективов, обитавших на огромной территории от Пиренеев до современной Монголии.

Исследователи петроглифов, подтверждая наличие культа женщины-матери и зверя-тотема, единодушно заявляют о нераздельности этих образов в сознании древнего человека [10; 16; 27 и др.]. Кроме того, они указывают на часто встречающуюся наскальную композицию в виде вертикальной цепочки рожающих женщин, где ноги одной являются одновременно руками другой, а ноги этой – руками следующей и т. д. Такую вертикаль из рожающих женщин в качестве архетипа фиксирует, например, современная исследовательница мифов К. П. Эстес [36, 19]. Образующийся своеобразный «ствол» из рожениц Э. А. Новгородова назвала символическим изображением дерева жизни по материнской линии [23, 28]. Исследователи петроглифов, считая образ матери-прародительницы общечеловеческим сюжетом, именуют подобные композиции

графическим отражением идеи созидającego женского начала, обеспечивающего бессмертие рода.

На наш взгляд, эти «стволы» родовых деревьев и послужили основой образа мирового дерева. Из материнских деревьев отдельно взятых родовых коллективов возник общечеловеческий универсальный мифопоэтический образ. Сходство сюжетов и способов передачи одной и той же идеи, конвергентно возникшей на диаметральных концах Евразии, свидетельствует об одинаковых путях развития и сложения древнего мифа, зафиксированного в символических изображениях копытных и женщин-прародительниц. В этом состоит один из главных выводов, вытекающих из анализа древнейшего пещерного искусства [23, 30].

Воршуд – древний мифопоэтический комплекс удмуртов

Уникальное явление удмуртского воршуда дает нам возможность проследить происхождение такого важнейшего мифопоэтического образа, как мировое дерево. Две его основные идеи: сакрализация пространства и преемственная связь поколений – вмещает в себя и наглядно демонстрирует воршудный комплекс. Понятие *воршуд* многогранно, оно включает в себя комплекс религиозных представлений, ритуалов, культовых атрибутов. Это и воршудный короб в святилище *куа*, и семейно-родовое божество, и сам род, все его члены, соединенные кровными узами, включая предков и потомков.

Воршудные имена являются одновременно и названиями населенных пунктов, в прошлом родовых территорий. Обитаемая земля для человека архаического коллектива – это и есть весь Космос, а воршуд в святилище *куа* – сакральный центр освоенной территории, неподвластной хаосу.

Во всех мифологических системах древний культ рождающей женщины со временем становится основой образа богини-матери. Согласно теории В. Я. Проппа, богиня-мать ведет свое происхождение от тотемного предка по женской линии [24, 110]. В эпоху, когда осно-

вой хозяйства был охотничий промысел, считалось, что женщина может влиять на успех охоты, способствуя плодovitости промыслового зверя, равно как и членов рода. Л. Я. Штернберг утверждал, что все богини – великие матери первоначально были хозяйками охоты и диких зверей [32, 385].

Известно, что покровительствующее земледелию удмуртское божество Кылдысин мужскую ипостась обрело позднее. По сведениям этнографов, это древнейшее божество удмуртов имело женскую природу, его этимология восходит к древнепермским языкам и означает плодono-сящую, творящую женскую силу [6, 181]. Кылдысин, как и все древние богини, могла влиять на успех охоты. Д. К. Зелениным зафиксирован обряд ежегодной смены хранящихся в воршудном коробе вещей: «Рыбаки и охотники клали в это время в короб-воршуд кто рыбку, кто белку, кто гусяного пуху, пера, березовых листков, прося у бога удачи всяк в своем промысле» [12, 120]. По легенде, богиня покинула землю, но охотники упростили Кылдысин вернуться к людям, и она предстала перед ними сначала в образе красной белки, скачущей по стволу березы, затем превратилась в рябчика, после – в тетерева и, наконец, окунем исчезла в водных глубинах. Своим шаманским путешествием по трем мирам: верхнему, среднему и нижнему – Кылдысин как бы обозначила структуру Вселенной, символически хранимую в воршудном коробе. По традиции в священном коробе родового святилища обязательно должны быть шкурка белки, крылья тетерева, хвост рябчика и сушеная рыбка, словно иллюстрация путешествия родовой богини. Хранители воршуда интуитивно (или сознательно?) выстраивали вертикальную модель мирового дерева с птицами наверху, рыбами внизу и белкой-медиатором между ними.

Синонимом воршуда является слово *мудор*. Это понятие М. Г. Атаманов объясняет следующим образом: «Му – главная богиня рода, она воршуд – рождающая и охраняющая счастье своих потомков. Для нее и в честь ее заслуг строили ей “дор” –

Рис. 1. Прорезная бляха «Богиня в окружении животных»

Fig. 1. Slotted plaque “Goddess surrounded by animals”

Рис. 2. Обрядовый пояс «зар»

Fig 2. Ritual belt “zar”

дом, обиталище. “Мудор” – это дом, обиталище матери, впоследствии названный “куа” или “куала” – святилище. Первоначально этим обиталищем могло быть какое-нибудь потайное место, которое было укрыто от взора непосвященных. У древнеудмуртских родов, жителей лесной полосы, подобными тайниками мог-

ли служить дупла деревьев» [1, 83]. Под деревом-мудором и строили куалу – главное святилище рода, четыре стены вокруг дерева, первоначально без крыши.

Но *воршуд-мудор* – не только растительный символ, это понятие полисемантическое, идущее из глубокой древности, оно включает в себя многие поколения матерей – носительниц родового начала и бесконечный ряд тотемных существ, множась с каждым новым брачным союзом. Культ женского божества и его связь с тотемизмом зафиксированы в пермском зверином стиле, искусстве культового литья древнепермских племен – предков коми и удмуртов. Прорезные бляхи «Богини в окружении животных», датируемые VI–VII вв., по сути, выражают ту же идею рождения, плодородия и связи поколений. Эта идея передается многочисленными повторениями расположенных друг над другом лосиных, птичьих, змеиных голов по обеим сторонам богини (рис. 1).

Семиотика костюмного орнамента

Из множества «древесных» символов удмуртского костюмного орнамента в настоящей работе будут рассмотрены только три элемента женской традиционной одежды, самые важные по семиотическому статусу: головной убор, нагрудник и пояс. Именно голове, груди и пупу традиционное сознание отводит центральное место в телесной топографии.

Женщина – законодатель традиционного общества, сохраняющий и передающий из поколения в поколение не только воршудное имя, но и священные символы рода в украшениях костюма. Самые архаичные и самые значимые (например, свадебные) узоры традиционной одежды несут в себе именно воршудно-родовую символику. Они изображают родовое дерево и творящую женскую силу – родовое божество. Удмуртка, выходя замуж, оказывалась под покровительством сразу двух воршудов и в брачной церемонии соединяла в своем костюме символику двух брачующихся родов. Яркий пример этого – вышитая композиция и обрядовое использование пояса «зар», на котором традиционно вышивались три дерева, и центральное,

крупное, часто приобретало черты женской фигуры (рис. 2).

По центру ствола среднего дерева вышивка разрезалась, ее рисунок восстанавливался только тогда, когда пояс в свадебном обряде завязывали на невесте, таким образом соединяя символы двух родов (деревья) в трехчастную композицию. В данном случае гарантом и символом продолжения жизни служит центральное дерево – женщина. Невеста, сочетая на своем детородном чреве символы двух родов, обещала продолжить жизнь в новых поколениях.

Пояс «зар» использовался не только в свадебном ритуале. В конфликтных ситуациях на меже, разделявшей родовые территории, удмурты проводили обряд, в котором разрывали пояс «зар», навсегда разделяя вышитые на нем родовые символы.

Трехчастная композиция с богиней-деревом в центре и двумя зеркально отраженными символами по бокам известна не только удмуртам, но и марийцам, коми, мордве, чувашам и другим народам. Она же составляет основной сюжет русской архаической вышивки. Данная композиция всюду связана со свадебным обрядом и вышивается на одежде невесты и женской одежде брачного периода. Эта орнаментальная схема обрела статус символической конструкции, представляя наиболее значимые, существенные, определяющие моменты социальной жизни традиционного коллектива. Главная концепция свадебного обряда – соединение двух родов – выражает принцип существования традиционного общества, построенного на основе дуально-родовой организации, общества, в котором первоначально два взаимообращающихся родовых коллектива существовали один за счет другого. Исследователи называют это законом социальной симметрии, который мог быть явно или неявно выражен, но подспудно присутствовал в любом доклассовом обществе. Закон социальной симметрии, первоначальная структура племени, принцип существования первобытного социума, на наш взгляд, орнаментально закодированы в трехчастной композиции.

Данный сюжет декоративного искусства распространен буквально по всему свету. Тотемными символами родов, расположенными по бокам центральной фигуры, могут быть птицы, кони, олени, всадники, деревья, кошачьи хищники или просто два геометрических знака. По теории А. М. Золотарева, дуально-родовая организация – готовый «трафарет» для символических классификаций, а мифологический дуализм берет начало в бинарном устройстве первобытного общества [13, 297]. Л. А. Динцес, В. А. Фалеева, Г. С. Маслова, Б. А. Рыбаков, Г. К. Вагнер и другие исследователи, называя обозначенный сюжет древнейшим, выделяют его в качестве основного в русской вышивке. Г. С. Маслова полагает, что древность этого сюжета в вышивке подтверждается находками литых металлических вещей на славяно-чудском пограничье [20, 156]. Именно «чудские образки» – сюжеты культового литья прикамских племен раннего Средневековья представляют собой как бы развернутую схему трехчастной композиции. Они и есть те самые «Богини в окружении животных» с женской фигурой в центре (см. рис. 1).

Расцвет пермского звериного стиля приходится на раннее Средневековье, когда в Прикамье складывались союзы племен, формировались народности ипокровители отдельных родов могли становиться общеплеменными божествами. Женский персонаж на прорезных бляхах объединяет два рода или фратрии, представленные двумя зеркально-симметричными вертикальными бордюрами из тотемных символов – лосиных голов. Несомненная связь богини с генеалогией родов, родовым деревом, разделенным на три сферы. Верхнюю занимают птицы, среднюю – копытные, нижний мир олицетворяют хтонические и водные существа. Племенная территория, освоенный мир были для человека традиционного общества всей Вселенной, а социальная жизнь укладывалась в отношения между двумя брачующимися фратриями.

Таким образом, на подобных культовых вещах эпохи раннего Средневековья представлен весь Космос, все устройство

Рис. 3. Платок «сюлык»

Fig. 3. Shawl "syulyk"

Вселенной, как его понимали люди того времени. Культовые вещи пермского звериного стиля с центральным женским персонажем и животными в трех космических сферах можно назвать языческими иконами, зрительно воплощающими образ мирового (а первоначально родового – воршудного) дерева. На прорезной бляхе (см. рис. 1) змеи, вырастая из рогов копытных, заканчиваются птичьими головами. Одна форма жизни как бы «перетекает» в другую и третью. На груди звероподобного божества – шаманская лестница в иные миры, под ногами-лапами – череп. Все едино во Вселенной, и все подчинено жизнедающей и губительной женской силе, которая разлита в природе. Эта женская творческая природная сила воплотилась у удмуртов в образе родовой богини Кылдысин.

Исключительный интерес своей формой и сюжетами вышивок вызывает свадебный головной убор *айшон*, покрываемый платком *сюлык*. Удмуртский айшон, по свидетельству Г. Е. Верещагина, – «это берестяная конусообразная шапка, на нее надевается такой же конусообразный колпак, и спереди этот колпак покрывается серебряными монетами; по краям «айшона» нашиваются шнуры, унизан-

ные стеклянными бусами ряда в три, а к острому, т. е. верхнему, концу «айшона» прикрепляется кисть» [4, 48]. Сверху айшон покрывался сюлыком с вышитыми от углов древовидными фигурами. Сюлык по краям обрамлялся бахромой [18, 94, 152] (рис. 3).

С берестяным айшоном и покрывающим его сюлыком у удмуртов в прошлом было связано много традиций и обрядов [38].

На свадьбе в доме жениха над невестой производился обряд надевания айшона, называемый «виль кен изыян» («надевание шапки на невесту»). Переодевание невесты совершалось молодыми женщинами в кеносе (летнем жилище). С нее снимали девичий убор *такъя* и надевали айшон и сюлык. Перед тем как надеть на невесту женский головной убор, его выкладывали на стол, и родственники со стороны жениха прикрепляли к нему в качестве подарков различные подвески и монеты [15, 48].

По этнографическим материалам, перед тем как вывести переодетую невесту к гостям, с ее покрывалом совершали обряд «эктысь виль кен» («пляшущая молодуха»). Под сюлыком по очереди плясали несколько женщин, и только после этого им покрывали невесту [2, 74; 25, 105].

После свадьбы молодыми для обеспечения семейного счастья в куале совершались жертвоприношение и моление «виль вось» («высшее жертвоприношение»). Как пишет Г. Е. Верещагин, моление в куале продолжается целый день, и, по местным верованиям, оно лучшее из всех жертвоприношений и празднеств, на отправление такого обряда молодые супруги не жалеют ни лучших яств, ни лучшей кумышки [4, 106–108]. Молодая хозяйка по этому случаю печет пироги, а ее муж идет в лес за пихтовыми ветками, которые ставят затем в передний угол куалы. Перед этими ветками располагают жертвенную пищу, сюда же кладут сюлык. После моления «виль вось» молодуха начинает носить женский головной убор постоянно.

По свидетельству А. И. Емельянова, во время больших общеродовых молений четырехугольное сооружение с тем же названием *сюлык* играло роль алтаря для вознесения жертвенной пищи богам.

«В землю вколачивают 4 сучка верхними концами вниз, на сучки кладут перекладины, на перекладины – древесные прутья, таким образом получается вид стола, который называется “сюлыком”. На этот “сюлык” полагается хлеб, а на хлеб – кусок вареного мяса. Когда поспеет каша, ее тоже в чашке ставят на стол. Вся церемония выставления жертвенной пищи на “сюлык” носит название “вылэ мычон”» (‘вверх возносимое’) [11, 107–108].

Согласно материалам Т. А. Крюковой, айшон жены жреца хранился как ритуальный предмет в куале и передавался из поколения в поколение до той поры, пока не истлеет. Ему приписывалась особая магическая сила [15, 48].

Высокий твердый головной убор с ниспадающей на спину лопастью имеет широкое распространение у многих народов мира. Такой островерхий колпак в XIX в. носили алтайские шаманы. В качестве женского головного убора он был известен казахам, татарам, чувашам, якутам. У удмуртов, марийцев и мордвы он имел форму усеченного или островерхого конуса [37, 59, 61, 76, 118]. У всех народов этот головной убор, твердый или мягкий, но имеющий форму конуса и заканчивающийся перьями или кистью, имел назначение ритуального.

По всей видимости, сама остроконечная форма и высота головного убора определяли по всему свету его магическую функцию. Во многих традициях ритуальные сооружения выстраивались в виде конуса и ассоциировались с мировой горой – аналогом мирового дерева. До сих пор высокий конус на голове – узнаваемый атрибут сказочных фей и волшебников.

Итак, высокий конус айшона – мировая гора, вертикаль космического дерева, а покрывающий его сюлык с четырьмя вышитыми деревьями от углов платка – его горизонталь. В общей схеме мирового дерева В. Н. Топоров реконструирует четырехчастную горизонталь, образующую статическую целостность, идеально устойчивую структуру [30]. Композиция удмуртских платков «сюлык» – яркий пример моделирования мира в его горизонтальном аспекте. Квадратная форма

алтарей и храмовых сооружений, ориентированных по сторонам света и символизирующих мир по горизонтали, известна многим народам. То, что на удмуртском молении сооружался четырехчастный алтарь для даров божествам, называемый сюлыком, определяет семантику женского платка «сюлык» как горизонтальной модели мира.

В целом головной убор удмуртской женщины являет собой образ Вселенной во всей полноте и целостности, где вертикаль айшона – динамический аспект мирового дерева – дополнена горизонтальным квадратом сюлыка. Схема мирового дерева содержит в себе и набор числовых констант. Так, три членения по вертикали описывают трехфазовый процесс развития, предполагающей рождение, становление и гибель, а четыре членения по горизонтали есть образ статической целостности. Сакральное число семь как сумма двух предыдущих констант дает нам образ синтеза статического и динамического аспектов Вселенной, образ полной гармонии и некоего абсолютного совершенства.

Треугольник и угол-шеvron считаются одними из древнейших графических символов. Образовавшись, вероятно, путем метонимии (часть вместо целого), эти знаки, согласно А. Д. Столяру, в первобытном искусстве осознавались как «великое чрево праматери». Из всего образа женщины вычленялся в виде угла или треугольника детородный орган как источник бесконечного потока новых жизней [28, 237].

Для понимания знака, в частности геометрических фигур орнамента, очень важен контекст, т. е. сочетание более ясных по значению мотивов с менее ясными. Помещение треугольника или угла-развилки в основании дерева либо в виде юбки женской фигуры в орнаментах на одежде удмуртов и в русской вышивке архаического типа наводит на мысль о сохранении в этих традициях древнейшей семантики данного знака. Весь вышитый узор поясов «зар» XVIII в. состоит из треугольников как из элементарных частиц.

Съемный нагрудник «кабачи» представляет собой смысловой узел североудмуртского костюма, геометризованный образ

Рис. 4. Нагрудник «кабачи» с углами-ветками на древесном стволе

Fig. 4. Bib “kabacji” with branch corners on a tree trunk

родового дерева – его основная композиция. Древоподобная фигура нагрудника напоминает вышитые деревья поясов «зар» и платков «сюлык». Здесь ясно читаются треугольная развилка корней, стволовая ось и ветви в виде угла-шеврона, направленные вверх (рис. 4).

Родовое дерево нагрудников «кабачи» строится по тому же принципу, что и древнейшая палеолитическая «елочка», при помощи углов, как бы нанизанных на вертикальную ось. Крупный треугольник в нижней части является обязательным элементом узора нагрудников. Внутри треугольника иногда прочитывается геометризованный силуэт женской фигуры. Вероятно, узор можно осмыслить так: истоки жизненной силы, вечного движения и продолжения жизни рода – в глубине корней родового дерева, в традициях предков. Это женская природная сила, плодотворяющий низ, образующий основу, корни родового дерева, воршудная богиня, стоящая у истоков рода.

В узоре «кабачи» над треугольником, т. е. «корнями дерева», часто вышивались символические ступени шаманской лестницы. Дерево с символическими ступенями для вознесения на небеса – типичный

объект практики шаманов во всем мире. Такая символическая лестница известна и удмуртской традиции. *Пагза* – лестница, ведущая на небеса, вырезалась на стволах деревьев, она была ритуальной и отличалась от обыкновенной – *тубат* [5, 31]. Восхождение на небо по оси мира – идея всеобщая и древняя. Это было возможно с помощью радуги, моста, лестницы, веревки, лианы, цепи из стрел и других вариантов мирового дерева [33, 196–197].

Съемный нагрудник – характерная деталь шаманского костюма у народов Сибири. В Волго-Камском регионе только у удмуртов он остался съемным. Ношение женщинами нагрудника, судя по археологическим материалам, – в Прикамье очень древняя традиция. На прорезных бляхах пермского звериного стиля, о которых говорилось выше, женские изображения дополнены нагрудными лестницами. По данным археологии, женские металлические нагрудники прикамских племен часто изображали ступени [8, рис. 23]. С древнейших времен женщины Прикамья были причастны к выполнению магических обрядов и носили «шаманские лестницы» на груди. Эта традиция продолжалась и в XIX в. Ступени вышивались в узор «кабачи», на воротниках и в нагрудной части рубашек и халатов. «Лестницы» служили своеобразным каналом связи их носительниц с высшими силами. В узорах нагрудников «кабачи» можно наблюдать не только ступени лестницы и треугольник-гору в основании дерева, но и цепь из стрел [17, 19]. Главное, в каком бы виде ни изображалась на нагрудниках ось мира, узор «кабачи» всегда – это родовое дерево, символ и воплощение женского воршудного божества.

Многочисленные исследователи отмечают огромную роль удмуртской женщины в культе воршуда, ее высокий статус в прошлом, активное участие в обрядовой жизни. Атрибуты женской одежды с «древесной» символикой становились неотъемлемой частью ритуальной практики и веками хранились в куале как святыни. Таким образом, удмуртская традиция в культе воршуда сохранила древнейшие представления человечества: почитание женщины-матери, имеющей природное имя.

Заключение

В процессе исследования удалось выявить семантическую значимость «древесных» символов удмуртского костюмного орнамента, их «активность» в качестве вышитых на полотне композиций в ритуальной практике. В ходе работы также выяснилось, что истоки образа мирового дерева связаны с культом женщины-прародительницы, наделенной тотемным именем. Этот культ существовал в древности глобально, в каждом человеческом коллективе. В течение многих тысячелетий поколения матерей-прародительниц в представлениях наших предков становились ментальной основой образа родового дерева. Впоследствии родовое дерево каждого человеческого коллектива выкристаллизовалось в общечеловеческий символ. Воршудный

Одним из наиболее распространенных мировоззренческих комплексов является мировое дерево. Все его элементы и признаки архетипичны. Мировое дерево произрастает в сакральном центре мира, при членении его по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) зоны Вселенной. В ветвях обитают птицы, со средней частью дерева связаны копытные, в корнях помещаются чудовища хтонического типа.

комплекс, сохранивший черты глубокой архаики, позволил понять истоки и смысл образа дерева в орнаментации удмуртского традиционного костюма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа: моногр. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
2. Багин С. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда // Этнографическое обозрение. 1897. № 2. С. 59–92.
3. Березкин Ю. Э. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 3–18.
4. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 199 с. (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии; т. 14, вып. 3).
5. Владыкин В. Е. Ми – удмуртъёс. Жечесь-а? = Мы – удмурты. Здравствуйте! = We are the Udmurts. Nice to meet you! / пер. на удмурт. яз. С. В. Матвеев; пер. на англ. яз. А. Н. Прокопьев, О. Б. Белоусова. Ижевск: Удмуртия, 2007. 124 с.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
7. Волдина Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84–90.
8. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого перенаселения народов. Свердловск; Ижевск, 1963. 161 с. (Вопр. археологии Урала; вып. 5).
9. Денисова И. М. Отражение фито-антропоморфной модели мира в русском народном творчестве // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 68–86.
10. Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Мифы в камне: мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
11. Емельянов А. И. Курс этнографии вотяков. Вып. 3. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Изд. Казан. востского изд. подотд., 1921. 156 с.
12. Зеленин Д. К. Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: сб. ст. Ижевск, 1980. С. 118–132.
13. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
14. Красс Н. А. Концепт «дерево» в славянской мифологии и поэзии А. С. Пушкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2004. № 1. С. 50–55.
15. Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Л.: Удмуртия, 1973. 158 с.
16. Ладыгина Ю. М., Советова О. С. Тема плодородия в наскальном искусстве Минусинской котловины // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 151–156.
17. Лебедева С. Х. Удмуртская народная вышивка = Удмурт калык пужыятон =

- Udmurt folk embroidery. Ижевск: Удмуртия, 2009. 88 с.
18. Лебедева С. Х. Удмурт калык дйськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt folk costume. Ижевск: Удмуртия, 2008. 207 с.
 19. Мартынова Н. В. Символико-мифологический образ мирового дерева в традиционной культуре народов Приамурья // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства России: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 11 июня 2020 г. Белгород, 2020. С. 42–47.
 20. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 207 с.
 21. Михельсон О. К., Поляков Н. С., Тимченко К. П. Религиозный символизм в популярной культуре: полисемантичесность образа дерева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1. С. 109–112.
 22. Напольских В. В. Мифологема мирового дерева в мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.
 23. Новгорода Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
 24. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 365 с.
 25. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. = Matkat udmurttien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913 / под ред. С. Лаллуки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. – Toimittaneet Seppo Lallukka, Tatjana Minnijahmetova ja Ranus Sadikov. СПб.: Европейский Дом, 2014. 223 с.
 26. Рябов Н. В. Образ мирового дерева как опора мироздания финно-угорского народа // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 103–106.
 27. Сем Т. Ю. Семантика образов богини-прародительницы у тунгусо-маньчжурских народов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 16, № 40. С. 244–247.
 28. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 298 с.
 29. Таказов Ф. М. Мировое дерево в осетинской мифологии // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7900> (дата обращения: 12.04.2022).
 30. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
 31. Фатыхов С. Г. История женщины: Этнокультур. ретроспектива и крат. анализ фактов, обрядов, легенд, обычаев и ритуалов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 463 с.
 32. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исслед., ст., лекции / под ред. и с пред. Я. П. Алькора. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. 572 с. (Материалы по этнографии; т. 4).
 33. Элиаде М. Космос и история: избр. работы: пер. с фр. и англ. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
 34. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2020. 224 с.
 35. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени: пер. с нем. М.: Прогресс; Универс, 1996. 336 с.
 36. Estes C. P. Women Who Run With the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype. New York: Ballantine books, 1992. 560 p.
 37. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa = Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia. Helsinki, 1979. 209 s.
 38. Molchanova L. A. 'Syulyk' as a significant symbolic detail of the Udmurt woman's image // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 3. С. 138–142.
 39. Ehrenberg M. Women in prehistory. Norman: University of Oklahoma Press, 1989. 192 p.

Поступила 14.02.2022; одобрена 10.03.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Л. А. Молчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Удмуртского государственного университета, lusmolchan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>

“Wood” symbolism in the decoration of the Udmurt costume: origins, existence, meaning

Ludmila A. Molchanova
Udmurt State University,
Izhevsk, Russia

Introduction. The article analyzes the semantics of the tree-like figures of the traditional female costume. The purpose of the work is to determine the origins of this image in the Udmurt ornamentation.

Materials and Methods. The work uses the method of structural-semiotic analysis, allowing to consider costume ornament as a sign-symbolic system.

Results and Discussion. The two prototypes that arose back in the period of the formation of human mentality: a woman and a totemic beast, formed the basis of the mythopoetic symbol of the world tree. Complex of Udmurt vorshud concentrated and preserved the echoes of the most ancient cult of a female – progenitor, endowed with a totem name. Each Udmurt clan had its own vorshud name. This name was associated with a natural totem, belonged to women of the clan, and passed down from generation to generation through the female line. A vorshud name was given to the ancestral territory, and its sacred center – vorshud in the sanctuary of *kua*. Vorshud demonstrates two key ideas of the world tree: connection and continuity of generations and the center of ancestral territory.

Conclusion. During the study, the connection between the tree symbols of the costume ornament with the cult of Udmurt vorshud and the symbolism of the world tree was revealed. Therefore, it reveals the origins and semantics of wooden symbols in the Udmurt costume ornament.

Keywords: costume ornament, mother totem, vorshud, family tree, world tree

For citation: Molchanova LA. “Wood” symbolism in the decoration of the Udmurt costume: origins, existence, meaning. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:207–222. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.207-222.

REFERENCES

- Atamanov-Egrapi MG. Origin of the Udmurt people. Monograph. Izhevsk; 2010. (In Russ.)
- Bagin S. Wedding ceremonies and customs of the Votyaks of the Kazan district. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 1897;2:59–92. (In Russ.)
- Berezkin IuE. Mythological trees in the forest of culture. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 2012;6:3–18. (In Russ.)
- Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Saint-Petersburg; 1889;14;3. (In Russ.)
- Vladykin VE. We are the Udmurts. Nice to meet you! Izhevsk; 2007. (In Udm., In Russ., In Engl.)
- Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk; 1994. (In Russ.)
- Voldina TV. The image of the tree of life in the traditional culture of the Ob Ugrians in the context of reincarnation. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;4:84–90. (In Russ.)
- Gening VF. Azelin culture of the III–V centuries: Essays on the history of the Vyatka region in the era of the great overpopulation of peoples. Sverdlovsk; Izhevsk; 1963;5. (In Russ.)
- Denisova IM. Phyto-anthropomorphic world model in Russian folk crafts. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 2003;5:68–86. (In Russ.)
- Devlet MA, Devlet EG. Myths in stone: the world of Russian rock art. Moscow; 2005. (In Russ.)
- Emel'ianov AI. Votyak ethnography course. Remains of ancient beliefs and rituals among the Votyaks. Kazan; 1921;3. (In Russ.)
- Zelenin DK. What is “vorshud”? Microethnonyms of the Udmurts and their reflection in toponymy. Collection of articles. Izhevsk; 1980:118–132. (In Russ.)
- Zolotarev AM. Tribal system and primitive mythology. Moscow; 1964. (In Russ.)
- Krass NA. The concept of the tree in the Slavonic mythology and Pushkin's poetry. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Russkii i inostrannyi iazyki i metodika ikh prepodavaniia* = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Se-

- ries: Russian and foreign languages. Methods of its teaching. 2004;1:50–55. (In Russ.)
15. Kriukova TA. Udmurt folk art. Izhevsk; Leningrad; 1973. (In Russ.)
 16. Ladygina IuM, Sovetova OS. The theme of fertility in the rock art of the Middle Yenisey. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University. 2015;2-6:151–156. (In Russ.)
 17. Lebedeva SKh. Udmurt folk embroidery. Izhevsk; 2009. (In Udm., In Russ., In Engl.)
 18. Lebedeva SKh. Udmurt folk costume. Izhevsk; 2008. (In Udm., In Russ., In Engl.)
 19. Martynova NV. Symbolic and mythological image of the world tree in the traditional culture of the peoples of the Amur region. *Problemy i perspektivy razvitiia nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva Rossii: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 11 iyunia 2020 g.* = Problems and prospects for the development of scientific and technological space in Russia. Collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference. June 11, 2020. Belgorod; 2020:42–47. (In Russ.)
 20. Maslova GS. Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source. Moscow; 1978. (In Russ.)
 21. Mikhel'son OK, Poliakov NS, Timchenko KP. Religious symbolism in popular culture: polysemantic nature of tree image. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2016;1:109–112. (In Russ.)
 22. Napol'skikh VV. The mythologem of the world tree and mythologies of peoples of the Uralic linguistic family. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 2012;6:19–28. (In Russ.)
 23. Novgorodova EA. World of petroglyphs of Mongolia. Moscow; 1984. (In Russ.)
 24. Propp VJa. The historical roots of fairy tales. 2nd edition. Leningrad; 1986. (In Russ.)
 25. Lallukka S, Minniakhmetova TG, Sadikov RR, eds. Journeys to the Udmurts and Mari. Letters from Uno Holmberg 1911 and 1913 = Matkat udmurttien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ., In Finn.)
 26. Riabov NV. The image of the world tree as the pillar of the universe for the Finno-Ugric people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;2:103–106. (In Russ.)
 27. Sem TIu. Semantic meaning of the Foremother's images of the Tungus-Manchurian peoples. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* = Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences. 2007;16:40:244–247. (In Russ.)
 28. Stoliar AD. Origin of fine arts. Moscow; 1985. (In Russ.)
 29. Takazov FM. Tree in world mythology Ossetian. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* = Modern problems of science and education. 2012;6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7900> (accessed 12.04.2022). (In Russ.)
 30. Toporov VN. World Tree: Universal sign complexes. Moscow; 2010;1. (In Russ.)
 31. Fatykhov SG. The History of a Woman: An Ethnocultural Retrospective and a Brief Analysis of Facts, Rites, Legends, Customs and Rituals. Ekaterinburg; 2000. (In Russ.)
 32. Shternberg IJa. Primitive religion in the light of ethnography: Research, articles, lectures. Leningrad; 1936;4. (In Russ.)
 33. Eliade M. Space and History: Selected Works. Moscow; 1987. (In Russ.)
 34. Jung KG. Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow; 2020. (In Russ.)
 35. Jung KG. Problems of the soul of our time. Moscow; 1996. (In Russ.)
 36. Estes CP. Women Who Run With the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype. New York; 1992.
 37. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa = Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia. Helsinki; 1979.
 38. Molchanova LA. 'Syulyk' as a significant symbolic detail of the Udmurt woman's image. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017;11;3:138–142.
 39. Ehrenberg M. Women in prehistory. Norman; 1989.

Submitted 14.02.2022; reviewing 10.03.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

L. A. Molchanova – Candidate Sc.{History}, Associate Professor, Department of Computer Technologies and Art Design, Udmurt State University, lusmolchan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>

Человек и мир в мордовской сказке (в сравнении со сказками других этнокультур)

Анастасия Андреевна Осьмушина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Актуальность работы определяется эффективностью исследования фольклора для познания космопсихо-логоса народа. Ее научная новизна состоит в применении дейксистого анализа сказок разных этносов со сходным сюжетом для изучения эрзянской и мокшанской сказок. Объект исследования – тексты эрзянской и мокшанской сказок с сюжетным мотивом «Мальчик-с-пальчик» в сравнении с русской, немецкой, английской, испанской и латиноамериканской сказками с аналогичным сюжетом. Предмет исследования – особенности онтологии, аксиологии, антропологии эрзи и мокши в сказке. Цель работы – выявление онтологических, аксиологических и антропологических особенностей мордовской сказки. Задачи исследования – выполнить дейксистый анализ текстов нескольких вариантов мордовской сказки и ее иноэтнических аналогов; выявить их сходства и различия; сформулировать онтологические, аксиологические и антропологические особенности мордовской сказки.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования был выполнен сравнительный контент-анализ дейксиста семи сказок с ведущим сюжетным мотивом «Мальчик-с-пальчик». Метод критического отбора источников применен при выборе аутентичных версий сказок. Общенаучные методы исследования позволили провести анализ, систематизировать полученные сведения и синтезировать выводы.

Результаты исследования и их обсуждение. Все рассмотренные сказки фиксируют трагедию отсутствия детей в этнической семье, дезидеративность рождения детей, состоящие в детях счастье и смысл жизни человека. В эрзянской сказке отмечаются локально-общая солидарность, борьба с агрессивной властью, вооруженное восстановительное правосудие. В мокшанской сказке присутствует мотив обмана обманщика как формы восстановительной справедливости для улучшения материального положения семьи. И в эрзянской, и в мокшанской сказке реализуется интенция возвращения домой непрямым путем и жизни в созидательном труде в своем месторазвитии.

Заключение. Сравнительный анализ дейксиста сказок разных этносов со сходным сюжетом позволяет выявить общее и особенное в содержании сказок, определить особенности онтологии, аксиологии, антропологии этноса. Проведенное исследование показало, что онтологические, аксиологические и антропологические особенности сказки эрзи и мокши близки, но не тождественны, выявило сходства и различия со сказками других этнокультур.

Ключевые слова: эрзянская сказка, мокшанская сказка, сходный сюжет, Мальчик-с-пальчик, онтология, аксиология, антропология

Для цитирования: Осьмушина А. А. Человек и мир в мордовской сказке (в сравнении со сказками других этнокультур) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 223–240. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.223-240.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что, как подтверждают труды фольклористов, филологов, философов и психологов, фольклор в целом и сказка в частности отражают мышление [39] и мировосприятие [38; 41] этноса, его нормативно-ценностную систему [19], его космопсихо-логос [5–7].

Исследование фокусируется на сказках со сходным сюжетом по следующим соображениям. Сказки со сходным сюжетом, даже если он имеет единый генез, весьма различаются. Распространяясь по

миру, сказка видоизменяется так, чтобы соответствовать картине мира этноса, его образу мышления, логике, способу познания, впитывает в себя социальные и природные реалии того места и времени, в котором циркулирует. Фольклор не сохраняет содержательные и языковые особенности, не органичные этносу, не отвечающие его психолингвистическим, этнокультурным характеристикам, этнологикам мышления. Научная новизна работы состоит в применении дейксистого анализа к сказкам разных этносов,

содержащих сходный сюжет, в частности к сказкам эрзи и мокши.

Сходство сюжетов не есть тождество. Именно анализ отличий помогает увидеть то особенное, что присуще конкретной этнокультуре, и именно дейксис фольклорного текста фиксирует эти отличия. Цель настоящей работы – выявление онтологических, аксиологических и антропологических особенностей мордовской сказки «Пальчик»¹ (эрзянской «Пелькине» и мокшанской «Пялькхине»). Задачи исследования – выполнить дейксисный анализ текстов нескольких вариантов мордовской сказки «Пальчик» и ее иноэтничных аналогов (русского, немецкого, английского, испанского и латиноамериканского); сравнить их и установить сходства и различия в плане онтологии, аксиологии и антропологии; обобщить полученные результаты, сформулировав онтологию, аксиологию и антропологию этноса в мордовской (мокшанской и эрзянской) сказке.

Объектом исследования являются тексты перечисленных выше сказок, предметом – мир, бытие человека (т. е. онтология), сам человек, ребенок, входящий в мир, в общество людей, его модус взаимодействия с миром и социумом (т. е. антропология), общественная нормативно-ценностная система (т. е. аксиология) эрзи и мокши в сказке.

Обзор литературы

Первичный материал исследования – тексты мордовских (эрзянской и двух вариантов мокшанской), русской, двух вариантов немецкой, английской, испан-

ской и латиноамериканской (чилийской) сказок². Существует множество работ, посвященных семантике мордовского фольклора и эпоса [3; 9; 10; 19; 23–28; 30; 31], мордовской и русской сказки [2; 6; 7; 16; 18; 20; 29], зарубежного фольклора [33; 41–46], однако трудов, рассматривающих содержание сходных сказок разных этносов в сравнении, мало, к тому же они не затрагивают мордовскую сказку «Пальчик». Что касается дейксисной семантики сказок как части космо-психологического анализа, то она до сих пор практически не изучалась.

Методологическую основу исследования составили труды лингвистов и филологов, благодаря которым в лингвистический и семиотический анализ текста вошли понятия социального дейксиса, относительного дейксиса, номинативного дейксиса, индикативного дейксиса и абсолютного дейксиса [1; 4; 12; 17; 22; 32; 34–37; 40; 46]. Относительный, социальный, номинативный, индикативный и абсолютный дейксис сказки используется автором не в значении лингвистического или семиотического явления, а как средство формализации социальности³. Принцип приоритета различий над сходствами, выступающий одной из методологических основ работы, убедительно раскрыт в рамках философии Ж. Делезом [11], М. Монтенем [16], Н. Я. Данилевским [8], В. О. Ключевским [13], М. М. Ковалевским [14], Ю. Ф. Самариным [21], в рамках гештальт-психологии – К. Дункером⁴, в применении к сказке – А. А. Гагаевым [7].

¹ Все переводы названий сказок, имен собственных и цитат выполнены автором.

² См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 336–337; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1. Мокшанские сказки. Саранск, 1966. С. 254–256; Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник: В прил.: Описание села Оркина Сарат. уезда А. Н. Минха. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 376–378; Эрзянь ёвкст (скаскат) / пурныньзе М. Е. Евсеев. М., 1928. С. 85–86; Brüder Grimm. Kinder- und Haus-Märchen. Berlin, 1812. Bd. 1. S. 195–200. URL: https://deutschestextarchiv.de/book/view/grimm_maerchen01_1812?p=266 (дата обращения: 01.10.2021); Brüder Grimm. Kinder- und Haus-Märchen. 7. Ausgabe. Göttingen, 1857. Bd. 1. S. 194–200. URL: <https://books.google.ru/books?id=2kAJAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 01.10.2021); Crossley-Holland K., Firmin H. Folk-tales of the British Isles. New York, 1988. P. 340–345. URL: https://archive.org/details/isbn_9780394755533/page/358/mode/2up (дата обращения: 01.10.2021); Cuentos populares españoles / ed. de J. M. Guelbenzu. Madrid, 1998. Vol. 1. P. 62–67; Laval R. A. Cuentos polpulares en Chile (recogidos de la tradición oral). Santiago de Chile, 1923. P. 66–71. URL: <https://www.gutenberg.org/files/63424/63424-h/63424-h.htm> (дата обращения: 16.10.2021).

³ См.: Осьмушина А. А. Социально-философские основания комического социо-демографических и этнокультурных групп: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2017.

⁴ См.: Подходы к исследованию продуктивного мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. С. 35–47.

Материалы и методы

Исследование посвящено выявлению этнических онтологических, аксиологических и антропологических особенностей содержания фольклорной сказки. Для достижения цели был проведен сравнительный контент-анализ дейксиса семи сказок. В качестве материала для исследования выбрана фольклорная (этническая) сказка мордовских этносов мокша и эрзя, где ведущим сюжетным мотивом является «Мальчик-с-пальчик» (№ 700 согласно индексу сказочных мотивов Аарне – Томпсона – Утера [44]), и сходные с ней русская, немецкая, английская, испанская и чилийская сказки. Выбор данной сказки мотивирован тем, что в ней ярко отображаются особенности восприятия мира, бытия, ребенка, человека, знакомящегося с этим миром, и его модус взаимодействия с миром, с обществом, нормы и ценности общества. Метод критического отбора источников ограничил выбор автора именно аутентичными версиями сказок, собранными фольклористами, исключая так называемый фальшлор⁵ [35]. Общенаучные методы исследования позволили провести анализ, систематизировать полученные сведения и синтезировать выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Все рассмотренные нами варианты сказки с сюжетной линией «Мальчик-с-пальчик» имеют общее содержание: бездетная пара бедняков чудесным образом обретает сына, рост которого необыкновенно мал. Тем не менее этот ребенок трудится, помогая родителям, и стремится занять свое место в мире.

Какое место в социальной структуре общества занимает сын небогатых и незнатных родителей? Как встречает ребенка мир, какого рода испытания ожидают его? Каким образом преодолевает он необходимость? Каждый этнос предлагает свои варианты развития событий.

Эрзянская сказка “Пелькине” («Пальчик»)

У старика и старухи (крестьян) не было детей. Однажды старуха случайно отрубила себе палец, положила его в печь и вслух высказала пожелание иметь сына-помощника. Чудесным образом палец превратился в мальчика, который тут же вызвался отнести блины отцу в поле. Отец предостерег сына от опасности встречи с волком, но волк все-таки проглотил его. Мальчик, криком предупреждая пастухов, не давал волку охотиться и вынудил того вернуть ребенка домой, где отец и убил зверя.

Относительный дейксис сказки отражает демографическую ситуацию в крестьянской эрзянской семье: отсутствие детей или один ребенок, надежда на ребенка как на помощника в работе; недобровольное путешествие и возвращение непрямым путем. Действующие субъекты: крестьяне, муж и жена, старые, не имеющие помощников; мальчик, уходящий из дома по работе, возвращающийся домой, но вынужденный проделывать не прямой долгий путь под влиянием необходимости, злой силы, с которой он борется и которую побеждает хитростью, желая вернуться в свое месторазвитие; волк, символизирующий агрессию и опасность.

Социальный дейксис фиксирует реалии эрзянского крестьянского быта XVI–XX вв. Мальчик-с-пальчик в чреве волка перемещается по своей стране и общается с представителями своей социальной группы. Социальный дейксис выявляет отношения равенства. Пейоративную оценку получает агрессия волка (причем это не агрессия Лотреамона, которую обычно демонстрирует медведь, у волка она вызвана голодом, т. е. представляет собой форму реализации необходимости). Глупость волка, его неумение избавиться от мальчика без опасности для себя получают отрицательную адмиративную (комическую) оценку. Мелиоративную оценку заслуживают трудолюбие и сме-

⁵ Термин, введенный Р. М. Дорсоном, означает авторские и переводные версии, допускающие значительные изменения содержания и дейксиса.

лость мальчика, положительную адми-
ративную оценку – его добрая хитрость.
Дезидеративную оценку получают жизнь
в семье и рождение детей в семье, труд
на благо семьи. Волк пытается убить
мальчика, отец с помощью сына убивает
волка, мальчик не дает волку перерезать
овец – так реализуются совместимость,
выводимость и следование живых видов
и людей в жизни и их несовместимость в
смерти. Дезидеративной оценки уста-
навливается восстановительное правосудие:
убийство волка, причем совершаемое от-
цом мальчика – стариком, воплощением
мудрости и традиций этноса.

Номинативный дейксис (номинати-
вы в интуитивистских выборках): *атя*
‘старик’, *баба* ‘старуха’ – слабость;
Пелькине – уменьшительно-ласкатель-
ный вариант слова *пелька* ‘палец’, т. е.
Мальчик-с-пальчик, – малый рост и лю-
бовь называющих; пастух – охраняющий
жизнь вверенных ему животных как част-
ной собственности; волк – враг человека,
традиционно действующий по необхо-
димости и не отличающийся умом, пре-
тендующий на частную собственность и
жизнь человека, – одна из сказочных ипо-
стасей государственной власти.

Индикативный дейксис фиксирует соци-
ально-демографический контекст, снисхо-
дительно-шутливое отношение и любовь
к детям, уважение к старшим в семье: *а*
эйкакшост, *а какшост* ‘ни малыша, ни го-
лыша’, *церамок* ‘сын’, обращения *авай*
‘мама’, *церай* ‘сын’, *тетяй* ‘папа’.

Абсолютный дейксис: обсуждается ин-
тенция ухода ребенка из дома ради труда,
ради помощи своей семье и возвращения
непрямым путем вследствие борьбы с
необходимостью; абсолютная положи-
тельная оценка семьи; абсолютная от-
рицательная оценка агрессии и нападе-
ния на эрзянский народ: *Илямакс эвт*
вергис, – *эстет берянь ули!* «Не трогай
меня, волк, – тебе же хуже будет!»⁶, ре-
ализуемая в последовательных действиях,
упорстве и хитрости, благодаря которым
эрзянский мальчик преодолевает необхо-
димость и возвращается в семью.

Мокшанская сказка “Пяльхкяня” («Пальчик»)

Рассмотрим два варианта сказки, разли-
чия между которыми не препятствуют их
параллельному анализу.

У старика и старухи не было детей. Ста-
рик случайно отрезал себе палец, старуха
положила его в печь, и он превратился в
мальчика. Ребенок сразу пожелал помо-
гать родителям и отправился на поле, где
его увидел барин (в первом варианте),
английский лорд (во втором) и захотел
купить. Мальчик посоветовал отцу согла-
шаться, по пути продырявил карман поку-
пателя (в первом варианте еще и сундук),
выкинул все деньги, нагадил в карман и
сбежал (в первом варианте уточняется:
собрав выкинутые деньги и принеся их
отцу). В первом варианте мальчика же-
нили на самой красивой девушке, а барин
опозорился перед барыней, во втором –
про свадьбу не упоминается, английский
лорд опозорился перед другими лордами.

Относительный дейксис формализует
демографическую ситуацию в мокшан-
ской семье: отсутствие детей или один
ребенок; средний для крестьянской семьи
достаток; желание женщины иметь ребен-
ка как помощника в хозяйстве («Если бы у
меня был сынок, я бы послала его отнести
блины, а теперь некого послать»⁷); жела-
ние ребенка заработать для своей семьи
и уход его в мир с намерением вернуть-
ся в свое месторазвитие. Действующие
субъекты: бездетные старик и старуха,
крестьяне среднего достатка; Мальчик-
с-пальчик – ребенок, стремящийся восста-
новить справедливость; барин / англи-
ский лорд – другое, нежели в эрзянской
сказке, воплощение государственной вла-
сти, ее частного варианта (привилегиро-
ванного сословия, а в случае с английским
лордом – к тому же недружественного го-
сударства). Иллокутивный эффект – тор-
жество маленького, бедного, не имеющего
власти и слабого, но хитрого над боль-
шим, сильным, наделенным властью и бо-
гатым (во втором варианте еще и чужим).
Перлокутивный эффект – возвращение в

⁶ Эрзянь ёвкст (скасат). С. 85.

⁷ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 376.

свое месторождение, к семье родителей (в первом варианте – улучшение материального положения родительской семьи и создание собственной), восстановление справедливости (обман и манипулирование богатыми с целью передачи их денег бедным – это не воровство, а восстановительное правосудие [6, кн. 3, 62]).

Социальный дейксис отражает отношения крестьянина и власти, отношения конкуренции и конфликта, замаскированные под кооперацию. В мокшанской сказке крестьянин с властью не борется, не сражается вооруженным образом, не убивает, но хитрит, обманывает и обирает, восстанавливая справедливость и выявляя ничтожное в кажущемся великом. Глупость барина/лорда, обманутые ожидания его жены-барыни / друзей-лордов получают отрицательную адмиративную (комическую) оценку. Хитрость мальчика, любовь его родителей к нему, нежелание отца продавать его заслуживают мелиоративную оценку. Отношение власти к человеку как к товару, как к объекту товарно-денежных отношений и средству развлечения получает пейоративную оценку.

Номинативный дейксис (номинативы в интуитивистских выборках): *атянь бабань а эйдест, а какшист*⁸ / *атянь-бабань ашель шачисна ашель касысна*⁹ ‘старик и старуха без малыша, без голыша’ – сожаление об одинокой старости; *Пяльхкяня* ‘Мальчик-с-пальчик’ – ребенок, надежда семьи и этноса на лучшую жизнь; *лордть Англияв* ‘английский лорд’ – воплощение власти и богатства, оппозиция «мы – они».

Индикативный дейксис фиксирует социально-демографический контекст: любовь и солидарность в семье, выраженные обращениями *бабаньке* ‘старуха’, *тядй* ‘мама’, *алай* ‘папа’, *монь церазе* ‘мой сын’; социально-политический контекст: несовместимость мокшанского крестьянина и барина, русского или английского, основанная на разности оценок (человек как субъект или объект деятельности и сделки), разности социально-экономического положения, вызванная алчностью привилегированного сословия (поэтому

действия мальчика оцениваются положительно).

Абсолютный дейксис – абсолютная положительная оценка, или идеальный конечный результат, как жизнь в семье, рождение детей в семье, труд на благо семьи в своем месторождении, отношения равенства, солидарности и уважения, без экономической несправедливости со стороны власти в целом и ее представителей в частности.

Иноэтничные варианты сказки

Русская сказка «Мальчик-с-пальчик» содержит мотивы мокшанской и эрзянской – продажа барину и побег от него, путешествие в брюхе волка – и иные, не входящие в мордовские сказки. Мальчик нарождается из мизинца старухи и сразу же, как и в мордовских сказках, принимается помогать родителям. Он сам предлагает отцу продать его, если найдутся желающие купить, обещая вернуться домой. Сбежав от барина, Мальчик-с-пальчик встречает разбойников и добровольно помогает им обокрасть попа. Как и в эрзянской сказке, Мальчик-с-пальчик вынуждает волка доставить его домой, родители убивают зверя, а из шкуры делают сыну тулуп.

Относительный дейксис: ситуация в целом – отсутствие детей или один ребенок в крестьянской семье; стремление ребенка помочь родителям в работе и материально, добиться восстановительного правосудия. Мальчик-с-пальчик вынужден проделать свой путь, чтобы вернуться домой, как и персонаж мокшанской сказки, обманув барина, ограбив попа и хитростью убив волка. При этом в отличие от мокшанского русский Мальчик-с-пальчик не берет денег ни барина, ни попа. Общее мнение – положительная оценка смелости и находчивости мальчика. Таков перлокутивный эффект сказки. Иллокутивный эффект – необходимость для простого человека, крестьянина, проявлять хитрость во враждебном мире.

Социальный дейксис формализует отношения конкуренции и конфликта, вла-

⁸ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 376.

⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. С. 254.

сти и подчинения, борьбы с властью и протеста против иерархии – не прямого протеста и не открытой борьбы, но своеобразной восстановительной справедливости, компенсации экономической несправедливости (получающей мелиоративную оценку).

Распространяясь по миру, сказка видоизменяется так, чтобы соответствовать картине мира этноса, его образу мышления, логике, способу познания, впитывает в себя социальные и природные реалии того места и времени, в котором циркулирует. Фольклор не сохраняет содержательные и языковые особенности, не органичные этносу, не отвечающие его психолингвистическим, этнокультурным характеристикам, этнологикам мышления.

Номинативный дейксис выявляет социальные роли (старик, старуха, барин, поп, воры, волк) в отношениях несправедливости. Интуитивистская выборка: противостояние крестьянина и богатого дворянства, крестьянина и богатого духовенства, братство крестьянина и разбойника, битва и победа крестьянина над врагом-волком (агрессивной и ненасытной властью, пожирающей маленького человека).

Индикативный дейксис фиксирует отношения несовместимости разных социальных групп, отсутствие солидарности в обществе, отсутствие правового урегулирования конфликта и возможности улаживать спорные ситуации законным, честным путем.

Абсолютный дейксис: борьба русского народа с угнетателями – борьба хитростью и оружием русской дубинки: «Старик схватил дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали»¹⁰.

Два варианта немецкой сказки имеют столь значительные различия, что рассматривать их нужно по отдельности.

Вариант 1: “Daumerdick” («Мальчик-с-пальчик»). Крестьянину с женой было грустно одним в тихом доме, и они пожелали ребенка, чтобы любить его (не ожидая помощи, как в мордовских сказках), и родился мальчик ростом с пальчик. Несмотря на свои малые размеры, он стал помогать родителям. Однажды его захотели купить, чтобы показывать за деньги. Мальчик-с-пальчик велел отцу согласиться, а по пути сбежал (обманывая, как и в русской и в мордовских сказках, людей, считающих человека объектом купли-продажи). Он предложил свою помощь вора, которые обсуждали, как обокрасть дом пастора, но намеренно привлёк внимание прислуги (не обкрадывая священника, как в русской сказке, а, напротив, защищая частную собственность духовенства). Затем его проглотила корова, корову убили, но он попал в брюхо волка. Мальчик заманил волка в кладовую своих родителей, откуда, объевшись, тот не смог выйти и был убит отцом. Мальчик-с-пальчик решил, что достаточно повидал мир, и остался с родителями.

Относительный дейксис: ситуация в целом – жизнь как постоянный выбор между добром и злом, поиск своего места в мире. Действующие субъекты: Мальчик-с-пальчик как воплощение концепта взросления ребенка; его родители-крестьяне (трагедия бездетного брака, необходимость заботиться о ком-либо); алчные дельцы, случайно встреченные мальчиком, выбирающие аморальное обогащение, лишённые человечности, – Мальчик-с-пальчик отказывается идти этим путем; воры, встреченные мальчиком на пути, – и этот путь отвергает Мальчик-с-пальчик, более того, он предотвращает кражу. Хитрость и смекалка позволяют мальчику спастись в безнадежных обстоятельствах, они же приводят его домой, где отец выручает блудного сына из беды. Таков иллюкативный эффект сказки. Перлокутивный эффект – правильный выбор между добром и злом.

Социальный дейксис: необходимость ребенка в семье не в качестве гарантии

¹⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. С. 337.

ухода в старости, не ради развлечения, а как глубокая внутренняя потребность заботиться о нем и дарить ему свою любовь (дезидеративная оценка). Познание мира, соблазны внешнего мира, прохождение череды ситуаций выбора – необходимое условие взросления и социализации человека (дезидеративная оценка). Моральное и аморальное, преступное и правильное, межличностные отношения, помощь ближнему как содержание социальных отношений получают пейоративные и мелиоративные оценки. Смысл жизни – рождение детей в семье и забота о детях.

Номинативный дейксис (интуитивистская выборка): ребенок как главная ценность в семье, семья как главная ценность в жизни. Номинативы: *Daumerling* обозначает социально-демографическое положение Мальчика-с-пальчика – ребенок; остальные субъекты называются в соответствии с семейной ролью или социальным положением, поскольку именно семья и социальные отношения играют в этой сказке ведущую роль: *Bauersmann* ‘крестьянин’, *der Vater* ‘отец’, *die Mutter* ‘мать’; *der Pfarrer* ‘пастырь’; *die Diebe* ‘воры’. Обратим внимание на то, что покупатели, пожелавшие разбогатеть, показывая Мальчика-с-пальчика за деньги, называются просто *Mannen* ‘мужчины’, поскольку в данном случае социальное положение неважно, порочным может быть представитель любой социальной группы. Номинативный дейксис выявляет демографическую справедливость.

Индикативный дейксис данной сказки очень ярко отображает истинные и ложные намерения и отношения.

Абсолютный дейксис – отсылка к притче о блудном сыне, дорога и познание мира как средство взросления, возвращение в семью как правильный выбор. Другая абсолютная оценка – оценка родителей, продающих свое дитя, и заключение, что никакие сокровища мира не равноценны ребенку.

Вариант 2: “Des Shneiders Daumerlings Wanderschaft” («Путешествие портняжки-с-пальчик»). В этом варианте приключений Мальчика-с-пальчика герой является сыном портного и покидает

отца с его одобрения, чтобы познать мир. В процессе познания он находит работу подмастерья, но ссорится с хозяйкой, затем помогает разбойникам ограбить королевскую сокровищницу. Разбойники хотят наградить его и сделать своим сотником, но Мальчик-с-пальчик, не в силах унести больше одной монеты – крейцера, вновь отправляется в путь. Не владея никаким ремеслом, он устраивается домашним слугой и разоблачает нечестных слуганок. В отместку те подстраивают, что его проглатывает корова. Чудом избежав смерти, мальчик оказывается в лесу, где попадает в лапы лису, но уговаривает зверя отпустить его в обмен на всю птицу своего отца. Так портной получает сына и крейцер, а лис – всю птицу, потому что отец любит своего сына больше кур.

Относительный дейксис: ситуация в целом – взросление, познание мира, поиск и выбор профессии, рода занятий в мире. Субъекты: Мальчик-с-пальчик, желающий исследовать большой мир; отец, одобряющий эту затею и радующийся возвращению сына, выполняющий договоренность сына с лисом; остальные персонажи, встречи, сотрудничество или конфликт с которыми позволяют Мальчику-с-пальчику познать мир и самого себя в мире. Таков иллюкативный эффект сказки. Перлюкативный эффект – испытывав свои силы в большом мире, ребенок возвращается в родительскую семью к радости своей и родителей.

Социальный дейксис фиксирует хроно-топ дороги, об этом говорит и слово *Wanderschaft* в названии сказки и в описании цели Мальчика-с-пальчика, что означает путешествие с целью исследования, познания мира. Данный вариант сказки существенно отличается от варианта “Daumerdick” тем, что субъект стремится не просто узнать этот мир и найти свой путь в нем, а изменить его к лучшему, выступая против несправедливости и порока, как и в русской сказке. Мальчик-с-пальчик познает мир, но не желает становиться его частью, так как мир несправедлив. Отмечаются несоблюдение социального статуса, стремление к нарушению иерархии, поскольку существующая система статусов унижает че-

ловеческое достоинство (и получает пейоративную оценку), и Мальчик-с-пальчик противостоит ей (положительная адмиративная оценка). Сказка формализует отношения власти и подчинения/неподчинения, солидарности / отсутствия солидарности, справедливости/несправедливости. Дезидеративную оценку заслуживают спасение от смерти и возвращение мальчика к отцу, мелиоративную – любовь отца к ребенку.

Номинативный дейксис составляет нарушение справедливости и солидарности. Интуитивистская выборка: жизнь как путь, мир как дорога, взросление как путешествие, отсутствие ремесла, познание мира как порочного, противостояние пороку, противостояние иерархии. Номинативы отражают социальный статус, положение субъектов по отношению к мальчику, их семейное положение обозначается в отношении к нему же: *das Schneiderlein* ‘портняжка’; *seinem Vater, dein Vater, deinem Vater* ‘своего отца, твоему отцу, твоего отца’; *Meister* ‘мастер’, *Meisterin* ‘жена мастера’; *Räuber* ‘разбойник’; *die Schildwache, die Wachen* ‘стража’; *der König* ‘король’; *ihrem Hauptmann* ‘своим сотником’; *Hausknecht* ‘домашний слуга’, *die Mägde* ‘служанки’; *Fuchs* ‘лис’.

Индикативный дейксис фиксирует истину, ложь и порочность в осуществлении социальных ролей. Так, обращения демонстрируют социальную иерархию и отрицание иерархии в борьбе за справедливость и равенство: *Frau Meisterin* ‘госпожа Мастерница’, *Hüpfertling* ‘Попрыгун’, *Herr Kartoffelkönig* ‘господин Картофельный король’, *ein tüchtiger Kerl* ‘смышлелый парень’, *Herr Fuchs* ‘господин Лис’. Индикативный дейксис выявляет смелость и находчивость Мальчика-с-пальчика: «Он имел в себе смелость»¹¹, «И дурачил их так долго, что они устали и ушли»¹², «Он видел то, что они тайно делали дома, не замечая его, и рассказывал им»¹³; заботу отца о нем: «Взял иглу и сделал на ней узелок из сургуча: “Пусть у тебя будет меч

в пути”»; порядочность отца и необходимость держать слово: «Но зачем нужно было позволить Лису убить бедных кур? – Потому... что его отец любит своего сына больше кур!».¹⁴

Абсолютный дейксис формализует идеальный конечный результат как равенство, солидарность, уважение, справедливость, приобретение опыта, профессии, познание мира и жизнь в семье.

Название испанской сказки “Periquillo” связано не с пальцем руки, а с попугаем: мальчика называют *Periquillo*, что означает ‘Попугайчик’. Его маленький рост обусловлен наследственностью. Вопреки советам не заводить детей родители-крестьяне хотели сына, и его рост был им неважен. Попугайчика его размеры также не смущают, он помогает отцу в работе, как и мордовский и русский мальчики, а однажды оказывается в брюхе вола, а затем волка (как и в немецкой сказке, но в отличие от мордовской волк проглатывает его ненамеренно). Попугайчик привлекает внимание пастухов, и волка убивают дубинками. На этом странствия мальчика не заканчиваются, он попадает в барабан из волчьей кожи, видит, куда разбойники прячут клад, и приносит своим родителям богатство.

Относительный дейксис: ситуация в целом раскрывает, как ребенок взрослеет, начинает помогать родителям в повседневных делах и в итоге благодаря своей смекалке и удаче качественно улучшает их жизнь, приносит в семью достаток, причем деньги тратятся на улучшение условий жизни и труда в рамках той же профессии («И отец купил еще одного вола, такого как Колорао, и у них все еще оставались деньги, чтобы купить еще много вещей, в которых они нуждались»¹⁵). Субъекты: Попугайчик как воплощение ребенка; его родители как символы крестьянства в целом; волк, разбойники/грабители/воры – непредсказуемая опасность; пастухи с дубинками – сила этноса, стремление обеспечить безопасность и

¹¹ Brüder Grimm. Kinder- und Haus-Märchen. Berlin, 1812. S. 196.

¹² Idem. S. 199.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Idem. S. 200.

¹⁵ Cuentos populares españoles. P. 67.

порядок. Иллокутивный эффект составляет необходимость рождения и воспитания детей в семье. Перлокутивный эффект – преодоление тягот жизни при помощи трудолюбия, смекалки и случайности/удачи.

Социальный дейксис отмечает тяжелые условия жизни испанского крестьянства, необходимость продолжения рода (в том числе для сохранения земельного надела за семьей), тяжелый труд, бедность. Дезидеративную оценку получает жизнь в семье в достатке, мелиоративную – добросовестный труд и веселый отдых на праздниках общины, пейоративную – воровство и грабеж.

Номинативный дейксис: номинативы фиксируют содержание социальных ролей и этнические оценки: *labradores* ‘земледельцы’; *cañamones* ‘карлики’; *el niño* ‘ребенок, малыш’; *Periquillo* ‘Попугайчик’; *sus padres* ‘его родители’; *el pastor* ‘пастух’; *los ladrones* ‘разбойники, воры, грабители’. Интуитивистская выборка: необходимость тяжелого труда, бедность простого народа, невозможность приобрести все необходимое и жить в достатке благодаря лишь честному труду.

Индикативный дейксис формализует отношение к крестьянам как к незначительным людям, необходимость детей в семье, терпение, полагание на волю Божию и счастливую случайность.

Абсолютный дейксис отражает идеальный конечный результат – рождение и воспитание детей в семье, преодоление бедности, труд на своей земле.

В английской сказке “The Story of Tom Thumb” («История Тома-с-палец») мальчик Том, ростом с большой палец, появляется в семье бедного, но гостеприимного пахаря по просьбе его жены и по волшебству волшебника Мерлина. Том попадает в разные переделки и добирается до двора короля Артура. Король позволяет ему отнести своим бедным родителям столько золота, сколько сможет, но он смог укатить лишь одну серебряную монетку. Тем не менее отец и мать гордятся сыном, поскольку он нашел службу у самого короля: Том развлекает его и королеву, но и родителей не забывает – раз в месяц навещает их и рассказывает о жизни при дворе.

Относительный дейксис сказки отражает демографическую ситуацию в крестьянской эрзянской семье: отсутствие детей или один ребенок, надежда на ребенка как на помощника в работе; недобровольное путешествие и возвращение непрямым путем. Действующие субъекты: крестьяне, муж и жена, старые, не имеющие помощников; мальчик, уходящий из дома по работе, возвращающийся домой, но вынужденный проделать не прямой долгий путь под влиянием необходимости, злой силы, с которой он борется и которую побеждает хитростью, желая вернуться в свое месторазвитие; волк, символизирующий агрессию и опасность.

Относительный дейксис: отношения ребенка с миром, полным опасностей. Том пускается в странствия, но родительский дом он покидает не добровольно, не с целью познания мира, а в силу случайности. Мальчик не имеет талантов и, в отличие от мокшанской и эрзянской сказок, не стремится к труду, родители не просят его о помощи и не дают поручений. Шалун и проказник, любимец родителей и фей, он находит покровителей и в королевском дворце. Действующие субъекты: Том; его отец-земледелец и мать; волшебник Мерлин; королева фей; король Артур. Иллокутивный эффект – милосердие и помощь ближнему. Перлокутивный эффект – дети как главное счастье в семье и смысл жизни.

Социальный дейксис выявляет отношения власти и подчинения, иерархии власти, милосердия и помощи бедному, нищему и несчастному. Смысл жизни – дети в семье, любовь и забота о них.

Номинативный дейксис, интуитивистская выборка: бедность крестьянства, отсутствие будущего у семьи бедного земледельца, милосердие и солидарность к ближнему, роль случайности в формировании жизненного пути. Номинативы формализуют социальные роли: *King* ‘король’; *magician* ‘волшебник’; *beggar* ‘по-

прошайка»; *ploughman* ‘пахарь’; *ploughman’s wife* ‘жена пахаря’; *stranger* ‘чужак’; *Fairy Queen* ‘королева фей’.

Индикативный дейксис формализует социальные контексты – экономический (бедность пахаря и богатство короля), политические (социальная иерархия, гордость за сына при дворе), демографические (необходимость рождения ребенка в семье; похвально, когда дети не забывают родителей).

Абсолютный дейксис – даже сын бедных родителей может добиться высокого положения в обществе при должной удаче, смекалке и терпении.

Чилийская сказка “*El Miñique*” («Мизинчик») повествует о семье очень бедных и очень несчастных стариков, водовоза и прачки. Как бы тяжело они ни трудились, денег едва хватает, чтобы не умереть с голоду. Они мечтают о ребенке, с которым могли бы разговаривать по вечерам и который заботился бы о них в случае болезни, и голос с неба сообщает, что их желание будет исполнено. На следующий день появляется малыш размером с мизинец, обладающий поразительной силой и громким голосом. Когда старики уже не в силах работать, мальчик приносит им продукты. Король желает увидеть его, а затем оставить при себе, но Мальчик-с-пальчик сообщает, что он единственный кормилец своих бедных старых родителей и без него они умрут. Растроганный король выделяет старикам комнату во дворце и обеспечивает всем необходимым. Мальчик-с-пальчик служит королю, применяя свои таланты, и счастливо живет, любимый всеми.

Относительный дейксис: ситуация в целом – жизнь как череда выборов, поиск своего места, поиск смысла жизни. Субъекты, действующие в сказке, – старые бедняки, не имеющие детей (как и в мордовской сказке); Мальчик-с-пальчик (честный малый); великодушный король. Иллокутивный эффект – разумное, соответствующее реалиям и потребностям постижение мира. Перлокутивный эффект – торжество добродетели, чест-

ности, этночеловеколюбия, сострадания и заботы о ближнем.

Социальный дейксис: трагедия этнической семьи и этноса в целом, заключающаяся в отсутствии детей; социальная иерархия и субординация – подчинение воле родителей и короля; демографическая справедливость как забота о родителях, которая важнее карьерного роста, социального успеха; межэтническая/миграционная справедливость как нежелание войн; экономическая несправедливость («как бы они ни трудились, заработанные деньги позволяли им только не умереть с голоду»¹⁶), честный труд по способностям как основа общественного признания и любви окружающих, получающий дезидеративную оценку. Смысл жизни – в честном труде на благо общества и вместе с этим в заботе о своей семье. Смысл жизни этноса – в рождении и воспитании детей. В отличие от мокшанской сказки чилийская фиксирует совместимость, выводимость и следование социальных групп на основании добродетели, демографической справедливости и жизни.

Номинативный дейксис, интуитивистская выборка: ребенок как главная радость и утешение и надежда на заботу в болезни и старости; ребенка необходимо оберегать, но затем выпустить в мир и позволить заботиться о родителях и занять свое место в мире в соответствии со способностями. Номинативы *viejecitos* ‘старички’, *el marido aguador* ‘муж водовоз’, *la mujer lavandera* ‘жена прачка’ демонстрируют профессию, социальное положение и демографическую группу субъектов; *una guagua* ‘ляля, малыш’, *el niño* ‘малыш, маленький ребенок’, *un hijo* ‘сын’ показывают этапы взросления ребенка. Второстепенные персонажи, играющие роль социальных контактов, называются по профессии: *el Rey* ‘король’; *el cebollero* ‘торговец луком’; *el despachero* ‘бакалейщик’; *el carnicero* ‘мясник’; *el panadero* ‘булочник’. Номинативный дейксис выявляет справедливость занятия своего места в жизни и демографическую справедливость.

¹⁶ Laval R. A. Op. cit. P. 66.

Индикативный дейксис: *el Miñique* ‘малыш, маленький, мизинчик’ олицетворяет ребенка, дезидеративную модель его отношений с ближайшим окружением и миром, дезидеративную модель взросления и вхождения в общественную иерархию, изменение положения в семейной иерархии, оценки устремления: совместимости, терпения, предоставления. Обращения *señor* ‘господин’, *tamita* ‘мамочка’, *hijito* ‘сыночек’ демонстрируют отношения взаимного уважения и понимания общественной иерархии.

Абсолютный дейксис – это абсолютные оценки добродетели/порока, семьи, труда, занятия своего / не своего места в мире. Абсолютный дейксис сказки соотносится с рядом библейских мотивов: 1) чудесное появление желанного ребенка в семье пожилых праведников (Лк. 1:5–25); 2) ребенок как дар Божий («И взглянул и увидел жен и детей и сказал: кто это у тебя? Иаков сказал: дети, которых Бог даровал рабу твоему» (Быт. 33:5); 3) притча о талантах (Мт. 25:14–30, Лк. 19:1–28); 4) наставление о почитании родителей: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Еф. 6:1–3); «Слушайся отца твоего: он родил тебя; и не пренебрегай матери твоей, когда она и состарится» (Прит. 23:22).

Все сказки, рассмотренные в данном исследовании, отражают трагичную ситуацию отсутствия детей в этнической семье бедняков – крестьян или рабочих; фиксируют дезидеративность рождения детей в семье – в надежде на помощь и поддержку (в мордовских и латиноамериканской) либо ради реализации желания любить и заботиться (в немецкой и английской). В мордовских, немецкой, испанской и латиноамериканской сказках ребенок с радостью трудится, помогая родителям, и во всех без исключения сказках совершает путешествие по стране, добровольное (в немецкой и латиноамериканской) или недобровольное (в мордовских, русской, английской, испанской), проявляя проактивность или реак-

Социальный дейксис отражает отношения крестьянина и власти, отношения конкуренции и конфликта, замаскированные под кооперацию. В мокшанской сказке крестьянин с властью не борется, не сражается, вооруженным образом, не убивает, но хитрит, обманывает и обирает, восстанавливая справедливость и выявляя ничтожное в кажущемся великом.

тивность, возвращаясь непрямым путем в свое месторазвитие (в мордовских, русской, немецкой, испанской) или не возвращаясь (в английской и латиноамериканской), обретая свое место и возлагая на себя обязанности заботиться о стариках-родителях (в большинстве сказок) или навещая их (в английской).

В эрзянской сказке реализуются отношения солидарности индивидов внутри этнической и социальной группы и отношения конфликта с другим видом (номинально) и властью (функционально), проявляющиеся в вооруженной борьбе и победе, вооруженном восстановительном правосудии. Мотив социальной мобильности отсутствует; смысл жизни – жизнь в семье и труд в семье в своем месторазвитии. Эрзя проявляют в сказке большую пассионарность, чем мокша.

В мокшанской сказке наблюдается мотив оправданного и одобряемого обмана обманщика, воровства у вора как формы восстановительной справедливости. Социальная мобильность так же неважна, однако ценится улучшение материального положения семьи. Смысл жизни – создание семьи, рождение детей в семье и забота о родителях в жизни в своем месторазвитии.

В русской сказке реализуется мотив экономической несправедливости и восстановительной справедливости в отношении русского крестьянства, восстановительного правосудия, осуществляемого вооруженным путем. Виновными в несправедливости назначают духовенство и власть. Взрослеющий

ребенок воплощает надежду угнетенного простого человека на лучшую жизнь и справедливость, которую невозможно получить мирным, законным, правовым путем.

В немецкой сказке “Daumerdick” жизненный путь становления и взросления – путь преодоления соблазнов, выбора между добром и злом как познания мира. В сказке “Des Shneiders Daumerlings Wanderschaft” реализуется мотив именно познания, исследования мира, а не просто познания добра и зла, не только выбора морального или аморального поведения, но и контроля моральности личности, борьбы со злом, несправедливостью и пороком в мире. Смысл жизни, который обретает взрослеющий ребенок в немецких сказках, – жизнь и труд в семье.

В испанской сказке также отражено экономически тяжелое положение крестьянства, хотя и не выявляются / не обвиняются виновные. Ребенок воплощает надежду семьи на улучшение экономического положения хотя бы в пределах приобретения необходимого для жизни и труда.

В английской сказке ребенок приносит в семью радость, позволяя потратить избыточную жизненную энергию на любовь и заботу о нем. Ребенок не решает экономических проблем бедной семьи, но может сам занять более высокое положение в обществе благодаря смекалке и случайной удаче. Заслуживает внимания мотив, согласно которому жизнь дает ребенку неограниченное количество возможностей, а он берет лишь столько, сколько может унести.

В латиноамериканской сказке реализуются отношения сотрудничества, отражаются занятие своего места, обретение достойного положения в обществе, получение профессии согласно способностям, понимание своего таланта и применение его на благо общества и семьи. Семья не противостоит социальной мобильности, занятие лучшего положения в обществе возможно без нарушения норм морали и христианского милосердия и заботы о родителях, напротив, одно способствует другому. Родители заботятся о ребенке, пока он мал, с радостью принимают его

таким, каков он есть, а по мере его взросления поручают ему посильную работу на благо семьи, способствующую налаживанию социальных связей и отношений.

Во всех сказках обсуждается проблема вымирания этнической семьи, семьи крестьянина, земледельца, отсутствия детей в силу тяжелых условий существования, необходимости рождения и воспитания детей в семье, доказывается, что счастье и смысл жизни – в детях.

Заключение

Во всех рассмотренных нами вариантах сказки «Мальчик-с-пальчик» формируется образ мира и человека в мире. Формализуются характеристики эрзянского человека, мокшанского человека и мира, в котором они живут и действуют.

1.1 Онтологические особенности эрзянской сказки

Мир эрзянской сказки отражает бытие в эрзянской крестьянской общине. Моделируются быт и труд крестьянской семьи и общины. Выражена полифония моделирования формы жизни: действуют субъекты разного рода. Репрезентанты социальной структуры – крестьяне, земледельцы и пастухи, старики и дети, агрессивная власть. Власть понимается как основной враг человека.

Модель справедливости в эрзянской сказке включает в себя следующие виды справедливости:

всеобщая – занятие своего места в общине сообразно своим способностям, добродетелям и труду;

общая – равенство субъектов социальной структуры;

этнокультурная – продолжение рода, развитие человека созидательного труда;

демографическая – рождение детей в семье, забота о детях и родителях;

формальная – нравственные нормы и гуманистические ценности;

восстановительная – восстановительное правосудие.

Мир сложен, неоднороден, непрямолинен, непредсказуем, основан на семье и локальной общине, частном благе в рамках локально-общего блага.

1.2 Онтологические особенности мокшанской сказки

Мир мокшанской сказки отражает бытие мокшанской крестьянской семьи на территории России. Моделируются быт и труд крестьянской семьи. Выражена полифония моделирования формы жизни: действуют представители разных этносов.

Собственность привилегированных условий оценивается как украденная у крестьянина.

Репрезентанты социальной структуры – крестьяне среднего достатка, старики и дети, богатое дворянство. Дворянство реализует экономическую несправедливость и интенцию к порабощению мокшанина.

Модель справедливости в мокшанской сказке включает в себя следующие виды справедливости:

всеобщая – жизнь в семье, занятие определенного положения в обществе, позволяющего наиболее эффективно использовать свои способности в созидательном труде и обеспечивать себя и семью;

общая – мера неравенства и тождества индивидов в обществе;

этнокультурная – расширенное воспроизводство этноса, развитие человека творческого труда;

демографическая – создание семьи, рождение детей, забота о детях, забота о родителях;

формальная – нравственные и законодательные нормы, гуманистические ценности;

восстановительная – восстановление справедливости без вооруженного протеста, уменьшение несправедливости в обществе.

Мир сложен, неоднороден, непрямолинеен, предсказуем, основан на семье и иерархии частной собственности, частном благе в рамках общего блага.

2.1 Аксиологические особенности эрзянской сказки

Главная ценность – семья и дети, предусматривается забота о родителях. Защита частной собственности и жизни от посяганий ненасытной власти допускает вооруженную борьбу в рамках восстанови-

тельного правосудия. Цель жизни – жизнь в отношениях справедливости и равенства в своем месторазвитии. Добродетели – трудолюбие, смелость, сохранение самообладания в любой ситуации, хитрость и находчивость, солидарность с семьей и общиной; пороки – алчность, агрессия, глупость. Локально-общее благо общины соотносится с частным благом частной собственности. Добро – жизнь в семье и в локальной общине в достатке, без излишеств. Зло – необходимость борьбы за выживание, ненасытная агрессивная власть.

2.2 Аксиологические особенности мокшанской сказки

Главная ценность – семья и дети, предусматривается забота о родителях. Приоритет отдается восстановлению справедливости хитростью, нежели вооруженному гражданскому протесту. Цель жизни – создание своей семьи в своем месторазвитии. Добродетели – трудолюбие, хитрость, сообразительность, солидарность с семьей и забота о благосостоянии семьи; пороки – глупость, паразитизм, тирания. Общее благо первично, частное благо подчиняется общему благу. Добро – жизнь в семье в достатке и процветании. Зло – эксплуатация, алчная власть.

3.1 Антропологические особенности эрзянской сказки

Этнический человек – крестьянин, ведущие виды деятельности – земледелие и скотоводство; идентификация и идентичность – с семьей и локальной общиной; жизнь в локальной общине на условиях солидарности. Человек проявляет реактивный тип деятельности, покидает свое месторазвитие и семью в результате неправомерных действий власти, борется с ней хитростью и вооруженным образом, стремится вернуться в свое месторазвитие и семью. Интенция к самоорганизации.

3.2 Антропологические особенности мокшанской сказки

Этнический человек – крестьянин, ведущий вид деятельности – земледелие; идентичность и идентификация – с семьей и социальной группой; жизнь в семье,

продолжение рода. Человек демонстрирует реактивный тип деятельности, покидает семью и свое месторазвитие в желании принести семье доход, в результате эксплуатации привилегированным сословием, стремится вернуться в свое месторазвитие и семью, принести семье богатство.

В отличие от зарубежных аналогов ни в эрзянской, ни в мокшанской сказке «Мальчик-с-пальчик» не отражена жизнь в условиях крайней бедности, отсутствия необходимого для жизни и труда. Также

не наблюдается интенция познания мира, получения образования или обучения ремеслу, добровольной службы главе государства.

Таким образом, можно констатировать, что цели данного исследования были достигнуты. Дальнейшие исследования могут и должны расширить и дополнить наши познания космо-психо-логоса эрзянского и мокшанского народов путем сравнения других сказок этих этносов с иноязычными аналогами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 240 с.
2. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
3. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В., Шаронова Е. А. Мордовский сказочный эпос как средство этнокультурного образования и развития личности // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 18–28. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.018-028.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
5. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия татарской сказки = Татар әкиятенен фәлсәфәсе. Саранск; Пенза: [Б. и.], 2017. 190 с.
6. Гагаев А. А., Гагаев П. А., Кудашева Н. В. Философия мордовской сказки = Мокшень ёфксть философияц = Эрзянь ёвксонть философияц: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 160 с.
7. Гагаев А. А. и др. Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки: в 3 кн.: кол. моногр. / отв. ред.: А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. Саранск: [Б. и.], 2016. Кн. 1–3.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
9. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1998. 336 с.
10. Девяткина Т. П., Панфилова С. С. Образ и функции змея в народных представлениях мордвы // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 1. С. 79–85.
11. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
12. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
13. Ключевский В. О. Русская история: в 3 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 1. 572 с.
14. Ковалевский М. М. Социология. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 300 с.
15. Монтень М. Опыты: в 3 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1–3.
16. Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители // Русская народная сказка / сост. О. И. Капица. М.; Л., 1930. С. 7–55.
17. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
18. Осьмушина А. А. Модель справедливости в мордовской этнической сказке // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 212–219. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.212-219.
19. Осьмушина А. А., Ингл О. П. Этнопедагогическое значение комического в творчестве мордовского народа // Интеграция образования. 2016. Т. 20, № 3. С. 415–421.
20. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Академия, 1928. 152 с.
21. Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 716 с.
22. Сепир Э. Язык. М.; Л.: Соцэкгиз, 1954. 222 с.
23. Шаронов А. М., Шаронова Е. А. О некоторых особенностях эрзянского героического эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 3. С. 47–60.
24. Шаронов А. М., Шаронова Е. А. Основные концепты эрзянской мифологии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 328–339.
25. Шаронова Е. А. Образ героя – покорителя змеев в эрзянском фольклоре и эпосе «Масторава» // Семантика народной культуры в литературе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 117–124.

26. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Бог, мир и человек в эзьянском мифе о сотворении мира // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 206–209.
27. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Идея образа богини Комлявы в эпосе «Мастор-ава» // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2018. С. 239–242.
28. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Фольклор села Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия: жанровый состав // Карповские чтения: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Арзамас, 2017. Вып. 7. С. 273–282.
29. Шеянова И. И. Жили-были старик со старухой... Мордовские бытовые сказки. Темы, сюжеты, образы // Центр и периферия. 2019. № 1. С. 42–48.
30. Шеянова И. И. «Золото» и «серебро» как элементы мифопоэтической системы мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 2. С. 200–207.
31. Юрченкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 156 с.
32. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975. С. 193–231.
33. American folklore / ed. by R. M. Dorson. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1959. 328 p. URL: <https://archive.org/details/americanfolklore00dors/page/n7/mode/1up> (дата обращения: 16.10.2021).
34. Anderson S. R., Keenan E. L. Deixis // Language typology and syntactic description. Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985. P. 259–308.
35. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 304 p.
36. Fillmore C. J. Lectures on Deixis. Berkeley: University of California, 1971. 145 p. URL: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/FillmoreDeixisLectures.pdf> (дата обращения: 10.07.2016).
37. Fillmore C. J. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, place and action: Studies in deixis and related topics. New York, 1982. P. 31–59.
38. Grimm J., Grimm W. Kinder- und Hausmaerchen. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1815. 389 S. URL: <https://archive.org/details/GrimmKinderUndHausmaerchen2-1815/page/n22/mode/1up> (дата обращения: 15.10.2021).
39. Karsdorp F., Fonteyn L. Cultural entrenchment of folktales is encoded in language // Palgrave Communications. 2019. No. 5. P. 1–11. DOI: 10.1057/s41599-019-0234-9.
40. Levinson S. C. Deixis // The Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell Publishing, Ltd, 2006. P. 97–120.
41. Nadales M. R. Retellings of tradition. Little Red Riding Hood and the voice of the wolf // Fabula. 2019. Vol. 60, no. 3–4. P. 244–262. DOI: 10.1515/fabula-2019-0016.
42. Radi M. L'espace et le fantastique dans les voyages de Sindbad le marin // Fabula. 2019. Vol. 60, no. 3–4. P. 304–317. DOI: 10.1515/fabula-2019-0019.
43. Toelken B. The dynamics of folklore. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 395 p. URL: <https://archive.org/details/dynamicsoffolklo0000toel/page/225/mode/1up> (дата обращения: 16.10.2021).
44. Uther H. J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia: Academia Scientiarum Fennica, 2004. (FF communications; no. 284–286).
45. Watts L. S. Encyclopedia of American folklore. New York: Facts On File, 2007. 441 p. URL: <https://archive.org/details/encyclopediaofam00lind/page/n8/mode/1up> (дата обращения: 16.10.2021).
46. Whorf B. L. Language, thought and reality. Selected Writings. Cambridge: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. 278 p.

Поступила 17.10.2021; одобрена 17.11.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Осьмушина – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, 98761985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-2772>

A person and the world in a Mordovian folk tale (in comparison with folktales of other ethnic cultures)

Anastasia A. Osmushina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The effectiveness of the research of folklore for the cognition of the cosmo-psycho-logos of the ethnos determines the relevance of this work. The research novelty of this study is studying Erzya and Moksha folk tales with the application of deixis analysis of folk tales with similar plots circulating in various ethnic groups. The object of the study is the texts of the Erzya and Moksha fairy tales with the plot motif "Tom Thumb" in comparison with Russian, German, English, Spanish and Latin American fairy tales with a similar plot. The subject of the research is the features of ontology, axiology, anthropology of Erzya and Moksha in a fairy tale. The purpose of the work is to identify the ontological, axiological and anthropological features of the Mordovian fairy tale. The objectives of the study are to perform a deixis analysis of the texts of several variants of the Mordovian fairy tale and its foreign-ethnic counterparts; identify their similarities and differences; to formulate the ontological, axiological and anthropological features of the Mordovian fairy tale.

Materials and Methods. To achieve the purpose of the study, the author carried out a comparative content analysis of the deixis of seven fairy tales with the leading plot motif "Tom Thumb". The author applies the method of critical selection of sources choosing the authentic versions of folk tales. General research methods allow the author to analyze and systematize the information obtained and synthesize the conclusions.

Results and Discussion. All the considered folk tales record the tragedy of the absence of children in an ethnic family, the desirability of procreation as children are the happiness and the meaning of human life. The Erzya folk tale demonstrates the local-common solidarity, the fight against aggressive authorities, and armed restorative justice. In the Moksha fairy tale, there is a motif of deception by a deceiver as a form of restorative justice to improve the financial situation of the family. Both in the Erzya and Moksha fairy tales, the intention of returning home in an indirect way and living in labor in one's place of development is realized.

Conclusion. A comparative analysis of the deixis of fairy tales of different ethnic groups with a similar plot makes it possible to identify the general and special in the content of fairy tales, to determine the features of the ontology, axiology, and anthropology of the ethnic group. The study showed that the ontological, axiological and anthropological features of the Erzya and Moksha fairy tales are close, but not identical; it revealed similarities and differences with the fairy tales of other ethnic cultures.

Keywords: Erzya fairy tale, Moksha fairy tale, similar plot, "Tom Thumb", ontology, axiology, anthropology

For citation: Osmushina AA. A person and the world in a Mordovian folk tale (in comparison with folktales of other ethnic cultures). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:223–240. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.223-240.

REFERENCES

1. Aier AJ. Language, truth and logic. Moscow; 2010. (In Russ.)
2. Anikin VP. Russian folk tale. Moscow; 1977. (In Russ.)
3. Antonov IuG, Sheianova SV, Sharonova EA. Mordovian folktale epic as a means of ethnocultural education and personal development. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;10:18–28. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.018-028.
4. Benvenist E. General linguistics. Moscow; 1974. (In Russ.)
5. Gagaev AA, Gagaev PA. Philosophy of Tatar folk. Saransk; Penza; 2017. (In Russ.)
6. Gagaev AA, Gagaev PA, Kudaeva NV. Philosophy of Mordovian folk tale. Monograph. Saransk; 2016. (In Russ.)
7. Gagaev AA, et al. Philosophy and nature, cosmo-psycho-logical model of the Russian folk tale. Collective monograph. Saransk; 2016;1–3. (In Russ.)
8. Danilevskii NIa. Russia and Europe. Moscow; 1991. (In Russ.)
9. Deviatkina TP. Mythology of the Mordvins. Saransk; 1998. (In Russ.)
10. Deviatkina TP, Panfilova SS. The image and functions of the snake in the folk representations of the Mordvins. *Vestnik Mariiskogo*

- gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Mari State University. 2021;15;1:79–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45611038> (accessed 16.10.2021). (In Russ.)
11. Delez G. Distinction and repetition. Saint-Petersburg; 1998. (In Russ.)
 12. Zheltukhina MR. Tropological suggestiveness of mass-media discourse: on the problem of the speech effect of tropes in the language of the media. Moscow; Volgograd; 2003. (In Russ.)
 13. Kliuchevskii VO. Russian history. Moscow; 1995;1. (In Russ.)
 14. Kovalevskii MM. Sociology. Sociology and the concrete sciences of society. Historical sketch of the development of sociology. Moscow; 1910;1. (In Russ.)
 15. Montaigne M. Experiments. Moscow; 1979;1–3. (In Russ.)
 16. Nikiforov AI. Folk tale, its existence and bearers. *Russkaia narodnaia skazka* = Russian folk tale. Moscow; Leningrad; 1930. (In Russ.)
 17. Austin J. Selected. Moscow; 1999. (In Russ.)
 18. Os'mushina AA. The model of justice in the Mordovian ethnic tale. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12;2:212–219. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.212-219.
 19. Os'mushina AA, Ingl OP. Ethnopedagogical value of the comical of the Mordovian people. *Integratsiia obrazovaniia* = Integration of Education. 2016;20;3:415–421. (In Russ.)
 20. Propp VJa. Morphology of fairy tale. Leningrad; 1928. (In Russ.)
 21. Samarin IuF. Orthodoxy and nationality. Moscow; 2008. (In Russ.)
 22. Sapir E. Language. Moscow; Leningrad; 1954. (In Russ.)
 23. Sharonov AM, Sharonova EA. On some features of the Erzya heroic epic. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2018;12;3:47–60. (In Russ.)
 24. Sharonov AM, Sharonova EA. Basic concepts of Erzya mythology. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2019;9;2:328–339. (In Russ.)
 25. Sharonova EA. The image of the hero-conqueror of snakes in Erzya folklore and the epic “Mastorava”. *Semantika narodnoi kul'tury v literature: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Semantics of folk culture in literature. Materials of the International scientific and practical conference. Moscow; 2018:117–124. (In Russ.)
 26. Sharonova EA, Sharonov AM. God, the world and man in the Erzya myth of the creation of the world. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of the All-Russian civil identity and the changing environment. Materials of the International scientific conference. Saransk; 2020:206–209. (In Russ.)
 27. Sharonova EA, Sharonov AM. The idea of the image of the goddess Komlyava in the epic “Mastorava”. *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st.* = Problems of Mari and comparative philology. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 2018:239–242. (In Russ.)
 28. Sharonova EA, Sharonov AM. Folklore of the village of Shoksha of the Tengushevsky district of the Republic of Mordovia: genre composition. *Karpovskie chteniia: sb. Vse-ros. nauch.-prakt. konf.* = Karpov readings. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Arzamas; 2017;7:273–282. (In Russ.)
 29. Sheianova II. Once upon a time there was an old man with an old woman... Mordovian household tales. Themes, plots, images. *Tsentr i periferiia* = Center and Periphery. 2019;1:42–48. (In Russ.)
 30. Sheianova II. “Gold” and “silver” as elements of the mythopoetic system of Mordvins. *Vestnik NII humanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2020;2:200–207. (In Russ.)
 31. Iurchenkova NG. Mythology in the cultural consciousness of the Mordovian ethnos. Saransk; 2002. (In Russ.)
 32. Jakobson R. Linguistics and Poetics. *Strukturalizm: “za” i “protiv”*: sb. st. = Structuralism: “pros” and “cons”. Collection of articles. Moscow; 1975. (In Russ.)
 33. Dorson RM, ed. American folklore. Chicago; London, 1959. URL: <https://archive.org/details/americanfolklore00dors/page/n7/mode/lup> (accessed 16.10.2021).
 34. Anderson SR, Keenan EL. Deixis. *Language typology and syntactic description: Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge; 1985;3:259–308.
 35. Brown G, Yule G. Discourse analysis. Cambridge; 1983.
 36. Fillmore CJ. Lectures on Deixis. Berkeley; 1971. URL: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/FillmoreDeixisLectures.pdf> (accessed 10.07.2016).
 37. Fillmore CJ. Towards a descriptive framework for spatial deixis. *Speech, place and action: Studies in deixis and related topics*. New York; 1982:31–59.
 38. Grimm J, Grimm W. Kinder- und Hausmaerchen. Berlin; 1815. URL: <https://archive.org/details/GrimmKinderUndHausmaerchen2-1815/page/n22/mode/lup> (accessed 15.10.2021).

39. Karsdorp F, Fonteyn L. Cultural entrenchment of folktales is encoded in language. *Palgrave Communications*. 2019;5. DOI: 10.1057/s41599-019-0234-9.
40. Levinson SC. Deixis. *The Handbook of Pragmatics*. Oxford; 2006. P. 97–120.
41. Nadas MR. Retellings of tradition. Little Red Riding Hood and the voice of the wolf. *Fabula*. 2019;60;3–4:244–262. DOI: 10.1515/fabula-2019-0016.
42. Radi M. L'espace et le fantastique dans les voyages de Sindbad le marin. *Fabula*. 2019;60;3–4:304–317. DOI: 10.1515/fabula-2019-0019.
43. Toelken B. The dynamics of folklore. Boston; 1979. URL: <https://archive.org/details/dynamicsoffolklo0000toel/page/225/mode/1up> (accessed 16.10.2021).
44. Uther HJ. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki; 2004:284–286.
45. Watts LS. Encyclopedia of American folklore. New York; 2007. URL: <https://archive.org/details/encyclopediaofam00lind/page/n8/mode/1up> (accessed 16.10.2021).
46. Whorf BL. Language, thought and reality. Selected Writings. Cambridge; 1956.

Submitted 17.10.2021; reviewing 17.11.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Osmushina – Candidate Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University, 98761985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-2772>

ОНТОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО ТАНЦА: ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС “ЁНДОЛНЯ” В САРАНСКЕ

ONTOGENESIS OF MORDOVIAN DANCE: FESTIVAL “YONDOLNYA” IN SARANSK

Ежегодный городской фестиваль народного и современного танца “Ёндожня” («Искорка»), проводимый в столице Мордовии, базируется во Дворце культуры городского округа Саранск. В фестивале-конкурсе могут участвовать танцевальные коллективы как из Саранска, так и из районов Республики Мордовия. Компетентное жюри оценивает работы танцевальных коллективов по особым критериям: оригинальность решения постановки, раскрытие идейного замысла, художественная выразительность, исполнительское мастерство, артистизм. Общепризнанный регламент конкурса состоит из определенных номинаций: «Мордовский танец», «Народный танец», «Народный танец в современной обработке», «Современный танец», «Эстрадный танец», «Соло и малые ансамбли», причем номинация «Мордовский танец» выделена жирной строкой как доминирующая и включает в себя любые формы, жанры, стили, виды танца.

В апреле 2022 г. состоялся XXII фестиваль-конкурс. Цель и задачи мероприятия были сформулированы следующим образом: развитие и творческий рост самостоятельных хореографических коллективов, популяризация культуры исполнения лучших образцов современной хореографии; сохранение и

преемственность традиций национальной хореографической культуры в репертуаре танцевальных коллективов, обмен опытом между коллективами и руководителями хореографических коллективов, организация культурного досуга населения городского округа Саранск.

6 и 7 апреля 2022 г. танцевальные коллективы Саранска, Рузаевки, Краснослободска представили мордовские хореографические номера в таких направлениях, как стилизация народного танцевального фольклора этнической мордвы; хореографическая интерпретация обрядового материала; мордовский танец в стиле фолк:

– “Ёру, ёру” – «Считалка» (танцевальный коллектив «Лицей № 7», МУ ДО «Центр эстетического воспитания детей», г. Саранск, рук. И. Н. Федюшкина);

– “Ведь мельга” – «За водой» (образцовая хореографическая студия «Калейдоскоп», МБУК «Дворец культуры г. о. Саранск», рук. Н. П. Рачкова);

– “Шумбраняста эряда” – «Живите в добром здравии»; (хореографический коллектив «Карамельки» Рузаевского муниципального района, обособленное подразделение «ДШИ № 3», рук. Ю. Г. Резепова);

– “Левжань кштива” – «Левженская плясовая» (народный ансамбль «Валдоня», ГБДО РМ «Республиканский Центр дополнительного образования детей», г. Саранск, рук. О. А. Петрова);

– “Пянакуд” – «Печка» (образцовая хореографическая студия «Калейдоскоп», МБУК «Дворец культуры г. о. Саранск», рук. Н. П. Рачкова);

– “Пулаезе” – «Мой пулай» (танцевальный коллектив «FLASH», МУ ДО «Центр эстетического воспитания детей», г. Саранск, рук. О. Н. Мавлиханова);

– “Илядне” – «Вечерочек» (образцовая студия театра танца «Art-Vision», АНО КЦ «Эксклюзив», МБУК «Дом культуры “Заречье”», г. Саранск, рук. С. В. Чурашова);

– “Вирьса” – «В лесу» (народный танцевальный коллектив «Премьера Star», МБУК «Центр культуры им. А. В. Ухтомского», МБУК ДК «Орион», г. Рузаевка, рук. С. Н. Кузнеценкова);

– “Эрьзянь тейтерень ча-чоча” – «Рождение эрзянской

девушки» (образцовый хореографический коллектив современного танца «Мы», МУ ДО «Центр эстетического воспитания детей», г. Саранск, рук. Е. В. Пискунова);

– «Розь паксыв» – «Ржаное поле» (образцовая хореографическая студия «Калейдоскоп», МБУК «Дворец культуры г. о. Саранск», рук. Н. П. Рачкова);

– «Скомнянт» – «Табуреты» (образцовый хореографический коллектив «Грация», МБУ «Центр культуры» Краснослободского муниципального района РМ, рук. И. Н. Демченко).

Постановочные работы танцевальных коллективов в направлении «Мордовский танец», его онтогенез (индивидуальное развитие) складываются из отдельных нюансов: хореографических знаний постановщика, логического построения танцевально-пластической композиции, грамотной подготовки исполнителей к сценической практике, профессионального художественного творчества модельера, музыкального сопровождения.

Танец «Ёру, ёру» – неподражаемая игра детей под песню фольклорного ансамбля «Келу» (Мордовская государственная филармония), в нем есть стилизация эрзянского костюма, народная хореография, логические считалки, танцевальные связи с рисунком кругового и линейного характера.

Танцевальная картинка «Ведь мельга» с маленькими девочками в сценическом костюме мордвы-мокши завораживает этническим колоритом. Девочки ходят за водой нескончаемой вереницей парных фигур, подчеркивающих характер линейно-круговых построений. Деревянные ведра, узкие коромысла на плечах исполнителей как народная атрибутика игрового неторопливого танца отражают крестьянский быт.

«Шумбраняста эрйда» – содержательная мордовская пляска с набором традиционного эрзянского костюма, этнической пластики, танцевальных эле-

ментов, жестов рук, различных поклонов и наклонов корпуса, мимики, раскрывающих смысл пожеланий о добром здравии.

«Левженская плясовая» на музыку В. А. Белоклокова заимствована со сценических подмостков танцевального оригинала из репертуара Мордовского государственного ансамбля песни и танца «Умарина». Свообразие представленной копии танца состоит в реконструкции, которая повторяет стилистику, пластику, хореографический материал балетмейстера Д. О. Бахарева, но имеет особенности в интерпретации сценической обработки композиционного построения.

Хороводная пляска-игра вокруг печки «Пянакуд» осуществляется на основе эстетических категорий: благородное – галантное и низкое – шутовское, сочетается с этническим мокшанским костюмом исполнителей. В номере заводящая героиня с ухватом в руке разгоняет девушек, которые пытаются схватить металлическую заслонку с ручками и протанцевать на ней. Обманом им удается это сделать. Воплощение игрового образа танца удачно сочетается с характерной выразительной пластикой мокшанок: они успевают делать на заслонке «дробь», каблуками красных сапог выстукивая красивый разговорный рисунок, а также различные кривлянья, иронизируя над «заводницей».

Танец без музыкального сопровождения «Пулаезе» представляет этнический обряд-посвящение девочек в девушек. Хореографическая композиция обрядового танца сделана как канва на основе филигранной работы с пулаем – эрзянским набедренным украшением: девушки снимают его с бедер, складывают пополам, поднимают над головой и трясут им, делают вращательные движения рукой, опускают вниз, держат на ладонях, делают продольные движения вперед и обратно с ритмическим рисунком ударных шагов стопами ног,

поочередно каблуками мордовской обуви. Сценический танцевальный обряд поставлен на материале хореографического оригинала «Изгнание саранчи» балетмейстера Г. Ю. Гальперина (репертуар Мордовского государственного ансамбля песни и танца «Умарина»), который заимствовал хореографический прием без музыкального сопровождения балетмейстера В. И. Конова из «Вепсского танца с ложками» (репертуар Национального ансамбля песни и танца Республики Карелия «Кантеле»).

Хореографическая картинка со скамейкой «Илядне» напоминает современное направление мордовского танца в стиле фолк. Композиция со своеобразным сценическим костюмом, передающим национальные оттенки пластических решений хореографии на сцене, косвенно отражает мордовскую принадлежность в музыке. В «Илядне» есть и положительные разделы, где присутствуют смысл, содержание, образ игрового танца, характерные говорящие руки танцовщиц, рисунок тела, наклоны и повороты головы.

В обрядовом танце «Вирьса» демонстрируется сценическая игра с диким зверем: девушки с корзинками в руках дразнят сладостями хозяина леса Медведя, при игре визжат, перед пляской хлопают в ладоши. Финал танцевальной игры со зверем заканчивается красивой картинкой на сцене.

«Эрзянь тейтерень чачома» как вокально-хореографическая картинка выстроена по законам хореографической драматургии (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, финал). Линейно-круговая пляска с парным построением, разборчивым набором танцевальных па со сценическим красочным костюмом героини, своеобразной пластикой подруг, дробными выстукиваниями с выразительными движениями поднятых рук соответствует представленным показателям развития сюжета.

Сценическая композиция “Розь паксав” акцентирует внимание на танцевальной стилизации обрядовых процессов сельского труда, в ней разыгрываются моления, посвященные мордовским богам, показывается борьба со стихиями природы (ветром, дождем, засухой), представляется стилизованная свободная пластика мордовского тела в направлении современного фолк танца. На фестивале-конкурсе современный авангардный жанр в стиле фолк танца стоит особняком: здесь и своеобразное видение танцевального материала, и музыкальное сопровождение под духовые национальные инструменты, и сценический костюм с оттенками мордовского плана, и другое танцевальное творчество. Самостоятельное существование мордовской хореографии отчетливо диктуется особыми показателями сценического инструментария.

На сцене – удачная стилизация хореографической картинке “Скомнянят”, где можно видеть филигранное построение деревянных конструкций табуретами, неординарную композицию рисунка в виде высоких пирамид и характерных скульптур, оригинальные танцевальные движения рук с неуклюжими бросками сапог, характерную современную пластику с элементами национального костюма, мимику героини, неподражаемую игру в стиле фолк.

Подводя итог проделанной работе, отметим, что на фестивале-конкурсе “Ёдолня” представлены разные сценические виды, жанры, современные направления мордовского танца. Конкурсная номинация «Мордовский танец в стиле фолк» демонстрирует нечто авангардное, новое, непохожее на «чистый» народный танец ни по рисунку геометрических фигур линейно-кругового порядка, ни по формам традиционных обрядовых плясок и квадратных кадрили.

Сценический (авангардный) жанр в начале XXI в. строится по

Эрзянский танец “Ёру, ёру” («Считалка»)

Erzya dance “Yoru, yoru” (“Nursery rhyme”)

определенным правилам и приемам танцевания: а) соединение элементов национального танцевального языка, образной пластики «чистого» этнического тела; б) погружение исполнителя в танцевальное субкультурное (мокша-эрзя) этническое творчество; в) композиционное построение танца фолк на основе двух или трех хореографических элементов танцевально-движенческого порядка; г) прием переплетения, основанный на фолк-материале с применением актерских возвышенных характеристик трагического и комического содержания.

Фактологические данные о мордовском танце фолк подтверждают гипотезу соавторской танцевальной эклектики, сочетания несочетаемого. На сцене мы видим прием эклектики, который присутствует в жанровом субстрате в представленных номерах, в ритмическом разнообразии танцевального текста, в хореографическом выражении пластики, движениях,

музыке, сценических деталях легкого костюма. В направлении танца фолк выделяется не танцевальный материал, а поток современной мысли как прием сплетения определенных параметров эмоционального настроения исполнителя с человеческим телом танцовщика; изобретательностью постановщика; реконструкцией и обобщением бытовых движений; динамикой конкретных техник танцевального тренинга.

На фоне эмоциональной информации сопоставления традиционных хореографических движений и свободной пластики в стиле фолк представленный коллективами Республики Мордовия материал наглядно демонстрирует развитие мордовского танца. Фестиваль-конкурс “Ёдолня” решает сложнейшие вопросы реконструкции, внедрения, восприятия утраченного облика национального, этнического танца, его индивидуального онтогенеза в современной танцевальной культуре России.

Александр Гаврилович Бурнаев – доктор искусствоведения, профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, burnaevag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>

Alexander G. Burnaev – Doctor of Arts, Professor, Department of Theater Arts and Folk Art Culture National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, burnaevag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-9699>

МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ ИЛЬИНУ – 70

MIKHAIL IVANOVICH IL'IN – 70

6 ноября 2021 г. исполнилось 70 лет кандидату педагогических наук (1987), доценту (2008) Михаилу Ивановичу Ильину.

Михаил Иванович родился в д. Луначарка Горномарийского района Марийской АССР. В первый класс пошел в Пертукловскую начальную школу, а затем продолжил обучение в Емелевской средней школе и закончил ее в 1969 г. После окончания средней школы в течение одного года работал в строительной организации ПМК-401 г. Козьмодемьянска Марийской АССР. В 1970–1975 гг. учился в Марийском государственном педагогическом институте (МГПИ) им. Н. К. Крупской, на историко-филологическом факультете, отделении «Русский язык и литература в национальной школе», получил специальность учителя русского языка и литературы.

Педагогическую деятельность М. И. Ильин начал в Ардинском СПТУ № 2 Килемарского (в то время Горномарийского) района Марийской АССР. В мае 1975 г. был призван в ряды Советской армии, проходил военную службу в Закавказском военном округе в г. Кутаиси (Грузия). После демобилизации работал корреспондентом республиканской молодежной газеты «Молодой коммунист», воспитателем в общежитии № 4 треста «Йошкар-Оластрой». В декабре 1979 г. молодой, энер-

гичный человек был приглашен в альма-матер на кафедру русского языка и был избран по конкурсу на должность ассистента кафедры. Тяга к знанию и учебе заставляла продолжать образование. В 1982–1985 гг. М. И. Ильин обучался в очной аспирантуре при Научно-исследовательском институте национальных школ Министерства просвещения РСФСР в Москве.

Научные интересы ученого связаны с марийско-русским двуязычием. В аспирантуре он занимался проблемами устранения акцента в русской речи студентов мари и овладения ими литературным произношением и интонированием. Под руководством доктора педагогических наук, профессора Г. Н. Никольской написал кандидатскую диссертацию на тему «Совершенствование орфоэпических и интонационных навыков русской речи студентов мари» и защитил ее в 1987 г. В работе вопросы устранения акцента рассматриваются на уровне звукоупотребления, ритмической организации слов и интонирования. Такой широкоаспектный подход явился по существу новым направлением в методике обучения русскому произношению в условиях марийско-русского двуязычия. Теоретические выводы, сделанные в диссертации, и практические рекомендации находят широкое применение в процессе обучения русскому

языку в вузах и школах республики.

После завершения аспирантуры Михаил Иванович возвращается в МГПИ, где занимает разные должности: ассистента кафедры русского языка (1978–1982), старшего преподавателя (1986–1991), доцента кафедры общего и сравнительного языкознания. С 1993 по 2008 г. является заместителем декана историко-филологического факультета по воспитательной работе и социальным вопросам. Одновременно с 1 сентября 1998 г. работает доцентом на кафедре русского и общего языкознания Марийского государственного университета, а затем доцентом кафедры русского и общего языкознания (2008–2013).

В стенах университета М. И. Ильин ведет занятия по современному русскому языку, теории и методике преподавания русского языка, теории и методике преподавания горномарийского литературного языка, основам стилистики и культуре горномарийской речи.

Много внимания ученый уделяет фонетике, орфоэпии, интонации как современного русского языка, так и современного марийского языка. Результатом этой работы стали следующие труды: «Орфоэпические и интонационные ошибки в русской речи студентов мари» (Йошкар-Ола, 1986), «Некоторые способы организации фонети-

ко-орфоэпического материала в курсе практикума по русскому языку с учетом особенностей марийско-русского двуязычия» (Йошкар-Ола, 1988), «Ритмика фонетических слов в русском и марийском языках (сопоставительная характеристика)» (Йошкар-Ола, 1993), «Межъязыковая фонетическая транс-позиция и интерференция в условиях марийско-русского двуязычия: психолого-физиологический и лингвистический аспекты» (Йошкар-Ола, 2001), «О фонемном составе марийских литературных языков» (Йошкар-Ола, 2004) и др.

Как методист по языкам М. И. Ильин написал ряд научных статей по методике преподавания: «Оценка сочинений

и изложений» (Йошкар-Ола, 1993), «Критерии и нормы оценки по русскому языку в 5–11 классах русской и нерусской школы (в таблицах, схемах, с иллюстративным материалом)» (Йошкар-Ола, 2001).

Не остались в стороне вопросы лексикологии родного языка: «Кырык марла орфографии лымдер», разделы на буквы Г, Д, Е, Ж, Т (Йошкар-Ола, 1994), «Ученые финно-угроведы о проблемах марийских литературных языков» (Йошкар-Ола, 1996). Михаил Иванович является автором методических разработок по русскому языку для марийских школ. Общий педагогический стаж у него составляет 36 лет.

За большой вклад в подготовку научно-педагогических

кадров М. И. Ильин награжден Почётной грамотой Министерства образования Республики Марий Эл, Почетной грамотой Министерства образования Республики Марий Эл (2001), Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2005).

В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Шотеш пиштымы Михаил Иванович! Улы шўм вашт Шачмы кечы доно мактеня. Кужы курым, цаткыды шулыкым, цашым, яжо кымылым согонленя. Ылымашда цаш доно валгалтшы, мам шанеда – цила шокталтшы, тек анзыкылыжат шуку сусу, пайда лизш, йангда соок самырык лижы.

Валерий Николаевич Максимов –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий "Марий йылме"
Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Valerij N. Maksimov –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
"The Mari Language", Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. И. ГОРБУНОВА (ФИННО-УГОРСКИЕ ПРОЕКЦИИ)

RESEARCH AND TEACHING ACTIVITIES OF G. I. GORBUNOV (FINNO-UGRIC PROJECTIONS)

В 2022 г. исполнилось 85 лет видному ученому-литературоведу, лауреату Государственной премии Республики Мордовия в области литературы (1993), педагогу, заслуженному учителю МАССР (1987), отличнику народного просвещения РСФСР, общественному деятелю, профессору Г. И. Горбунову.

Генрих Иванович родился 25 марта 1937 г. в старинном эрзянском селе Ичалки Ичалковского района Мордовской АССР в учительской семье Ивана Владимировича и Любви Митрофановны Горбуновых.

В историю культуры мордовского и других финно-угорских народов Поволжья Г. И. Горбунов вошел как литературный критик, крупный литературовед, долгое время направлявший в нужное русло течение национальной поэзии и прозы региона. Без него не обошлось ни одно знаменательное событие в литературной жизни республики, будь то съезд писателей или семинар критиков, на которых его выступления отличались принципиальностью, объективностью, глубоким знанием предмета, профессиональным анализом литературных процессов, явлений, творчества отдельных авторов. Перу Г. И. Горбунова – литературного критика принадлежит много аналитических статей. Не будет преувеличением сказать, что нет ни одного современного ему поэта, прозаика, чье

творчество не получило бы объективной и справедливой оценки литературоведа. Генрих Иванович дал путевку в жизнь поэзии И. Кудашкина. Впервые высоко оценил творчество русского поэта В. Гадаева как масштабное общероссийское явление, после чего в республиканских и столичных издательствах стали выходить циклы его произведений, а изумрудная россыпь поэзии В. Гадаева стала доступна широкой читательской аудитории.

Исключительные начитанность и эрудированность в вопросах литературы, утонченный, изысканный вкус в отношении лучших образцов русской поэзии и прозы стали базой для профессиональных суждений Г. И. Горбунова – литературного критика. Острый взор, литературное чутье, отточенная критическая мысль, яркие выступления, помощь и поддержка ученого помогли встать на крыло многим поэтам и прозаикам Мордовии.

Детство Генриха Горбунова прошло в сложные годы, усугубленные войной. В декабре 1941 г., в самый напряженный момент для судеб народа и Отечества, при обороне Москвы смертью храбрых пал его отец – Иван Владимирович, комиссар лыжного батальона. Чудовищная потеря валила с ног, казалось, кончилась жизнь. Но надо было продолжать земное существование, преодолевать обстоятельства. Оставшись

единственной кормилицей трех малолетних сыновей и престарелых родителей, Любовь Митрофановна вынуждена была оставить учительское поприще и перейти на работу в колхоз, чтобы сводить концы с концами, ставить на ноги детей.

Детство мальчика было сиротским, тяжелым. Жизнь заставила работать с малых лет, приучила к трудовым занятиям, способствовавшим выживанию семьи. Он знал все сельские работы: мог пахать, сеять, косить, научился паять, лудить, овладел плотницким и столярным делом.

Сельская жизнь учит всему. Генрих шел по следам довоенного поколения, крестьян-мастеровых, которые могли построить избу, сложить печь, обустроить двор, срубить баньку, а наряду с этим – исполнить долг перед Богом и миром: родить, воспитать и поставить на ноги детей. Так в вечных заботах о хлебе насущном и потомстве испокон веков жило российское крестьянство.

Социально-трудовой устой Лобасков, Ичалок – малой родины Г. И. Горбунова происходил из устоя хозяйственно-бытового, тщательно продуманного, выверенного столетиями. Этот многовековой устой опирался на нравственные и духовные принципы, основанные на нерушимой связи крестьян с матушкой-кормилицей землей, к которой они относились с сыновней любовью. Крестьянствование в

народе считается чуть ли не божьим делом, величайшим искусством, которое по плечу далеко не всем. На земле тоже надо быть творцом. Не случайно говорится: «На небе Бог – а на земле хлебороб». Крестьянский мир веками создавался, и вся его красота до конца еще не понята, не разгадана. Ясно одно – этот мир рождался из крестьянской обстоятельности, осмысленности жизни, провиденциальности, чувства красоты, тесной взаимосвязи между материальным и духовным миром как источником культуры.

Становление Г. И. Горбунова происходило на родной земле, среди крестьянства, простых трудовых людей. Они давали мальчику первые уроки жизни, пестовали, направляли, ставили на ноги, вразумляли, готовили к жизненным испытаниям. Все это делалось серьезно, истово, по-крестьянски основательно. В числе его земляков, учителей были фронтовики, прошедшие по дорогам войны, израненные в боях, но оставшиеся оптимистами и жизнелюбами. Это были победители, которые своим примером учили жить вопреки всему, творить и созидать, невзирая на обстоятельства. Молодые ученики сверяли по ним свою жизнь, свои дела, получая уроки патриотизма из первых рук.

Известно, какое влияние оказывает на человека обстановка. Г. И. Горбунов начинал свой жизненный путь в небогатом, но, что самое важное, справедливом обществе, где имелись представления о чести и совести. Рядом с ним было поколение скромных, порядочных, трудолюбивых людей, чья культура уходила своими корнями вглубь крестьянского патриархального сообщества XIX в. Рядом с ним были выдающиеся личности, крестьяне – становой хребет России!

Время юности и взросления Г. И. Горбунова – особый период. Это было время личных человеческих драм. Отчизна потеряла миллионы сыновей и дочерей. Горе и слезы застила-

ли глаза матерей, вдов и детей. Огромная страна была укутана в саван. Народу предстояло залечивать раны, набираться сил, чтобы пережить трагедию, и вместе с тем надо было двигаться вперед. Несмотря на весь трагизм, в первую очередь это была эпоха Великой Победы, великих свершений. Всеобщий подъем энтузиазма, стремление быстрее исцелить раны войны позволили победителям вместе с молодежью в послевоенном беспримерном в мировой истории неудержимом марше совершить трудовой подвиг – восстановить державу, заново отстроить тысячи городов и сел, гидроэлектростанций, заводов и фабрик, шахт и рудников, нефтепромыслов, по сути, заново перестроить страну.

Фронтовики принесли на своих плечах «оттепель», демократию, отказ от жестких догматов сталинизма. Общественно-политическая атмосфера в стране, специфика исторической эпохи в полной мере сформировали, закалили характер Г. И. Горбунова, позволили ему с новых высот оценить собственное место в жизни, осмыслить цели, поднять установки на более высокий уровень.

Послевоенное время запомнилось не только масштабными планами, значительными достижениями в экономике, важными историческими событиями, оно также нашло отражение в сознании и поведении подрастающего поколения. Поэтому, несмотря на все трудности, Генрих Горбунов не считал свое детство обездоленным, несчастным. Как известно, в детстве легче переносятся невзгоды. Особенно тогда, когда есть интересы, цели в жизни. Важной частью детских и юношеских лет, наиболее интересными занятиями для Г. И. Горбунова были учеба, чтение книг.

Личностное и человеческое становление будущего ученого происходило рядом с победителями, которые совершили невозможное. Он жил бок о бок с людьми особой закалки, железного характера и воли, впитывая

Г. И. Горбунов, 2002 г.

G. I. Gorbunov, 2002

их оптимизм, истовую веру в человека, его силы, способность изменить мир к лучшему.

В послевоенные годы было построено столько заводов, фабрик, электростанций, восстановлено и возведено столько городов, сколько не удалось построить за все последующие благополучные годы. Хрущевская «оттепель», завоеванная победителями, высвободила энергию и энтузиазм масс, страна напоминала большую стройку. Эпоха раскованной энергии народных масс – так можно назвать время, на которое выпала молодость Генриха Горбунова, получившего именно в этот период огромный запас энергии и оптимизма.

Молодость ученого пришлась на время великих дел, вершившихся в послевоенном СССР. Становление его личности совпало с освоением целины, началом строительства Волжского каскада гидроэлектростанций, первыми запусками советских спутников и полетом первого человека в космос, пуском первого атомного ледокола. Все это не могло не повлиять на характер и состояние души, на устремленность молодого человека в будущее, реализацию своей мечты.

С раннего детства у будущего литературоведа проявлялась неумемная тяга к чтению. Библиотека стала его любимым местом, здесь, выбирая и читая книги,

он открывал для себя неведомый мир. Став немного старше, с жадностью впитывал русскую и зарубежную классику. Споры, дискуссии о литературных героях, поиск истины, разбор произведений были частью жизни школьников той поры. Для многих людей его поколения книга была и украшением, и живой иконой, и символом культуры, и источником знаний о мире, и лучшим подарком. В таких условиях формировались мировоззрение, широта кругозора, масштабное видение мира, критическое мышление Г. И. Горбунова, оттачивались его чувство красоты и понимание заложенных в художественной литературе смыслов, что в дальнейшем сыграло большую роль в выборе профессии, предопределив судьбу литературного критика.

Ичалковский район – особое место, где высокая культура эрзянского народа тесно смыкается с русской культурой. Здесь, на ичалковской земле, соседствуют русские и мордовские селения, что объясняет хорошее знание местными жителями русского языка наряду с эрзянским. Равноценно бытовавшие на данной территории русская и эрзянская культуры и языки столетиями взаимно обогащали друг друга. Люди всегда стояли плечом к плечу: и в ратном подвиге, и в труде. Отсюда инсталлированное сознание мордвы и русских как государственных и патриотов, по этой причине они считают себя неотъемлемой частью государства, готовы верой и правдой служить ему.

Г. И. Горбунов – интернационалист по рождению, потому что его человеческая природа формировалась на лоне финно-угорской (эрзянской) и русской культур. В Лобасках и Ичалках в избах-читальнях, клубах, на посиделках, во время праздников на равных с эрзянскими звучали русские песни, которые легко приживались в эрзя-мордовских селах, где во все времена была исключительно велика любовь к русскому слову, высока певческая культура. Русские песни

приобретали новое интонационно-мелодическое звучание, начинали исполняться в стиле национальной полифонии, многоголосия. В ходу были проверенные в речи пословицы, поговорки, способные метко завершить любую тончайшую мысль, заставить задуматься о смыслах бытия.

С рождения Генрих овладевал естественным двуязычием – отсюда его способность убеждать собеседника в споре, оппонента в литературной дискуссии, умение лаконично и точно донести любую мысль, оставлять за пределами литературного, отточенного языка грубую, просторечную лексику, ругательства и хулы, непотребные для интеллигентного человека. В любой ситуации, будь то обычная беседа, разговор на улице с собеседником, лекция в вузе, – везде он пример, образец высочайшей речевой культуры. Из осознания финно-угорского и русского двуязычия проистекают его билингвизм и устойчивый, проверенный жизнью интернационализм.

В 1954 г. Генрих с отличием окончил Ичалковскую среднюю школу и успешно поступил на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института. В 1957 г. педагогический институт был реорганизован в университет, а специализация из чисто исторической стала историко-филологической. По сути, был восстановлен дореволюционный стандарт подготовки – учитель средней школы по профилю «История, русский язык, литература». Подобная специализация позволяла дать будущему специалисту всестороннюю подготовку, глубинное видение мира.

По окончании университета Г. И. Горбунов был призван на действительную военную службу в Советскую армию. С 1959 по 1961 г. он служил солдатом в войсках противовоздушной обороны в Баку. В армии небезуспешно освоил несколько специальностей: оператора радиолокационной станции,

старшего писаря строевой части, повара. Служил отлично, строго выполнял все задания командования, постоянно вел политработу в роте. Экстерном сдав экзамены на офицерское звание, был демобилизован в январе 1962 г. в звании младшего лейтенанта.

Солдатская служба Г. И. Горбунову запомнилась прежде всего тем, что он прочно убедился в ее необходимости для формирования личности мужчины. Армия, по его мнению, является важнейшим этапом взросления человека, становления личности, ибо она очищает человека от самоуверенности и приучает воспринимать реальную жизнь, смотреть на мир без розовых очков.

Служба не мешала заниматься любимым делом – чтением художественной литературы. В Баку открылась еще одна сторона таланта этого незаурядного человека: он учил наизусть стихотворные произведения великих русских поэтов и мог часами блестяще выразительно читать стихотворения и поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, Я. В. Смелякова, А. Т. Твардовского и др. Это удивляло и приводило в восторг слушателей – солдат. Любовь к выразительному чтению сохранилась на всю жизнь. И сейчас Г. И. Горбунов во время лекций перед общественностью, студентами университетов, Ичалковского педагогического колледжа увлеченно и уверенно воспроизводит многие стихи русской и мордовской классики. Универсальность образования позволяет ему в равной мере разбираться в политике, истории, литературе, но, может быть, именно любовь к поэзии дала в свое время молодому человеку осознание того, что филология ближе всего его душе. Благодаря этому пониманию состоялся выбор профессии, была получена ученая степень, увидели свет глубокие исследования по истории русской и мордовской литературы.

По возвращении со службы Г. И. Горбунов был приглашен на работу в комсомол. Проработав несколько месяцев в должности инструктора обкома комсомола Мордовской АССР, в 1962 г. он решил сменить профиль деятельности и поступил в аспирантуру Мордовского государственного университета по специальности «Мордовская литература» и начал работать над кандидатской диссертацией «Проблематика и образы современной мордовской прозы (1956–1966 гг.)», которую успешно защитил в 1968 г. К этому времени он уже успел поработать ассистентом, старшим преподавателем, доцентом на кафедре русской и зарубежной литературы, которой руководил известный ученый И. Д. Воронин.

В 1973–1993 гг. Г. И. Горбунов – доцент, профессор, заведующий кафедрой литературы, декан факультета русского языка и литературы Мордовского государственного педагогического института (ныне университета) имени М. Е. Евсевьева. Здесь проявились его лучшие качества как организатора высшего образования. При активном участии ученого на филологическом факультете были подготовлены сотни высококвалифицированных учителей русского языка и литературы, которые пришли на смену учителям старшего поколения. Это время отличалось тем, что выпускники массово шли в школы. Бывшие студенты Генриха Ивановича трудились по всему Советскому Союзу: от Калининграда до Сахалина. Поступали заявки, выписывались направления – и молодые специалисты отправлялись выполнять высокую миссию учителя.

Г. И. Горбунов много и плодотворно трудился, готовя кадры для высшей школы. Среди его выпускников – десятки известных в республике и за ее пределами педагогов, ученых: заслуженные учителя Республики Мордовия Л. Н. Якунчева, М. И. Любаева (Ступенькова), кандидаты наук, доценты и профессора Т. А. Наумова, Н. И. Еналеев, Н. И. Енале-

ева, Л. В. Василькина, П. В. Каштанова, С. Н. Степин, доктора наук, профессора А. С. Лузгин, В. И. Рогачев, А. М. Каторова, Е. А. Жиндеева и многие другие деятели, посвятившие жизнь педагогике, науке, высшей школе.

Бывшие студенты Генриха Ивановича продолжают трудиться в разных сферах жизни. М. Брыжинский, выпускник филологического факультета института, сельский учитель, успешно совмещая учебную работу с творчеством, прославился на писательском поприще своими повестями и романами. Не менее успешен и К. Тангалычев, ставший народным поэтом Республики Мордовия.

С 1997 по 1999 г. Г. И. Горбунов трудился ученым секретарем Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия. В завершение педагогической деятельности с 1999 по 2002 г. работал профессором кафедры русской и зарубежной литературы в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарёва.

Г. И. Горбунов обладает огромной притягательной и объединяющей силой. Многие из выпускников обоих вузов, даже не знакомые друг с другом, считают себя близкими, единомышленниками, делающими одно общее дело, которому их учил педагог. Важной чертой его личности является умение спланировать людей, конструктивно организовывать работу, плодотворно трудиться.

Высокая культура труда – отличительная черта Г. И. Горбунова. Она берет свое начало от крестьянских корней: как земледелец истово осеняет землю крестным знаменем во время пахоты, боронования и сева, чтобы были хорошие всходы, так и он основательно подходит к выполнению своих обязанностей, порученного ему дела.

Генрих Иванович запомнился целому поколению выпускников как мыслитель, исследователь, человек неординарного

аналитического склада ума, который мог читать лекции-экскурсии по творчеству любого из русских писателей, ориентируясь на лучшие педагогические традиции времени и своего педагога – М. М. Бахтина. Они ценят его тонкий юмор, обремененный мордовской народной философией, его мудрые советы и моральную поддержку в пору личных неурядиц или неуверенности в себе. Постоянная забота, моральная поддержка, оказываемая им, благотворно отражались на учебе студентов, придавали уверенность в своих силах. Можно сказать, что многим из тех, кто в дальнейшем продолжил заниматься наукой и образованием, Генрих Иванович помог проложить путь в профессию, поэтому кандидаты и доктора наук всегда с благодарностью вспоминают наставника.

Тысячи лекций прочитаны ученым в вузах Мордовии. Преподавая в течение нескольких десятилетий русскую литературу советского периода, Г. И. Горбунов в то же время не упускал из виду развитие родной литературы, постоянно занимался проблемами мордовской прозы и поэзии, был одним из ведущих литературных критиков. Наряду с преподаванием в вузе он писал учебники для школ. Его перу принадлежат более 10 учебников и программа по мордовской литературе для 7–11 классов. За большие заслуги в деле подготовки учительских кадров, учебных и методических пособий по литературе для национальных школ Г. И. Горбунову присвоены звания заслуженного учителя школы МАССР, отличника народного просвещения РСФСР. Он автор более 100 научных, литературно-критических, учебно-методических трудов, в том числе 3 монографий.

За книгу мемуаров, оригинальных эссе и аналитических материалов «Востомат: литературно-критической статья» («Встречи: литературно-критические статьи», 1993) Г. И. Горбунову было присвоено звание

лауреата Государственной премии Республики Мордовия в области литературы. В разделах книги ученый провел глубокий анализ творчества современных писателей и поэтов, сложных литературных процессов и явлений, причем осуществил его на чистом литературном эрзя-мордовском языке, без ссылок и жалоб на то, что в мордовских языках отсутствует и не выработана терминологическая основа для подобного анализа. Это ли не свидетельство совершенного знания родного языка и всех его возможностей!

Произведенный Г. И. Горбуновым профессиональный литературно-критический обзор в полной мере охарактеризовал зарождающиеся явления в национальной литературе 80-х – начала 90-х гг. XX в., указал на скрытые резервы и возможности творческого роста для писателей Мордовии.

В 2007 г. увидела свет следующая книга Г. И. Горбунова «Родина моя – Лобаски: очерк о жизни и творчестве В. В. Горбунова», посвященная исследованию жизненного и творческого

пути выдающегося ученого-филолога, внесшего значительный вклад в развитие науки, высшей школы, народного образования Мордовии. В ней нарисован портрет крупного ученого-энтузиаста на фоне эпохи, зафиксированы значительные процессы, происходившие в сознании целого поколения людей, масштабные изменения в культуре, образовании, науке, которые произошли в Мордовии. В исследовании сделано обобщение особенностей становления новых цивилизационных основ финно-угорского мира в лице и на примере В. В. Горбунова.

В определенной мере Г. И. Горбунова можно назвать продолжателем дела просветителя М. Е. Евсеева, переводчика религиозно-нравственной литературы. Так, одной из важных жизненных вех в его биографии в сложные 2000-е гг. стала работа над переводом на эрзянский язык Нового Завета в составе авторского коллектива (Н. Адушкина, Д. Надькин, Г. Батков, Г. Девяткин). Перевод осуществлялся под эгидой Института Библии

(Финляндия, г. Хельсинки) и вышел в свет в 2006 г.

Будучи человеком огромной эрудиции и профессионального мастерства, Г. И. Горбунов относится к ученым-энциклопедистам. Литератор и историк, педагог и философ, гражданин и патриот, он крепко стоит на ногах, являя собой живую связь времен, даря людям при общении с ним уверенность в своих силах, заряд оптимизма, творческой энергии, стремление двигаться вперед, желание прогрессировать, быть результативным.

Научная деятельность Генриха Ивановича – яркий пример служения крупного ученого-филолога, педагога своему народу, финно-угорскому миру, России. Масштаб и размах его деятельности – важное свидетельство силы и мощи духовной культуры мордовского народа.

К сожалению, пока верстался номер, пришло печальное известие о кончине Генриха Ивановича. Светлая память об ученом, педагоге, Учителе навсегда останется в сердцах всех, кто его знал.

Владимир Ильич Рогачев –

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсеева, Саранск, Россия, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

Сергей Николаевич Степин –

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсеева, Саранск, Россия, stepin.73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-7704-6344>

Vladimir I. Rogachev –

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Literature Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

Sergei N. Stepin –

Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Literature and Literature Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, stepin.73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-7704-6344>

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ К. Г. МАННЕРГЕЙМА

THE LAST LOVE OF K. G. MANNERHEIM

Маленький районный городок Мордовии, расположенный среди густого леса на берегу полноводной Мокши, хотя и не богат, но имеет очень богатую историю. Здесь, на современной территории г. Ковылкино, когда-то находилось имение дворян Араповых.

Задолго до описываемых событий на этом месте была обычная мокшанская деревня, которая подчинилась Золотой Орде и стала ее частью. Со временем местность преобразовалась в маленькое частновладельческое село Воскресенская Лашма. В XIX в. управление имением было передано богатому помещику, предводителю нижнеломовского дворянства Андрею Николаевичу Арапову.

В 1874 г., после смерти Андрея Николаевича, имением стал управлять его сын Иван Андреевич Арапов. Его супругой была Александра Петровна Ланская, дочь Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской и графа Петра Петровича Ланского. А. П. Арапова (Ланская) была женщиной, известной в великосветском обществе, вела активную литературную деятельность, занималась переводами.

В имении Араповых имела прекрасная усадьба, в которой были организованы маслоделие и сыроварение, крупнейший в пензенском крае винокурный завод, известный конный завод скаковых лошадей, племенные овчарни и фермы, лесное хозяйство.

Буквально за несколько лет Иван Андреевич превратился в успешного предпринимателя, удачно решая в собственном имении различного рода вопросы, например в сфере сбыта продукции, промышленном строительстве и внедрении новых технологий. Благодаря успехам в хозяйственной деятельности в 1895 г. И. А. Арапов был назначен членом Совета министра земледелия и государственных имуществ России.

В 1892 г. были заложены первые рельсы Рязанско-Казанской железной дороги, которая прошла через лашминские земли. Была построена железнодорожная станция, получившая название Арапово. В 1893 г. по этому пути проехал первый поезд. Железная дорога стала главным пунктом сбыта и вывоза во многие районы страны разнообразной продукции обширного помещичьего хозяйства, что способствовало его процветанию и экономическому развитию всего края.

О семье Араповых написано много, но интересных и недостаточно изученных фактов, связанных с ними, тоже немало.

Воскресенскую Лашму наряду с многочисленными родственниками хозяев посещали известные личности, среди которых был и К. Г. Маннергейм.

Карл Густав Маннергейм – шведский барон, российский и финский военный и государственный деятель. Родился 4 июня 1867 г. в Великом княже-

стве Финляндском, бывшем в то время составной частью Российской империи, в семье шведских аристократов. Его отец, небогатый человек, пытался заниматься коммерцией, но разорился и сбежал с любовницей в Париж, оставив все долги семье – жене и семерым детям. Через год мать от расстройства умерла в возрасте 29 лет. Густаву было тогда 15.

Прежде чем стать национальным героем, регентом, потом президентом Финляндии, швед Маннергейм успел побывать героем России и ее же врагом. Мечтая о карьере военного, Густав приехал в Санкт-Петербург. Он был совсем молодым человеком, тем не менее обладавшим отличными качествами: целомудрием, умом, честолюбием и прекрасной физической подготовкой. Ему без труда удалось поступить в Николаевское кавалерийское училище, которое он с отличием окончил, став профессиональным военным.

Маннергейм был близким другом Петра Ивановича Арапова (сына Ивана Андреевича), с которым вместе служил в Кавалергардском Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полку. В годы службы в Кавалергардском полку Маннергейму довелось бывать в имении Воскресенская Лашма¹. Возможно, здесь и состоялось его знакомство с Анастасией Николаевной Араповой, троюродной сестрой Пе-

¹ Макаркин Н. П. Иван Андреевич Арапов. Саранск, 2014. С. 25.

Анастасия Николаевна
Маннергейм (Арапова)

Anastasia Mannherheim (Arapova)
(28.12.1871–31.12.1936)

София и Анастасия Маннергейм
Sofia and Anastasia Mannherheim

Карл Густав Эмиль Маннергейм
Carl Gustaf Emil Mannherheim
(04.06.1867–27.01.1951)

тра Ивановича. Анастасия была дочерью Веры Александровны Казаковой и генерал-майора Николая Устиновича Арапова, оставившего после себя внушительное состояние.

В 1892 г. корнет Маннергейм женился на Анастасии Николаевне – она стала его единственной женой. Этот брак нельзя назвать счастливым. Маннергейм был плохим семьянином и не сумел поладить ни с женой, ни с дочерьми. Не находя счастья в семье, на рубеже веков Анастасия уехала на Дальний Восток на службу в Красный Крест. Брак закончился неофициальным разводом в 1902 г. и официальным в 1919 г. В то время генерал Маннергейм был временным главой Финского государства.

В браке у супругов родилось трое детей. Через год после свадьбы, в 1893 г., появилась дочь Анастасия, в 1894 г. – сын Владимир, умерший в младенчестве (похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга), в 1895 г. – дочь София, но вскоре отношения супругов испортились. Причин для этого было много. Основными можно считать смерть новорожденного сына и нача-

вшие изменения супруга – с графиней Елизаветой Шуваловой, с известными балеринами Тamarой Карсавиной, Екатериной Гельцер...

Елизавета Шувалова была одной из богатейших и влиятельнейших женщин России. Она была на несколько лет старше Густава, но это не мешало ей привлечь его внимание, а после смерти мужа и вовсе открыто показывать свое отношение к нему. В частности, находясь в Петербурге, она приглашала Маннергейма на свои знаменитые балы, на которые он приходил без супруги.

Вышедшая замуж с внушительным приданым, Анастасия Николаевна задолго до оформления развода всю свою собственность и деньги оформила на себя, тем самым лишив бывшего мужа возможности продолжать прежнюю роскошную жизнь. Он вынужден был зарабатывать на скачках. Анастасия к тому времени с двумя детьми уехала жить в Париж. Родственные связи, которые Густав приобрел в России благодаря женитьбе на дочери кавалергарда и генерал-майора, обернулись для него серьезной проблемой. К осуждающим его

родным Анастасии – Араповым, Звягинцевым и Менгденам – присоединились их многочисленные дальние родственники и близкие знакомые, которые прервали общение с Маннергеймом. О нем стали нелестно отзываться в Кавалергардском полку, где Араповы в лице тринадцати представителей фамилии служили на протяжении двух веков².

Дочери Густава и Анастасии Маннергейм большую часть жизни провели во Франции и Великобритании. Ни одна из них не вышла замуж. София несколько раз приезжала в Финляндию, но жить там не смогла, обосновалась в Париже. Анастасия делала попытку уйти в монастырь, но передумала и уехала в Англию. София умерла в 1963, Анастасия – в 1978 г.

Сама Анастасия Николаевна больше замуж не выходила и в Россию никогда не приезжала. Она умерла в 1936 г. в Париже, похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Считаем уместным высказать свою версию по поводу взаимоотношений Густава Маннергейма к Анастасии Араповой. Возможно, кому-то она покажется надуманной, но все же,

² URL: <http://davaiknam.ru/text/karl-gustav-mannergejm>.

полагаем, небезынтeресной. Да, у Маннергейма было много женщин, но любил он только одну – Анастасию Николаевну Арапову, свою жену. Конечно, оба супруга были людьми сильными, обладающими железной волей, большим самолюбием, не желающими уступать друг другу ни в чем. Может быть, каждый из них жалел о каких-то острых моментах, которых можно было избежать. Жизнь течет неумолимо, думаешь, что успеешь все исправить, а оказывается, что безнадежно опаздываешь. Возможно, как Анастасия, так и Густав ждали первого шага к примирению друг от друга. И этот шаг был все-таки сделан Густавом,

когда его бывшая жена серьезно заболела. Но было слишком поздно. Маннергейм принял все возможные меры, чтобы помочь, если не вылечить, то хотя бы облегчить страдания несчастной. Именно в эти дни фельдмаршал Финляндии написал в своем дневнике: «Через многие годы мы нашли друг друга, все поняли...»³

Анастасии Николаевны не стало 31 декабря 1936 г. На отпевании, состоявшемся в парижской церкви Александра Невского, Маннергейма не было – государственные дела его не отпустили.

Густав приехал в Париж только в мае, молча постоял у

могилы Анастасии, заказал панихиду в том самом храме, в котором проходило отпевание, и проплатил место захоронения супруги на 50 лет вперед. По возвращении в Хельсинки заказал еще одну панихиду – в построенной в 1827 г. старейшей русской православной церкви финской столицы – храме Святой Троицы на Унионка-ту. Фельдмаршал Финляндии, барон и лютеранин, отстоял на коленях всю заупокойную службу, пока в его руке не догорела свеча. Может быть, в этот момент он думал о том, что дороже Анастасии у него никого не было, и сожалел о несостоявшемся счастье.

³ URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/28706/>.

Евгения Николаевна Мухина –

*кандидат филологических наук, преподаватель
высшей квалификационной категории Ковылкинского филиала
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Ковылкино, Россия,
zenja.admajkina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0492-5743>*

Evgenia N. Mukhina –

*Candidate Sc. {Philology}, Teacher of the Highest Qualification Category
Kovylkinsky Branch,
National Research Mordovia State University,
Kovylkino, Russia,
zenja.admajkina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0492-5743>*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*
Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок Ф. Солнцева «Эрзянки Симбирской губернии»;

*4-я стр. – творческая работа А. Бекеневой «Природные мотивы»,
декоративное панно. Вышивка, 2019*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – F. Solntsev "Erzya women of the Simbirsk province";

page 4 – creative work by A. Bekeneva "Natural motives", decorative panel. Embroidery, 2019